

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Лебедянцев Иван Михайлович

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО КРУЖКА И
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН» В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
НИКОЛАЕВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Удалов Сергей Валерьевич

Саратов
2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ И ИЗДАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ.....	38
1.1. Институциональный аспект «Великого спора»: механизмы и тактики обхода цензуры, используемые славянофилами и западниками.....	38
1.1.1. Аренда журналов, сборники и брошюры	48
1.1.2. «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов	55
1.2. Славянофилы и редакция «Москвитянина».....	60
ГЛАВА 2. СЛАВЯНОФИЛЫ В ЦЕНЗУРНОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ВОКРУГ «МОСКВИТЯНИНА»	69
2.1. Первый год существования «Москвитянина» и публикации А.С. Хомякова	69
2.2. Цензурные сложности «Москвитянина» в 1842 года: споры вокруг статьи А.С. Хомякова и «славянский вопрос»	82
ГЛАВА 3. ИЗЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ИДЕЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН»	98
3.1. Участие славянофилов в «Москвитянине» в первой половине 1840-х гг.	98
3.2. «Москвитянин» в редакторство И.В. Киреевского: славянофильский период издания	116
ГЛАВА 4. «МОСКВИТЯНИН», СЛАВЯНОФИЛЫ И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА 1840-Х ГГ.....	146
4.1. Использование журнала М.П. Погодина для полемики с западниками.....	146
4.2. Полемика славянофилов с редакцией «Москвитянина»: точки соприкосновения и идеологические различия.....	161

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	181
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных общественно-политических дискуссий XIX века был спор славянофилов и западников. Противостояние «ревнителей отеческой старины» и сторонников европейского пути развития стало яркой страницей в истории российской философской и публицистической мысли. Исследование «Великого спора» 1840-х гг. началось уже в позапрошлом столетии, в советское и постсоветское время по данному вопросу было написано много статей и монографий, однако некоторые аспекты борьбы славянофилов и западников до сих пор остаются малоизученными.

Данное исследование посвящено истории взаимоотношений участников славянофильского кружка с редакцией журнала «Москвитянин» и использованию этого издания для борьбы с западниками.

«Славянофильство – направление в русской философии и социальной мысли, ориентированное на выявление самобытности России, ее типовых отличий от Запада»¹. Самыми известными деятелями славянофильства были А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев. Славянофилам, их учению, жизни, различным аспектам деятельности посвящено немало трудов. Но в основном эти работы касаются только их философских взглядов или биографических данных. Мы попытались рассмотреть деятельность славянофилов, их борьбу с западничеством в ее институциональном аспекте, т.е. исследовать не само содержание славянофильской доктрины, а те способы, при помощи которых в условиях николаевской цензуры мыслители данного направления могли доносить свои мнения до широкой (или относительно широкой) публики. На тот момент самым эффективным способом для этого были литературные журналы. В 1841 году известный историк М.П. Погодин начал выпускать журнал «Москвитянин». Это издание стало единственным литературным журналом, в

¹ Сухов А.Д. Славянофильство // Новая философская энциклопедия. М., 2010. // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ebf4fc8dba436e128fb7> [дата обращения 03.01.2024]

котором славянофилы могли активно печатать свои работы во время «Великого спора» 1840-х гг. (т.е. во время их столкновения с западниками).

Несмотря на старые приятельские и дружеские связи, отношения между членами славянофильского кружка с редакцией «Москвитянина» были достаточно непростыми. Участие славянофилов в издании журнала, те сложности, с которыми они сталкивались в попытках прорваться «сквозь умственные плотины», воздвигнутые, с одной стороны, николаевской цензурой, с другой – сложными отношениями с М.П. Погодиным, являются важными для понимания общественных условий, в которых происходило формирование «славянской» доктрины. Как отмечает известный исследователь отечественной консервативной мысли А.А. Тесля, «история славянофильских изданий по сей день остается недостаточно изученной страницей в изучении данного направления отечественной философской мысли. Важность же изучения внешней истории славянофильских изданий несомненна, позволяя, с одной стороны, выявить некоторые в противном случае остающиеся вне поля зрения детали идейного развития направления..., с другой – прояснить отношения славянофилов с правительственные кругами»². Кроме того, «на данный момент опубликована только одна общая работа по данной теме»³: монография Т.Ф. Пирожковой «Славянофильская журналистика»⁴. И если время царствования Александра II и Александра III – период, в который члены славянофильского кружка обзаводятся собственными газетами и журналами – имеет своих исследователей, то журналистская деятельность славянофилов в годы правления Николая I, когда, собственно, и имела место полемика между ними и западниками, остается практически не изученной.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к истории консервативной мысли, который наблюдается в последние годы в отечественной исторической науке. В советское время изучению российской

² Тесля А.А. Цензурный запрет «Московского сборника»// http://www.hrono.ru/statii/2010/tesla_mossbor.php [дата обращения 01.02.2024]

³ Там же.

⁴ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

прессы XIX в. и ее связью с идеяными течениями было посвящено немало работ. Однако советских ученых интересовали в первую очередь издания и авторы из лагеря западников. Славянофилам, почвенникам и представителям других консервативных течений в столь пристальном внимании было отказано. В связи с этим вполне закономерно, что после 1991 года интерес ученых переключился к малоисследованным авторам и направлениям консервативного лагеря.

Другая особенность данного исследования, которая делает его актуальным, – это использование междисциплинарного подхода. «Междисциплинарность стала одним из основных инструментов в научном познании еще в XX в. и сохраняет актуальность и в нынешнем столетии прежде всего потому, что в настоящее время инструменты научного познания в отечественном социально-гуманитарном знании расширяются и старые методы пересматриваются, тем самым междисциплинарность выходит на передний план»⁵. В своем исследовании мы используем не только исторические и общенакчные методы, но и обращаемся к филологии, журналистике, социологии, философии. А также используем междисциплинарные методы. В частности, это социокультурный подход, особенность которого состоит в рассмотрении общества как единства культурного и социального моментов. Также в работе использовался институциональный подход, зародившийся в экономике, но активно применяющийся сегодня в различных отраслях знания, в том числе и в исторической науке.

С общественно-политической точки зрения данное исследование актуально в связи с новым витком противоборства сторонников западного пути развития и поборниками самобытности России, который в последние годы наблюдается в российском обществе.

⁵ Лебедева М.С. Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем в социально-гуманитарном знании // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А.

Другой стороной нашего исследования является рассмотрение цензуры и других форм воздействия власти на общественную мысль. Поскольку и славянофилы, и редакция «Москвитянина» действовали в условиях жестких идеологических рамок времен николаевского царствования, их взаимоотношения, взгляды, редакторская деятельность были во многом обусловлены политикой правительства в области формирования общественного мнения. И эта сторона диссертации представляется нам особенно актуальной.

В современном мире с каждым днем увеличивается роль средств массовой информации и массовой коммуникации. Информация становится одним из ведущих факторов производства, играет важную роль в политике, культурной жизни и других сферах. В меняющихся общественно-политических условиях с новой силой встает вопрос о месте и роли государства в информационной жизни общества. Особенно это важно в связи с происходящими в современном российском обществе и во всем мире процессами. С одной стороны, после распада СССР в России практически исчезли цензурные ограничения. Это привело к негативным последствиям: падению духовно-нравственной культуры, понижению уровня национального самосознания. С другой стороны, появляющийся с начала нулевых годов государственный контроль над сферами массовой коммуникации и информации может ограничивать свободу слова и печати. Для правильного, сбалансированного развития общества необходимо найти «золотую середину» в отношении властных структур и средств массовой информации.

Степень изученности. Славянофилам посвящено множество работ. Они стали появляться еще до 1917 года. Уже дореволюционная библиография славянофильства весьма обширна. Одним из первых исследователей этого течения был А.Н. Пыпин. Славянофилам он посвятил главу в своей книге о развитии русской общественной мысли при Николае I⁶. В это же время

⁶ Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. СПб., 1873. С. 233-344.

появились работы А.Д. Градовского, посвященные славянофильству⁷. В дальнейшем о славянофилах писали многие видные историки, философы и литературные критики, такие как М.О. Гершензон, П.Н. Милюков и многие другие. Естественно, после революционных потрясений 1917 года интерес отечественных исследователей был прикован к западникам, лидеры которых были идеологически близки советской власти. Однако и советскими учеными была создана весьма обширная литература, посвященная изучению философских взглядов А.С. Хомякова, братьев Киреевских и других представителей «московской» партии. Первые публикации по славянофильству в Советской России появляются в конце 1930 – начале 1940 гг.⁸ Впоследствии интерес к славянофилам будет расти, а иногда и перерастать в целую научную полемику, как это было, например, в 1969 году, когда на страницах журнала «Вопросы литературы» несколько маститых советских ученых обсуждали проблемы литературной критики ранних славянофилов⁹.

Но настоящий всплеск исследовательской активности пришелся на постперестроечный период. В условиях смены идеологических парадигм и поиска новых мировоззренческих ориентиров славянофильство стало притягивать отечественных исследователей как старшего поколения, так и тех, кто вырос в новой, постсоветской России.

Еще в 1983 году известная исследовательница славянофильства Е.А. Дудзинская писала, что литература по славянофилам необъятна¹⁰. С тех пор количество публикаций, посвященных членам кружка и их философии, выросло в разы. Существует несколько обзорных работ, описывающих

⁷ Градовский А.Д. Первые славянофилы // Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873. С. 217-309.

⁸ Державин Н.С. Герцен и славянофилы // Историк-марксист. М., 1939. № 1. С. 125-146; Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. М., 1941. № 1. С. 85-96.

⁹ Фризман Л.Г. За научную объективность // Вопросы литературы. М., 1969. № 7. С. 138-152; Маймин Е. Нужны конкретные исследования. Вопросы литературы. М., 1969. № 10. С. 103-112; Кулешов В.И. Славянофильство как оно есть // Вопросы литературы. М., 1969. № 10. С. 131-144; Машинский С. Славянофильство и его толкователи (некоторые итоги дискуссий) // Вопросы литературы. М., 1969. № 12. С. 103-140.

¹⁰ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С.10.

историографию исследуемого вопроса. Это статьи и монографии К.М. Антонова¹¹, И.В. Чуркиной¹², А.О. и О.А. Митрошенковых¹³. Положительной особенностью данных исследований является наличие оригинальной методологии и собственного подхода к изучаемой проблеме.

Если работа И.В. Чуркиной заканчивается освещением советской историографической традиции, монография А.О. и О.А. Митрошенковых, увидевшая свет в 2005 году, раскрывает основные направления исследовательской работы российских ученых, посвященных славянофильству, еще и в постперестроечный период. Исследование заканчивается началом 2000-х гг. Данная работа была переиздана в 2022 г.¹⁴, как указано в книге, с дополнениями. Однако дополнения эти не касались последующей историографической традиции, и дальше 2000-х гг. исследователи не пошли.

Очень глубокой и подробной работой является историографический разбор К.М. Антонова. Несмотря на то, что в заголовок вынесено имя И.В. Киреевского, автор статьи не ограничивается рассмотрением работ, посвященных только этому представителю славянофильского лагеря. Большую статью К.М. Антонова, на наш взгляд, можно назвать лучшим очерком по историографии славянофильства. Автор не просто описывает предшествовавшую ему исследовательскую традицию, но и пытается, используя методологию И. Лакатоса, увидеть в ней закономерности развития. Особенностью работы К.М. Антонова является включение в его обзор трудов, появившихся в церковной среде, которые обычно игнорируются исследователями¹⁵. Образовательные учреждения Русской Православной

¹¹ Антонов К.М. Славянофилы и И.В. Киреевский: Становление исследовательской традиции. Вестник ПСТГУ I: серия Богословие. Философия. 2006. вып. I:16. С. 55-92.

¹² Чуркина И.В. К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия. 2015. № 1. С. 75-102.

¹³ Митрошенков А.О., Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной Российской историографии. М., 2005.

¹⁴ Митрошенков А.О., Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной Российской историографии. М., 2022.

¹⁵ Антонов К.М. Славянофилы и И.В. Киреевский: Становление исследовательской традиции. Вестник ПСТГУ I: серия Богословие. Философия. 2006. вып. I:16. С.71.

церкви всегда являлись одновременно и крупными исследовательскими центрами. Несмотря на то, что в советский период большая часть этих центров была закрыта и церковь обладала только одним печатным изданием, исследования по истории, философии и богословию продолжали появляться. Среди них были и важные для истории изучения славянофильства работы, такие как труды С.И. Фуделя¹⁶.

Деятельность славянофилов, М.П. Погодина и С.П. Шевырева привлекала внимание не только отечественных исследователей, но и зарубежных авторов. В центре их внимания часто оказывалась эпоха Николая I, идеология николаевского царствования, и, как следствие, его идеологи. Примечательно, что единственные монографии, посвященные жизни и трудам одного из главных идеологов николаевского царствования С.С. Уварова, написаны именно зарубежными исследователями¹⁷. Также эпохе Николая I, редакторам «Москвитянина» и взглядам славянофилов посвящены статьи и монографии классика русистики и автора самого известного за рубежом пособия по русской истории Н. Рязановского¹⁸.

Однако западная историография, также как и большинство отечественных исследователей, все свое внимание уделяет учению славянофилов, тогда как институциональный аспект их деятельности не привлекает внимания ученых. В основном, интерес заграничных авторов связан с изучением влияния славянофильских идей на русскую культуру XIX столетия, на мировоззрение великих русских писателей (Толстого, Достоевского) или на само содержание доктрины¹⁹. Ценные замечания касательно журналов и публикаций классиков славянофильства мы можем встретить у выдающегося исследователя русской

¹⁶ Фудель С.И. Собрание сочинений: В 3 т. М., 2001-2005. Т.3. С.177-278.

¹⁷ Пайпс, Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013; Виттекер, Ц. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

¹⁸ Riasanovsky, N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. University of California Press. 1959; Riasanovsky, N. Russia and the West in the teaching of the Slavophiles: a study of romantic ideology. Gloucester, Mass., P. Smith. 1965.

¹⁹ Миллионникова Т.М. Английская и американская славистика о славянофильстве // Литературоведческий журнал. 2022. № 55. С. 78-97.

философии А. Валицкого²⁰, но они рассматриваются в его трудах лишь эпизодически.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что несмотря на большое количество работ по славянофильству, те темы, которые поднимаются в данном диссертационном исследовании, недостаточно освещены в научной литературе. Это касается как славянофильской журналистики в годы правления Николая I, так и отношений между славянофилами и консервативными публицистами, группировавшимися вокруг классической редакции «Москвитянина» (в первую очередь М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым).

Говоря об освещении журналистской деятельности славянофилов в современной науке, стоит отметить, что если она и попадала в поле зрения ученых, то изучалась избирательно. Внимание привлекала деятельность славянофилов после 1855 года, когда при Александре II появляется относительная свобода слова, и славянофильский кружок обзаводится собственными печатными органами. Издательская и журналистская деятельность славянофилов в этот период хотя освещена и недостаточно полно, однако ее изучению посвящены диссертационные исследования, монографии, статьи²¹. В то время как журналистская и издательская деятельность членов кружка в годы правления Николая I, когда и происходило столкновение с западниками, освещена очень поверхностно.

Первой попыткой рассмотрения журналистской деятельности славянофилов стала работа А.Г. Дементьева²². Кроме того, Дементьевым было

²⁰ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

²¹ Бадалян Д.А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2010; Бадалян Д.А. Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 190–201; Тесля А.А. Предыстория издания журнала «Русская беседа» // URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/tes_beseda.php [дата обращения 01.02.2024]; «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Спб, 2011.

²² Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. / А.Г. Дементьев. - Москва; Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы, 1951.

написано несколько глав (гл. XIX-XXI), посвященных журналам 1840 - 1850 гг., для первого тома «Очерков по истории русской журналистики и критики»²³. Однако работы исследователя имеют ряд существенных недостатков, которые, скорее всего, являются следствием советской эпохи. Монография Дементьева была написана в 1951 году, и большую часть этого объемного труда составляют идеологические выкладки. Собственно, журналистской деятельности славянофилов Дементьев посвящает лишь несколько страниц. Все остальное — размышления о реакционности их идеологии.

Короткие очерки о славянофильской издательской и публицистической деятельности появлялись в монографиях и учебных пособиях по истории отечественной журналистики²⁴, на интернет-порталах²⁵.

Важной вехой в исследовании славянофильской публицистики стала работа Т.Ф. Пирожковой «Славянофильская журналистика»²⁶. В дальнейшем Т.Ф. Пирожкова защитила докторскую диссертацию по той же теме. На наш взгляд, можно утверждать, что в ее работах был впервые подробно рассмотрен вопрос публицистической деятельности славянофилов в 1840-1850 гг. Т.Ф. Пирожкова провела серьезное исследование. Ею в научный оборот впервые были введены ранее не публиковавшиеся документы. Кроме того, исследователь заполнила важный пробел в изучении славянофильства, осветив в своей работе жизнь и деятельность одного из ярчайших представителей младшего поколения этой школы – Д.А. Валуева.

²³ Очерки по истории русской журналистики и критики. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1950-1965. 2 т. Т.1. С. 437-552.

²⁴ Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении. М.: Флинта: Наука, 2000; Рублева Л.И. История отечественной журналистики XVIII–XIX веков: учебное пособие. Южно-Сахалинск, 2012. С. 277-279; Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков; История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб., 2003. С. 321–331.

²⁵ Сонина Е.С. Два номера, три номера, два номера... // <https://presshistory.ru/slavyanofilskaya-zhurnalistika> [дата обращения: 11.10.2024]; Периодические издания славянофилов // https://expositions.nlr.ru/ex_rare/slavophils/45_52/ [дата обращения: 12.08.2024]

²⁶ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

Несмотря на то, что исследование Т.Ф. Пирожковой освещает многие вопросы славянофильской журналистики, участие славянофилов в «Москвитянине» отражено в нем неполно. Известная исследовательница разбирает только один эпизод из длительной истории взаимодействия членов кружка с классической редакцией журнала: переход погодинского издания в руки славянофилов в 1845 году. Тогда на короткий промежуток времени редактором «Москвитянина» становится И.В. Киреевский. Им были подготовлены первые три номера журнала. В дальнейшем Киреевский отказался от редакторской деятельности. Т.Ф. Пирожкова со свойственной ее работам скрупулезностью и профессионализмом разбирает содержание «славянофильских» номеров журнала, приводит множество воспоминаний современников, показывающих, как обновленный «Москвитянин» был принят публикою. Несмотря на то, что 1845 год, безусловно, является самым важным в истории отношений славянофилов и «Москвитянина», эти отношения редакторством Киреевского не исчерпываются. И до перехода журнала в руки славянофилов, и после ухода из него Киреевского на его страницах появлялись важные для истории течения тексты, а вокруг них возникали непростые и запутанные сюжеты, повлиявшие на дальнейший характер отношений М.П. Погодина и членов кружка. Кроме того, мы не можем согласиться с рядом положений Т.Ф. Пирожковой. Так, рассматривая причины разрыва славянофилов с редакцией «Москвитянина» она указывает, что главной из них были идеологические разногласия²⁷, хотя среди обилия приведенных ею свидетельств современников, нигде об этом не сказано. Большинство близких к славянофилам и Погодину людей указывали на сложные личные отношения, болезнь и усталость Киреевского и другие бытовые обстоятельства разрыва. Об идеологическом противостоянии двух представителей московского консерватизма, как причине ухода славянофилов из «Москвитянина», не упоминал никто. Кроме того, говоря об общих идеологических установках

²⁷ Там же. С.37.

членов славянофильского кружка и М.П. Погодина, исследовательница среди прочего упоминает и личность Петра I²⁸.

Но, как известно, фигура Петра I, наоборот, разделяла представителей этих двух течений. Для М.П. Погодина царь-преобразователь был одним из важнейших правителей русской истории, тогда как славянофилы были «наиболее последовательными критиками петровской модернизации во второй четверти XIX в.»²⁹. Для славянофилов царь-реформатор был фигурой отрицательной (хотя относительно его деятельности и его оценок славянофилами часто необходимы различные оговорки), для М.П. Погодина создатель Петербурга – важнейший преобразователь в истории страны.

Важная роль в исследовании славянофильской издательской деятельности принадлежит В.Н. Грекову, который издал в 2015 году «Московский сборник»³⁰, снабдив его комментариями. Помимо первой части сборника, которая увидела свет в 1852 году, он в этом же издании опубликовал вторую часть, не пропущенную в печать цензурою. Кроме того, им были опубликованы статьи, освещавшие участие славянофилов в «Москвитянине» в 1845 году³¹.

Важным трудом, исследующим участие славянофилов в «Москвитянине», является статья С.А. Шпагина³². Но несмотря на научную глубину, работа томского исследователя также касается, в основном, только событий 1845 года – времени недолгого редакторства славянофила И.В. Киреевского.

Еще одним исследователем, работы которого важны для изучаемой нами проблемы, является А.И. Виноградов. Опубликованные им в последние

²⁸ Там же.

²⁹ Удалов С.В. Петр I и русские консерваторы первой половины XIX в. // Русско-Византийский вестник. 2022 № 3 (10). С. 181.

³⁰ Московский сборник: [т. 1, 2] / подгот. В.Н. Греков. СПб., 2014.

³¹ Греков В.Н. Журнал как диалог. («Москвитянин» 1845 г.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №4. С.135-147; Он же. Журнал как диалог. («Москвитянин» 1845 г.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №5. С.87-98.

³² Шпагин С.А. Славянофилы и «Москвитянин» // История, экономика, культура, общественная мысль России: Сборник статей аспирантов-историков. – Томск, 1997. С.87-104.

несколько лет статьи содержат много важного материалов и ценных наблюдений по вопросам цензуры, столкновения славянофилов и западников³³.

Внимание журналистской деятельности славянофилов уделял в своих работах и один из крупнейших современных исследователей русского консерватизма А.А. Тесля³⁴.

Помимо освещения малоизученных аспектов славянофильской журналистики в годы правления Николая I, данное диссертационное исследование касается еще одного важного и не до конца выясненного в науке вопроса об идеологических различиях между редакцией «Москвитянина» и славянофильским кружком.

Вопрос об идеологическом направлении славянофильского кружка и отдельных его членов распадается в науке на два исследовательских направления.

Во-первых, это дискуссия о том, к какому течению стоит относить славянофилов: к либералам или консерваторам. Этот вопрос был поднят впервые еще в дореволюционной историографии. При этом оценки славянофильства высказывались совершенно противоположные. Так, А.Н. Пыпин, М.Н. Катков, Н.А. Бердяев, Н.Л. Бродский говорили о либерализме славянофилов, тогда как П. Линицкий, М.О. Гершензон считали их консерваторами³⁵. В советской историографии это разномыслие в среде исследователей сохранилось. В первые десятилетия советской власти благодаря влиянию Г.В. Плеханова преобладала оценка славянофилов как

³³ Виноградов И.А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // Два века. 2020. № 1. С. 62-153; *Он же*. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189-224; *Он же*. Гоголь и западное славянофильство: к постановке проблемы // *Studia Litterarum*. 2017. № 4. С. 182-207.

³⁴ Тесля А.А. Предыстория издания журнала «Русская беседа» // URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/tes_beseda.php [дата обращения 01.02.2024]; *Он же*. Цензурный запрет «Московского сборника»// http://www.hrono.ru/statii/2010/tesla_mossbor.php [дата обращения 01.02.2024].

³⁵ Немцев И.А. Славянофильство в истории Российского консерватизма XVIII - начала XX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Пермь, 1998. С.3-5.

консерваторов³⁶. Так считали в 1930-50-х гг. Н.М. Мещеряков³⁷ и А.Г. Дементьев³⁸. В дальнейшем это мнение развивали В.И. Кулешов³⁹, Ю.З. Янковский⁴⁰ и другие исследователи. Несмотря на то, что в первые десятилетия советской власти подход Плеханова был доминирующим, все равно среди советских ученых были люди, считавшие славянофилов либералами⁴¹. В позднесоветский период это мнение стало в науке доминирующим, благодаря работам крупнейших исследователей славянофильства той поры: Е.А. Дудзинской⁴² и Н.И. Цимбаева⁴³. Для них спор западников и славянофилов «был спором о пути буржуазного развития: универсальном для XIX в., европейском, либо особом, русском»⁴⁴.

Кроме этого, в отечественной науке еще с дореволюционных времен существовал третий подход к оценке славянофильства: утверждение о том, что в славянофильской философии сочетаются элементы как либеральной мысли, так и консервативной. К такому мнению отчасти можно отнести оценку славянофильства Н.А. Бердяевым⁴⁵. В раннесоветской историографии эти взгляды развивал С.С. Дмитриев⁴⁶, а в наше время – советский и российский ученый В.А. Китаев⁴⁷.

³⁶ Там же. С.6.

³⁷ Мещеряков Н.М. Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Сб. IV. М., 1939.

³⁸ Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики 1840-1850- гг. М.; Л., 1951.

³⁹ Кулешов В.И. Славянофилы и русская литература. М., 1976.

⁴⁰ Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х годов. М.,1981.

⁴¹ Рубинштейн Н.М. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классовом освещении. Т.1. М., 1939.

⁴² Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

⁴³ Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). М., 1986.

⁴⁴ Цимбаев Н.И. Московские споры либерального времени. - Русское общество 40 - 50-х годов XIX в. Часть 1. Записки А. И. Кошелева. М. 1991. С.11.

⁴⁵ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2005.

⁴⁶ Дмитриев С.С. Подход должен быть конкретно-историческим // Вопросы литературы. 1969. №12. С.73-84.

⁴⁷ Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. №1.

Таким образом, можно заключить, что в советской науке существовали «две тенденции в оценке славянофильства: монистическая и дуалистическая. В первом случае движение рассматривалось как консервативное, реакционное, либо, напротив, – как либерально-прогрессивное явление. Во втором – как консервативное и либеральное течение, сочетающее реакционные и прогрессивные черты»⁴⁸. В наше время эти тенденции продолжают развиваться и привлекать в том числе и иностранных исследователей. С.Н. Пушкин и В.В. Сербиненко отмечают наличие в славянофильстве и либеральной, и консервативной составляющих⁴⁹. Тогда как итальянский руссист Гвидо Карпи, соглашаясь с тем, что славянофилы были консервативной группой, отмечает, что идеологию их вполне можно считать либеральной⁵⁰. Настаивает на консервативном характере славянофильства в своем диссертационном исследовании И.А. Немцев⁵¹. Кроме того, в означенной проблеме можно отметить еще один подход. Он выражен О.А. и А.О. Митрошенковыми. В своем историографическом исследовании ученые отмечают, что изучение вопроса о либеральном или консервативном характере славянофильства имело «на определенном этапе» научное значение. «Однако вопрос о том, как кто себя называет..., выглядит сегодня, в сущности, вторичным. Решение его... обусловливалось... некоторыми особенностями национальной культуры, мышления, требованиями идеологии и классового подхода. Этоискажало истину, уводило в сторону от сути содержания проблемы... Философия славянофилов – не философия школьно-университетского типа, а в высокой степени многогранное духовное явление, в рамках которого дилемма «консерватизм – либерализм» – лишь один из множества аспектов, причем не

⁴⁸ Лебедев Е.Н. Славянофилы: консерваторы или либералы? (к истории изучения) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». №2 / 2011. С.21.

⁴⁹ Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998. С.95; Сербиненко В.В. История русской философии IX-XIX вв. М.: 1996. С.106-107.

⁵⁰ Карпи Г. Были ли славянофилы либералами? // Неприкосновенный запас. 2002. №3 // <https://magazines.gorky.media/nz/2002/3/byli-li-slavyanofily-liberalami.html> [дата обращения 12.08.2024]

⁵¹ Немцев И.А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII - начала XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук. Пермь, 1998.

самый значимый и заметный»⁵². Похожие взгляды высказывал и В.А. Кошелев⁵³.

Другим направлением в изучении идеологических особенностей славянофильства является исследование различий между славянофилами и представителями так называемой «теории официальной народности», в первую очередь М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым. В отличие от темы «либералы – консерваторы», данная проблема не получила в науке соответствующей разработки. Работой, в которой этот вопрос был поставлен впервые, была статья Г.В. Плеханова «М.П. Погодин и борьба классов»⁵⁴. Плеханов утверждал, что взгляды славянофилов практически тождественны со взглядами М.П. Погодина, а разделяли их не идеальные убеждения, а происхождение: члены славянофильского кружка были дворянами, окружение Погодина и редакторская команда «Москвитянина» – в основном разночинцами. Эта работа надолго стала единственной попыткой разобраться в различиях (или их отсутствии) между двумя группами мыслителей и во многом определила подход к освещению проблемы последующими исследователями. В 1994 году В.А. Кошелев опубликовал работу, в которой поднимал вопрос об исследовании различий между славянофилами и М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым⁵⁵. Однако эта работа «лишь ставит проблему, не предлагая ее решения»⁵⁶. В дальнейшем В.А. Кошелев посвятил проблемам взаимоотношения славянофилов и редакции «Москвитянина» главу в своей монографии об А.С. Хомякове⁵⁷. Однако никаких новых подходов или

⁵² Митрошенков А.О., Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной Российской историографии. М., 2022.

⁵³ Кошелев В.А. Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность : сб. ст. СПб., 1994. С.122.

⁵⁴ Плеханов В.Г. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Петроград, 1923. С.28-67.

⁵⁵ Кошелев В.А. Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность : сб. ст. СПб., 1994. С.122-135.

⁵⁶ Удалов С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов, 2018. С.179.

⁵⁷ Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 212-220.

интересных взглядов на вопрос в этой главе предложено не было. Пытается определить различия между славянофилами и М.П. Погодиным с С.П. Шевыревым в своем диссертационном исследовании И.А. Немцев⁵⁸. Различия в исторических взглядах славянофилов и Погодина исследует в своих работах С.В. Удалов⁵⁹.

Таким образом, рассматривая исследования по данному вопросу, мы можем вслед за С.В. Удаловым сказать, что «при огромном числе указаний на различия во взглядах славянофилов и официальных идеологов самодержавия до сих пор нет работ, затрагивающих проблему в целом и по существу»⁶⁰.

В своем исследовании мы отчасти восполняем этот пробел. Проведение «водораздела» между идеологией славянофилов и М.П. Погодина с формировавшейся вокруг него классической редакцией «Москвитянина» дело отдельного исследования, которое требует привлечения широкого круга источников. Мы же в данной работе пытаемся рассмотреть идеологические столкновения, которые возникали между представителями этих групп на страницах «Москвитянина» и вокруг него, и стараемся определить, насколько идейные противоречия влияли на их взаимоотношения.

Эта задача осложняется тем, что в современной науке практически не уделялось внимания изучению «Москвитянина». Несмотря на то, что данное издание в течение долгого времени было единственным литературным журналом Москвы, играло важную роль в литературных и идейных спорах эпохи, количество исследований, посвященных деятельности «Москвитянина», невелико. Среди них стоит отметить несколько трудов, появившихся в

⁵⁸ Немцев И.А. Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII - начала XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. - Пермь, 1998. 230 с. С.67-104.

⁵⁹ Удалов С.В. М.П. Погодин и П.В. Киреевский в 1845 г.: от научной дискуссии к идеологическому противостоянию// Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ. Саратов, 2010. Ч. 1. 600 с. С. 177-185.

⁶⁰ Удалов С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов, 2018. С.179.

последние годы: исследование К.Ю. Зубкова⁶¹, созданную при его участии монографию о столкновении авторов «Современника» и «Москвитянина»⁶², а также учебное пособие О.В. Тимашевой⁶³. Однако все эти исследования посвящены так называемой «Молодой редакции «Москвитянина», т.е. авторам, которые были близки Ап. Григорьеву и А.Н. Островскому. В период «Молодой редакции» славянофилы практически полностью устранились от участия в «Москвитянине» и лишь изредка давали туда свои статьи, беллетристику или стихотворения⁶⁴. Деятельность классической редакции журнала, во главе которой стояли знаковые фигуры отечественной консервативной мысли М.П. Погодин и С.П. Шевырев, еще ждет своего исследователя. О взаимоотношениях же классической редакции с кружком славянофилов и степени участия последних в издании «Москвитянина» в научной литературе мы находим лишь эпизодические упоминания.

Таким образом, вопрос о взаимоотношении славянофилов с членами редакции «Москвитянина», те факторы, которые на эти отношения воздействовали, степень участия членов кружка в издании и другие аспекты взаимоотношения двух исследуемых групп остаются практически не изученными.

Объектом исследования является публицистическая и журналистская деятельность ранних славянофилов.

Предметом исследования является участие славянофилов в журнале «Москвитянин» в 1841-1856 гг.

⁶¹ Зубков К.Ю. "Молодая редакция" журнала "Москвитянин": Эстетика. Поэтика. Полемика. М., 2012.

⁶² "Современник" против "Москвитянина": литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015.

⁶³ Тимашова О.В. Литературная критика журнала "Москвитянин" времен "молодой редакции" (1850-1855). Саратов, 2010. 326 с.

⁶⁴ При этом ошибкой было бы думать, что пассивность славянофилов была вызвана деятельностью авторов «Молодой редакции». Пути членов славянофильского кружка с журналом М.П. Погодина разошлись задолго до появления в нем Островского, Григорьева и близких к ним публицистов.

Целью работы является выявление форм и особенностей взаимодействия славянофилов с журналом «Москвитянин» в контексте их публицистической активности, а также идеологической и цензурной политики николаевского правительства.

Для достижения данной цели перед нами стоят следующие **задачи**:

- исследовать особенности цензурной политики николаевского правительства и их влияние на публицистическую и издательскую деятельность славянофилов;
- изучить характер и формы публицистической активности членов славянофильского кружка;
- выявить особенности институциональных форм публицистической активности славянофилов;
- определить степень вовлеченности авторов славянофильского направления в деятельность журнала «Москвитянин»;
- исследовать уровень участия «Москвитянина» в полемике славянофилов с западниками;
- определить факторы, влиявшие на взаимоотношения славянофилов и редакции «Москвитянина».

Хронологические рамки исследования. В центре исследования находится публицистическая активность славянофилов начала 1840 – середины 1850 гг. Это годы активного общественного противостояния славянофильства и западничества. В конце 1830-х гг. противоборствующие партии только начинают складываться и вырабатывать свои основные принципы. В этот же период мы наблюдаем первые столкновения⁶⁵ и выступления в печати лидеров двух философских течений. В 1841 году, когда близкий к славянофилам М.П. Погодин начал выпускать журнал «Москвитянин», у членов кружка появилась возможность использовать его для популяризации своих взглядов.

⁶⁵ К этому можно отнести публикацию «Философических писем» П.Я. Чаадаева, а также полемику журналов «Московский наблюдатель», в котором в 1830-х гг. сотрудничали будущие лидеры славянофильства (А.С. Хомяков) и теории официальной народности (М.П. Погодин, С.П. Шевырев), и «Телескоп», где в те годы работал В.Г. Белинский.

Исследование заканчивается 1856 годом. В этот период закончилось издание «Москвитянина», а славянофилы смогли наконец обзавестись собственным печатным органом.

Пространственные рамки исследования. В исследовании рассматривается деятельность славянофильского и западнического кружков, которая имела место в Москве и Санкт-Петербурге. Из-за неразвитости региональной печати, которая в те времена только начинает появляться, и славянофилы, и западники могли использовать для популяризации своих идей за редким исключением только столичные средства массовой информации.

Источники. Источниковую базу исследования составили несколько групп источников. Во-первых, это архивные материалы. Их, в свою очередь, можно разделить на официальную документацию цензурных ведомств (архивы Московского цензурного комитета и Главного управления цензуры) и источники личного происхождения (письма, записки, воспоминания). Поскольку важнейшим фактором, влиявшим на деятельность журналов и публицистическую активность в николаевскую эпоху, была цензура, нами исследовались документы цензурных ведомств. В частности, это фонд 31 «Центрального государственного архива города Москвы», в котором хранятся документы Московского цензурного комитета, с которым непосредственно приходилось иметь дело как славянофилам, так и издателям «Москвитянина». Этот архивный материал редко привлекает внимание исследователей, несмотря на то что в нем находится много материалов, важных для изучения цензурной политики России в XVIII-XX вв., и произведения отечественных авторов, не пропущенные к печати и никогда не публиковавшиеся. Также нами были исследованы материалы из фонда 772 (Главное управление цензуры министерства народного просвещения) «Российского государственного исторического архива». Кроме того, нами использовались различные фонды «Российского государственного архива литературы и искусства», в которых хранятся записки, мемуары и переписка многих общественных деятелей исследуемой эпохи.

Помимо архивных материалов в исследовании использовались нормативные акты, касающиеся цензурного законодательства Российской империи. Эти нормативные акты имеют огромное значение для исследования, поскольку цензура была одним из важнейших факторов, воздействовавших на взаимоотношения славянофилов и редакции «Москвитянина». Нами рассмотрены и использованы цензурные Уставы России первой половины XIX в⁶⁶. Данные уставы были основополагающими документами в области цензурной политики России, но помимо них выпускалось много других указов, регулирующих данную область общественной жизни. Все постановления по цензуре, имевшие место в годы правления Николая I, были изданы в 1862 году⁶⁷.

Источниками по публицистической и издательской деятельности славянофилов и редакции М.П. Погодина стали журнал «Москвитянин» за 1841-1856 гг. Нами были просмотрены и исследованы все номера журнала за пятнадцать лет его существования. Кроме того, нами рассматривалась деятельность журналов «Отечественные записки» и «Современник». Эти издания были главными печатными органами западничества⁶⁸ и в полемику с ними часто входили и авторы классической редакции «Москвитянина», и славянофилы. Также в исследовании использовались номера журнала «Маяк». Проправительственный журнал «Маяк» издавался в 1840-х гг. в Санкт-Петербурге. К нему одинаково критично относились как западники, так и славянофилы, однако его деятельность имеет важное значение для журналистики и общественного движения эпохи.

⁶⁶ Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Санкт-Петербург. 1862. С. 81-87; Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Санкт-Петербург. 1862. С. 125-196; Устав о цензуре. Санкт-Петербург. 1829.

⁶⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Санкт-Петербург. 1862.

⁶⁸ «Современник» стал журналом западников в 1847 году, после его перехода в руки Н.А. Некрасова и И.И. Панаева. Тогда же в «Современник» перешел из «Отечественных записок» В.Г. Белинский.

Важным источником, характеризующим издательские и публицистические начинания славянофилов, являются их сборники, издававшиеся в 1845-1852 гг.⁶⁹ Выпуск сборников был одним из способов обойти запреты цензурных органов, ориентированных, в основном, на деятельность периодических изданий. Этим способом обхода «цензурных кордонов» пользовались также и западники (причем более успешно, чем члены славянофильского кружка). Переход славянофилов к изданию сборников был непосредственно связан с их отношениями с редакцией «Москвитянина».

Важной частью исследования было обращение к источникам личного происхождения. Среди них важнейшую роль имели воспоминания и письма членов славянофильского кружка (семейства Аксаковых, А.С. Хомякова и др.)⁷⁰, а также близких к ним литераторов (Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, П.И. Бартенев)⁷¹. Кроме того, мы обращались к воспоминаниям и эпистолярному наследию противников славянофильского учения, которые в 1840-1850 гг. вели с ними полемику (В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев, А.Я. Панаева, Б.Н. Чичерин)⁷² и других свидетелей эпохи. Большое место в исследовании занимали воспоминания М.П. Погодина. Кроме его непосредственных воспоминаний о славянофилах и работе с ними⁷³, важнейшую роль для изучения эпохи

⁶⁹ Синбирский сборник: часть историческая. М., 1844; Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. М., 1845; Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. М., 1846; Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847; Московский сборник: [т. 1, 2]. СПб., 2014.

⁷⁰ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988; Аксаков С.Т. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.2. М., 1986; Аксаков С.Т. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.3. М., 1986; Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: Т. 8. М., 1900.

⁷¹ Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. - М., 1994. С. 47-95; Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937-1952; Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти. М., 1999.

⁷² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929; Герцен А.И. Былое и думы. М., 1956; Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1986; Чаадаев П.Я. Письмо к Е.А. Свербеевой от 10.07.1842 // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т.2. С.149-151.

⁷³ Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. СПб., 2009.

составляет многотомная работа П.Н. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина»⁷⁴. В своем 22-томном труде известный историк и архивист обращается не только к дневникам и письмам М.П. Погодина, делая большие выписки, но и рассматривает все перипетии общественной жизни и идеологической борьбы 1840-50-х гг. Это делает его труд незаменимым источником для всех, кто изучает время правления Николая I.

Также нами рассматривается ряд работ западников и славянофилов, не печатавшихся на страницах исследуемых изданий, но важных для понимания контекста идеологических споров эпохи⁷⁵.

Методологическая основа исследования. Методологической основой данной диссертации стал системный подход. Использование этого подхода предполагает исследование исторических явлений в их динамической связи и взаимодействии с другими общественными процессами.

В основу анализа взаимоотношений кружка славянофилов с редакцией «Москвитянина», с одной стороны, и с властными агентами – с другой, легли принцип объективности, предполагающий анализ исторических источников без

⁷⁴ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. - СПб., 1888 - 1910.

⁷⁵ Хомяков А.С. О старом и новом // Полное собрание сочинений. Т.3. М.: 1900; Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. М., 1994; Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969; Чаадаев П.Я. Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т.1. С.539-545; Чаадаев П.Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989; Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6 т. М., 1968; Хомяков А.С. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник. М., 2014. С. 285–334; Полное собрание сочинений: в 4 т. Калуга: Гриф, 2006; Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 8 т. М., 1886-1906; Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. [2-е изд., доп.]. М., 1889; Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М., 1847; Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина. М., 1877-1911; Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. 19 с.; Аксаков Константин. Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым // Русь. М. 1881. № 28. С. 12—14; Белинский В.Г. Бедные люди. Роман Федора Достоевского / Современник. 1848. Т. VII. Отд. III "Критика и библиография". С. 43-44; Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013; Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979; Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник. М., 2014. С. 285–334; Киреевский И.В. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: В 2 т. Т. 1. М., 1911.

каких-либо заранее заданных идеологических и конъюнктурных представлений, и принцип историзма, согласно которому исследуемые явления рассматриваются в процессе их развития.

Основу исследования составили общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, описательный, количественный, сравнение и аналогия) и специально-исторические методы.

Основным методом исследования является историко-генетический метод. Особенность данного метода заключается в последовательном раскрытии функций, характеристик и свойств исследуемого объекта в процессе его изменения. Использование этого метода способствовало выявлению факторов, влиявших на взаимоотношения редакции «Москвитянина» и славянофильского кружка, динамики развития этих отношений.

Историко-антропологический подход использовался для определения причин разногласий между членами исследуемых общественных групп. Историко-типологический метод позволил разделить виды консервативных и ориентированных на западную мысль изданий по тем философским влияниям, которые испытывали их издатели.

Особенностью работы является использование институционального подхода. Он характеризуется исследованием различных общественных институтов и их влиянием на поведение людей. Данный подход используется во многих областях знания. Особенное развитие он получил в экономике и социологии. Однако он активно применяется и в истории⁷⁶. В современной отечественной гуманитаристике институциональный подход также нашел широкое применение, в том числе и в исследованиях, ставших широко известными и даже классическими. Среди них можно назвать работы Ю.А. Шичалина «История античного платонизма в институциональном аспекте»⁷⁷

⁷⁶ Нурев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д. 2010. С.119-138.

⁷⁷ Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000.

или А.Л. Беглова «В поисках "безгрешных катакомб": церковное подполье в СССР»⁷⁸.

Один из основоположников институционализма Т. Веблен писал, что «социальный институт — это совокупность общественных обычаев, воплощение определенных привычек, поведения, области мысли, передаваемых из поколения в поколение и меняющихся в зависимости от обстоятельств, и служащих орудием приспособления к ним»⁷⁹. Известный современный теоретик институционального подхода Д. Норт отмечает, что институты могут состоять как из «неформальных ограничений», так и из «формальных правил»⁸⁰.

О важности изучения институций, влияющих на характер идеологических споров второй четверти XIX столетия, писал известный исследователь славянофильства и отечественной культуры Ю.В. Манн. В своей монографии «Гнезда русской культуры» Ю.В. Манн говорит о том, что история литературы не является набором писателей и школ; на развитие самих школ и авторов воздействуют социальные факторы. Среди них он особенно выделяет два: кружок и семья⁸¹.

Кроме того, в последние годы появилось несколько значимых работ, изучающих влияние различных общественных институтов на русскую литературу, политические движения, философию. Из них в первую очередь стоит отметить объемную монографию С. М. Волошиной, посвященную деятельности издателя журнала «Отечественные записки» А. Краевского⁸². Данное исследование является для нас близким с методологической точки зрения. Основываясь на широком круге источников, С.М. Волошина показывает, как издательская и литературная деятельность одного из

⁷⁸ Беглов А.Л. В поисках "безгрешных катакомб": церковное подполье в СССР. М., 2008.

⁷⁹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С.200.

⁸⁰ North, Douglass C. Institutions. // Journal of Economic Perspectives – Volume 5, Number 1 – Winter, 1991.

⁸¹ Манн Ю.В. Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016. С. 3.

⁸² Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022.

крупнейших журналистов николаевских времен была связана с властью, какие способы он использовал для того, чтобы обойти цензуру, сохранить свое издание, насколько политическая повестка дня определяла его деятельность и т.д. Другими исследователями, использовавшими данную методологию и подходившими к тем же вопросам, являются М. Велижев⁸³ и А. Рейтблат⁸⁴. Здесь же стоит отметить статьи Д.А. Бадаляна, освещающие различные аспекты публицистической деятельности славянофилов и других авторов XIX в. в связи с различными институциями⁸⁵. Важным моментом для исследований институционализма в классической русской культуре является монография «Институты литературы в Российской империи»⁸⁶, в которой нашел отражение и спор славянофилов и западников.

Благодаря использованию институционального подхода удалось выявить те формы публицистической активности, которые использовались как славянофилами, так и западниками для популяризации своих взглядов; формы, которые в годы правления Николая I стали неписанными правилами и нормами, которых должны были придерживаться авторы и группы, желавшие доносить свои взгляды до широкой аудитории.

Также в нашем исследовании использовался социокультурный подход, который характеризуется рассмотрением взаимовлияния общества и культуры. Данное исследование показывает, как различные общественные отношения (цензура, отношения «патрон-клиент» и др.) влияют на деятельность писателей и публицистов, определяя рамки дозволенного, характер и направление

⁸³ Велижев М.Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М., 2022.

⁸⁴ Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016.

⁸⁵ Бадалян Д.А. С.С. Уваров и журнальная борьба 1830-1840-х гг. // Тетради по консерватизму. 2019 // <https://essaysonconservatism.ru/s-s-uvarov-i-zhurnalnaja-borba-1830-1840-h-godov/>; *Он же*. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. №1. С.51-66; *Он же*. «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 175—192.

⁸⁶ Институты литературы в Российской империи. М., 2023.

публицистической активности, использование различных художественных приемов.

При работе с таким типом источников, как газеты и журналы, необходимым является метод контент-анализа. Он позволил выявить степень и эффективность использования журнала «Москвитянин» членами славянофильского кружка для популяризации своего учения.

Научная новизна. Новизна работы заключается в исследовании институционального аспекта деятельности славянофилов в контексте цензурных и идеологических вопросов николаевского времени. Исследования по славянофильству посвящены, в основном, идеям или биографическим фактам представителей данного общественного течения. В своей работе мы рассматриваем не философские идеи славянофилов, а их столкновения с цензурой и идеологией николаевской эпохи и выделяем те формы коммуникации, при помощи которых славянофилы пытались обойти цензурные ограничения. Институциональный аспект деятельности славянофильского кружка до этого в науке практически не рассматривался. Редким исключением здесь является работа М.Б. Велижева⁸⁷, в которой известный ученый исследовал вопрос полемических практик в период зарождения противоборствующих партий славянофилов и западников. Также данный аспект деятельности кружка и М.П. Погодина частично попадал в поле зрения исследователей в работах, посвященных западникам⁸⁸.

В ходе работы над диссертацией нами было впервые подробно исследовано участие славянофилов в журнале «Москвитянин» в разные периоды существования этого издания. Кроме того, и сам журнал Погодина редко попадал в поле зрения исследователей. Как уже отмечалось, ученые, исследуя «Москвитянин», интересовались в первую очередь периодом 1850-х

⁸⁷ Велижев М.Б. Публичная сфера и политическая мысль: институты полемики в ранней истории западничества и славянофильства // Институты литературы в Российской империи : составители и ответственные редакторы А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. М., 2023. С.131-150.

⁸⁸ Напр.: Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022. 677 с.

гг., когда в его главе стояла «Молодая редакция». Нами впервые было рассмотрена история журнала с начала его основания в связи с участием в нем членов славянофильского кружка и взаимоотношением различных акторов властного поля, влиявших на принятие цензурных решений и воздействовавших на журналистскую и публицистическую деятельность в Российской империи в годы правления Николая I.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке нового исследовательского поля, обозначенного в трудах ряда современных исследователей и связанного с изучением институций и коммуникаций в пространстве общественного мнения и власти в России второй четверти XIX в. Результаты исследования восполняют пробелы в исследовании некоторых аспектов общественной борьбы в Российской империи во второй четверти XIX в. Кроме того, в диссертации исследовано участие славянофилов в деятельности журнала «Москвитянин», показано, что, хотя издание М.П. Погодина и нельзя называть славянофильским, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и некоторые другие представители кружка использовали «Москвитянин» для популяризации своих взглядов или полемики с западниками. Значимость заключается также в существенном уточнении мнений в давней историографической дискуссии о соотношении славянофильского кружка и группы М.П. Погодина

Практическая значимость. Материал диссертации может помочь при разработке курсов по истории русской печати и общественной мысли. Результаты этой работы могут быть использованы историками, философами, филологами – всеми, кто занимается исследованием славянофильства. Кроме того, в приложении нами даются таблицы, в которых указываются все публикации славянофилов и важные для истории этого течения работы, появлявшиеся на страницах «Москвитянина» в 1841-1856 гг. Для их создания нами были исследованы все выпуски журнала за полтора десятилетия его существования. Создание данного приложения особенно важно для дальнейшего изучения славянофильства, журналистской и публицистической

деятельности его представителей. Дело в том, что оглавление журнала «Москвитянин» очень непросто использовать для поиска информации. Часто там даются неверные страницы, номера томов, а иногда – статьи, опубликованные в этом журнале, в содержании не отображаются. И наоборот, в содержании может находиться работа, которая в действительности отсутствует в издании. Все это создает сложность для исследователей и приводит к появлению неточностей и ошибок в научных работах. Так, например, в одном из современных изданий трудов К.Д. Кавелина, в комментариях к статье «Взгляд на юридический быт Древней Руси» указано, что критическая заметка на статью Ю.Ф. Самарина «О мнениях «Современника» литературных и исторических» находится во второй части «Москвитянина» за 1847 год⁸⁹, тогда как эта публикация на самом деле появилась только в третьей части журнала. Как эта неточность попала в научное издание? Ответ прост: в оглавлении «Москвитянина» за 1847 год указано, что критика статьи Самарина помещается во второй книге. Воспользовавшись оглавлением, составители примечаний просто-напросто поверили ему и перенесли в свою работу. Также нами были обнаружены подобные неточности относительно указания первой публикации одного из стихотворений А.С. Хомякова⁹⁰. В частности, там указано, что стихотворение «Киев» впервые появилось в журнале «Маяк», ч. 14, с. 17. На самом деле на с. 17 было только окончание стихотворения. Правильно указывать с. 16-17. Указание на такие неточности мы не считаем великим научным достижением. Также как и указание неверной страницы – непоправимой ошибкой и показателем низкой научной культуры. Но одной из задач научного исследования является исправление подобных неточностей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Журнал «Москвитянин» не является специфически славянофильским. Между представителями данного философского течения и редакцией издания были неоднозначные отношения. М.П. Погодин пытался привлечь

⁸⁹ Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013. С. 1152.

⁹⁰ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 558.

славянофилов к участию в «Москвитянине», однако иногда подвергал их критике или отказывал в возможности публиковать некоторые материалы на страницах его журнала. В свою очередь славянофилы очень пассивно отзывались на его предложения о сотрудничестве.

2. Члены славянофильского кружка порою по многу месяцев не давали материалы для журнала М.П. Погодина, их активность на страницах его издания усиливалась в периоды их столкновения с западниками. Не имея другого идеологически близкого литературного журнала, славянофилы должны были забывать разногласия с Погодиным и использовать страницы его журнала для популяризации своих идей или ответа западникам.

3. Славянофилы не использовали в полной мере те возможности, которые им предоставляло сотрудничество с «Москвитянином». Имея в распоряжении дружественное издание, они очень мало публиковались в нем, а если и публиковались – лишь в редких случаях ими размещались материалы, должным образом раскрывающие содержание их идеологической доктрины.

4. Большое влияние на участие славянофилов в «Москвитянине» играл поколенческий фактор. В журнале в основном публиковалось старшее поколение мыслителей. Младшие члены кружка практически полностью игнорировали издание М.П. Погодина.

5. На отношения между славянофилами и редакцией «Москвитянина» оказывало влияние несколько факторов, одни из которых были консолидирующими, другие – разобщающими. Консолидирующими факторами были цензура и активность западников. Цензурные запреты не позволяли славянофилам обзавестись собственным изданием, и они вынуждены были использовать журнал М.П. Погодина для полемики с западнической партией. Разобщали славянофилов и редакцию «Москвитянина» в первую очередь личные конфликты и идеологические расхождения.

6. Идейные различия между М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым, с одной стороны, и славянофилами – с другой, безусловно, существовали, но они не оказывали значительного влияния на отношения двух групп мыслителей.

Намного важнее были личностные столкновения. Их причинами являлись поколенческие сложности (Погодин не ладил с младшим поколением славянофилов, а через это портил отношения со всеми членами кружка), а также сама характеристика групп. Славянофилы были дворянами и находились в родственных отношениях. В связи с этим в их среде установились дружеские и родственные связи, они представляли из себя группу неформальную. Тогда как редакция «Москвитянина», связанная с Московским университетом, состояла в основном из разночинцев, а среди постоянных авторов и редакторов журнала преобладали университетские профессора. Это была формальная группа, связанная служебными и профессиональными отношениями.

7. В 1840-х гг. литературный журнал должен был быть связан с каким-нибудь игроком на властном поле, являвшимся его покровителем. У «Москвитянина» таким покровителем (и даже инициатором создания журнала) был С.С. Уваров. Участвуя в «Москвитянине», славянофилы в первые годы существования журнала были втянуты в политические игры различных властных агентов, одни из которых стремились популяризировать издание, другие – его запретить.

Соответствие паспорту специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют специальности 5.6.1. – «Отечественная история», включающей историю взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов, историю общественной мысли, историю общественных движений, государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на следующих региональных, международных и всероссийских конференциях: Международных XLIII Добролюбовских чтений «Эпохи. Люди. Идеи. История, культура и творчество в персоналиях», Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 13-14 февраля 2019 г.; XIII Всероссийская научно-практическая конференция

«НАУКА МОЛОДЫХ», посвящённая 25-летию Ассоциации учёных города Арзамаса. Арзамас, 26-27 ноября 2020 г.; Региональная научно-практическая конференция молодых исследователей «Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений», Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 25 ноября 2020 г.; Международный научный форум «Свобода и ответственность в переломную эпоху», Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 19-23 апреля 2021 г.; Международная научно-практическая конференция «Александр Невский: мыслитель, подвижник, политик», Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 24-25 ноября 2021 г.; Всероссийская научно-практическая конференция XXXIII Рождественские православно-философские чтения «Русское православие и евразийство», Нижний Новгород, НГПУ им. Козьмы Минина, 11-12 января 2024 г.

Основные положения и выводы отражены в 8 опубликованных статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Лебедянцев И.М.* Устав о цензуре 1826 года в контексте внутренней политики начала царствования Николая I // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, 2021, № 02. С. 22-26;

2. *Лебедянцев И.М.* «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, 2022, № 01. С. 12-16;

3. *Лебедянцев И.М.* «Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель» // Вестник гуманитарного образования, 2022, № 01. С. 37-44.

4. *Лебедянцев И.М.* Участие славянофилов в журнале М.П. Погодина «Москвитянин» в первой половине 1840-х гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, 2025, № 3/3. С.12-18.

Статьи в других научных изданиях:

5. *Лебедянцев И.М.* Влияние немецкой философии XIX в. на историософскую концепцию П.Я. Чаадаева // Наука молодых: сборник научных статей участников XIII Всероссийской научно-практической конференции (26–27 ноября 2020 г.) / отв. ред. С.В. Напалков, науч. ред. А.В. Пряников, А.Ю. Шурыгин; Ассоциация ученых г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ, АПИ (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. С. 395-397.

6. *Лебедянцев И.М.* Влияние «Философических писем» П.Я. Чаадаева на публицистическую деятельность славянофилов // Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений : сборник тезисов научно-практической конференции молодых исследователей 25 ноября 2020 г. / Отв. ред. А.М. Горохова, А.М. Брагова; Нижегородский гос. лингвистический ун-т. – Электронные данные (2,31 Мбайт). – Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 109–112.

7. *Лебедянцев И.М.* Журналистская деятельность славянофилов и цензура николаевской эпохи // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровища знаний и добродетелей / Ред.-сост. М.П. Самойлова. Вып. 6. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 127–133.

8. *Лебедянцев И.М.* СМИ и цензура в годы правления Николая I // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: сборник материалов Международной научно-практической конференции 19–23 апреля 2021 г. / Под. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. – 454 с. С. 63–71.

Степень достоверности исследования. Достоверность исследования обеспечивается за счет обращения к широкому кругу официальных документов и экспертных оценок. В работе подробно, на основе исторических источников, освещены различные стороны общественной деятельности представителей исследуемого философского течения, что делает диссертацию проверяемой.

Объем и структура диссертационной работы. Объем диссертации – 186 страниц без списка литературы и приложений. Работа содержит введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы, два приложения.

Во Введении указывается предмет и объект исследования, показывается актуальность и новизна работы, анализируется историография исследуемой проблематики, указываются источники, определяется цель и задачи исследования, указываются методы и подходы, используемые в ходе работы, формулируются положения, которые будут выноситься на защиту.

В первой главе исследуются особенности цензурной политики Российской империи в годы правления Николая I, указывается, какими способами пользовались литераторы для обхода цензурных барьеров.

Во второй главе рассматривается участие славянофилов в цензурной и идеологической борьбе, которая развивалась вокруг журнала «Москвитянин» в первые годы его существования.

В третьей главе исследуется использование славянофилами издания М.П. Погодина для популяризации своих взглядов. Рассматриваются публикации членов кружка в «Москвитянине», а также редакторская деятельность И.В. Киреевского на посту редактора журнала.

В четвертой главе исследуются точки соприкосновения между участниками славянофильского кружка и редакцией «Москвитянина». Выявляются общие для двух консервативных групп идеологические установки и те положения, в которых они не сходились.

В Заключении изложены выводы, к которым пришел автор исследования.

В Приложении № 1 помещается список публикаций славянофилов и значимые для исследования истории данного течения статьи, размещенные на страницах журнала «Москвитянин» в 1841-1856 гг.

В Приложении № 2 указывается, кто из славянофилов сколько материалов опубликовал в «Москвитянине» за годы его существования.

Список использованных источников и исследований содержит 267 наименований источников и научной литературы.

ГЛАВА 1. ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ И ИЗДАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ СЛАВЯНОФИЛОВ

1.1. Институциональный аспект «Великого спора»: механизмы и тактики обхода цензуры, используемые славянофилами и западниками

Под институциональным аспектом «Великого спора 1840-х гг.» мы подразумеваем те формы публицистической активности, которые в условиях цензурных ограничений могли использовать славянофилы для популяризации своих идей. Т.е. рассматриваем не сами философские и исторические учения славянофилов и их антагонистов, а общественные механизмы, используемые противоборствующими партиями для донесения собственных взглядов до широких (или относительно широких) слоев населения.

Как отмечает известный польский исследователь славянофильства А. Валицкий, в период «Великого спора» 1840-х гг. между славянофилами и западниками «публичных полемик было сравнительно мало – в частности, потому, что в сороковые годы славянофилы не имели собственного регулярно выходящего печатного органа и главные свои труды опубликовали лишь в пятидесятые годы»⁹¹. В условиях жесткой цензуры и славянофилы, и их оппоненты должны были искать какие-то иные формы публицистической активности для того, чтобы доносить и популяризировать свои идеи. Причем для славянофилов этот вопрос стоял острее, чем для западников, журналистская судьба которых была более успешной. И в тридцатых, и в сороковых годах, и даже в период «Мрачного семилетия» западники имели собственные печатные органы. У славянофилов такого издания не было.

В связи с этим важно понимание действия самих цензурных механизмов, поскольку именно они в основном и определяли особенности публикационной политики литературных групп, а часто и содержание издаваемых материалов.

⁹¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 512.

Подходы к освещению времени правления Николая I в науке после 1991 года по сравнению с советским периодом сильно изменились. Как отмечает Л.М. Выскочков, тогда «Николаевская эпоха рассматривалась... как период застоя... Однако время однозначных оценок прошло»⁹². И в современной науке можно встретиться с различными оценками личности и правления Николая I, а также с новыми подходами к изучению его царствования. Это касается и освещения цензурной политики николаевского времени. В советский период и даже в первых работах по истории цензуры, появлявшихся в дореволюционной науке, цензурная политика Николая I представлялась исследователям простой и понятной. Николаевская эпоха виделась им временем все большего усиления цензурного гнета, а власть не давала развиваться свободной мысли и поддерживала только проправительственные издания. Такой взгляд на цензурную политику Николая I прослеживается уже в первой специальной работе, посвященной этому вопросу⁹³. Однако подобный подход не объясняет многих парадоксов, которые сразу бросаются в глаза, когда исследователь начинает заниматься этой темой. Во-первых, у западников, которых никак нельзя назвать проправительственной группой, было два своих журнала, причем они были в числе самых популярных изданий 1840-1850-х гг. Тогда как славянофилам, являвшимся монархистами, так своим журналом обзавестись и не позволили. А издания патриотической и монархической направленности часто имели проблемы с властью, как это было у «Москвитянина», который уже в начале своего существования чуть не был закрыт. Сам М.П. Погодин в своих статьях, написанных уже много позже, жаловался на излишнее внимание к его деятельности III отделения, когда консервативный «Москвитянин» подвергался

⁹² Выскочков Л.М. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996-2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. №4. С.79.

⁹³ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб., 1909.

такой же строгой, а возможно, и более строгой цензуре, чем либеральные издания Полевого, Надеждина или Некрасова⁹⁴.

Современные ученые, исследующие николаевское царствование, отмечают, что цензурная политика этого времени не была прямолинейна и однозначна, а часто была и непоследовательна. На нее влияли многие факторы, такие как борьба за влияние в высших эшелонах власти, личные отношения и многое другое. Данные факторы оказывали влияние не только на отдельные эпизоды из истории журналистики (например, открытие или закрытие журналов), но и на законодательство в сфере цензуры. В том числе Николай I, несмотря на свою репутацию авторитарного лидера, чутко относился к общественному мнению. В частности, внимание власти к общественному мнению проявилось в истории с принятием двух цензурных уставов в начале правления Николая Павловича⁹⁵.

Первый российский Устав о Цензуре появился еще в начале девятнадцатого столетия. Он был одним из плодов деятельности «Негласного комитета» – круга приближенных к Александру I лиц. Устав 1804 года был либеральным. Собственно, благодаря ему стало возможно появление в двадцатых годах журналов, таких как «Невский зритель», «Мнемозина» или «Полярная звезда», которые были проводниками декабристских идей⁹⁶. Естественно, при Николае I такой устав существовать не мог, и в самом начале его правления (1826 г.) появляется новый закон о цензуре. «Среди общественности устав называли «чугунным», который тяжелым прессом придавил печать»⁹⁷. Такое прозвание закрепилось за новым документом из-за

⁹⁴ Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. № 11. 12 марта. С. 347-352. № 13. 26 марта. С. 415-420.

⁹⁵ Об этом: Лебедянцев И.М. Устав о цензуре 1826 года в контексте внутренней политики начала царствования Николая I // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, 2021, № 02. С. 22-26.

⁹⁶ Гилльсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы. Л., 1978. Т.8. С. 196.

⁹⁷ Горячева Е.М. Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3. С.112.

его объемности, неказистости и непонятности. Он был в несколько раз пространнее Устава 1804 года и охватывал не только вопросы непосредственно цензурных ограничений, но и формирования общественного мнения, книгопечатания и др. «Этот Устав отражал максимально жесткий подход, принятый во властных структурах после восстания декабристов 1825 года. Устав пресекает всякое вольнодумство, запрещая любые публикации, содержащие даже предложения о каком-либо государственном переустройстве»⁹⁸.

В первом же параграфе Устава 1826 года мы видим, что на цензуру в новом документе возлагаются необычайно широкие функции. «Цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусств, при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии, дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление»⁹⁹. Т.е. функция цензуры, согласно Уставу 1826 года, не только в ограждении общества от вредных, антиправительственных, бездуховных произведений, но и в направлении общественного мнения в нужное для правящих кругов русла.

Устав 1826 года подвергся всесторонней критике. Еще до его утверждения и обнародования самые скандальные его положения стали известны столичной общественности. В салонах, переписке, личных беседах новый закон обсуждался и критиковался. О недовольствах Уставом доносили царю. Кроме того, скандальный законопроект подвергся критике не только со стороны либеральных кругов, но и «справа», от представителей консервативных групп российского общества. С всесторонней критикой Устава 1826 года выступил знаменитый С.С. Уваров – человек, который впоследствии станет символом

⁹⁸ Амиров В.М., Чудинов А.П. Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 195.

⁹⁹ Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 130.

цензуры и государственного контроля над образованием и культурой¹⁰⁰. В конце 1826 года им была создана записка с подробным разбором и критикой всех спорных моментов Устава¹⁰¹.

Все это привело к тому, что император поддался давлению со стороны общества и в том же 1826 году им был создан комитет для пересмотра цензурного устава. Результатом работы комитета было создание в 1828 году нового Устава о цензуре. В новом Уставе уже отсутствовали спорные статьи, вызывавшие общественное недовольство. В целом, новый закон о цензуре был более либеральным, продуманным и взвешенным.

Таким образом, на примере событий 1826-1828 гг., когда шел процесс разработки нового цензурного законодательства, мы видим, что в своей политике Николай I не игнорировал общественное мнение. Этот правитель, несмотря на усиление цензуры и полицейского контроля, очень чутко относился к изменениям публичных настроений.

Много других моментов, в которых цензурные органы действовали непоследовательно, сохранила история литературы.

Влияние борьбы придворных партий особенно явственно отражалось на состоянии журналистики. Ярчайшим событием в истории цензуры начала 1830-х гг. было закрытие журнала И.В. Киреевского, будущего идеолога славянофильства. В начале 1832 года Киреевский начал выпускать журнал «Европеец»¹⁰². Несмотря на амбициозные планы молодого издателя, который сумел привлечь к сотрудничеству многих известных литераторов (Жуковского, Вяземского, Языкова и др.), журнал просуществовал лишь несколько месяцев.

¹⁰⁰ Стоит отметить, что несмотря на популярное изображение С.С. Уварова как душителя культуры и ретрограда, многие отмечают его заслуги перед просвещением и образованием. Об этом: *Фролов Э.Д. У истоков русского неоклассицизма: А.Н. Оленин и С.С. Уваров* // URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol034.htm> [дата обращения 22.09.2021]

¹⁰¹ Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы. Л., 1978. Т.8. С. 210.

¹⁰² Хотя журнал Киреевского увидел свет уже после подавления Польского восстания, оно, вполне возможно, косвенно повлияло на судьбу «Европейца». Об этом см.: *Березкина С.В. Вокруг запрещения журнала «Европеец»* // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. СПб., 2004. Вып. 29. С. 226-248.

«Европеец» был запрещен за вышедшую в первом номере статью Киреевского «Девятнадцатый век», а также за рецензию на постановку «Горе от ума». Запрет журнала вызвал недовольство, и даже недоумение многих известных литературных деятелей. По поводу «Европейца» Жуковский имел неприятное объяснение с Бенкендорфом¹⁰³. Наибольшее недоумение современников вызывал тот факт, что Киреевского в крамольных мыслях и приверженности к революционным идеям заподозрить было нельзя. Хотя славянофилом И.В. Киреевский на тот момент еще не был (скорее можно согласиться с тем, что «запрет журнала «Европеец» для Киреевского — как бы водораздел между двумя периодами его творчества: западническим и славянофильским»¹⁰⁴), но лояльность издателя к власти не подлежала сомнению. Киреевский, хотя и интересовался Западом, но для него на первом месте стояли вопросы не социальные, а эстетические. Интересы молодого издателя были сосредоточены на литературе и философии. Однако, несмотря на такое чисто эстетическое направление будущего славянофила, он был воспринят как бунтарь и потенциальный революционер. «Европеец» был запрещен, а сам Киреевский, его дальнейшая литературная и издательская деятельность оказались под пристальным контролем III отделения.

Контрастирует с этим другой интересный факт, произошедший в том же году: в знаменитом журнале Н. Полевого «Московский телеграф» была опубликована статья, также посвященная разбору пьесы «Горе от ума». Исходя из логики III отделения, «Московский телеграф» должен был закрыться сразу после публикации крамольной статьи. Однако этого не произошло. В итоге Полевой отдался письменным предупреждением от Бенкендорфа¹⁰⁵.

¹⁰³ Гилльсон М.И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114-118.

¹⁰⁴ Ионайтис О.Б. Журнал «Европеец» И.В. Киреевского и его цензурная судьба // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 131.

¹⁰⁵ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб., 1909. С. 79-80.

Известный историк русской журналистики XIX в. М.К. Лемке пытается найти объяснение этому казусу. Он приводит три объяснения поведения Бенкендорфа¹⁰⁶. Во-первых, шеф жандармов не хотел подставлять своих подчиненных, ответственных за пропуск статьи. Во-вторых, Бенкендорф, возможно, хотел припугнуть Полевого, напомнить ему, что вопрос издания его журнала целиком и полностью зависит от III отделения. В-третьих, согласно Лемке, Бенкендорф хотел прикрыть не столько своих подчиненных, но, в первую очередь, себя самого. Дело в том, что письмо Бенкендорфа Полевому, в котором указывается на нарушение «Московским телеграфом» цензурных правил, было отправлено редактору журнала спустя целых полгода после напечатания статьи. Если бы Николаю I доложили о существовании такой статьи спустя полгода после публикации, то вполне резонным был бы вопрос: «где были глаза у III отделения вовремя, а не полгода спустя?»¹⁰⁷ Таким образом, пропустив сомнительную публикацию и не отреагировав вовремя, Бенкендорф боялся вызвать на себя царскую немилость.

Мы не можем согласиться с такой трактовкой поведения шефа жандармов. Во-первых, кажется странным, что на журнал начинающего литератора Киреевского полиция обратила столь пристальное внимание, а «Московский телеграф» помощники Бенкендорфа не читали в течение полугода. Нужно отметить, что Николай Полевой в прессе тридцатых годов был фигурой первостепенной. Он внес значительный вклад в российскую журналистику (начиная с того, что ввел в русский язык само слово «журналистика»), а тиражи «Московского телеграфа» при нем достигли рекордной цифры в пять тысяч подписчиков. Вполне можно себе представить, что цензор пропустил в журнал крамольную статью. К тому же цензурой «Московского телеграфа» занимался в те годы лояльный к Полевому С.Н. Глинка. Такие сбои «цензурной машины» случались и до, и после 1832 года. Но

¹⁰⁶ Там же. С. 80.

¹⁰⁷ Там же.

представить, что никто не заметил опубликованной в самом популярном журнале империи такой статьи, просто невозможно.

Двойные стандарты, которыми руководствовалось III отделение в 1832 году, объясняются не страхом Бенкендорфа за своих подопечных или за собственную репутацию. Современные ученые, исследующие вопрос функционирования цензурных механизмов при Николае I, отмечают, что в журналистике николаевского времени действовали отношения, которые можно обозначить как «патрон-клиент»¹⁰⁸. У всех редакторов популярных литературных журналов были патроны в высших эшелонах власти. Они пытались популяризировать «подшефные» им издания, защищали их от перегибов цензуры, представляли императору лучшие статьи и номера журналов. Журналисты в свою очередь, чувствуя поддержку сильных мира сего, могли позволять себе иногда выходить за рамки дозволенного цензурной практикой того времени. Н. Полевой был как раз в числе тех журналистов, которым благоволил всесильный шеф жандармов, и то, что Киреевскому стоило журнала, для Полевого прошло практически незаметно.

Журнал Полевого был все же закрыт в 1834 году. Но причиной этого была не «крамола». «Московский телеграф» был запрещен за критическую статью в адрес пьесы Н. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Это формальная причина. А реальной причиной было назначение нового министра просвещения. В 1833 этот пост занял С.С. Уваров. Именно Уварову принадлежала инициатива по закрытию «Московского телеграфа». Здесь необходимо сказать об особенностях управления «цензурной машиной» николаевских времен.

¹⁰⁸ Особенno в этом отношении ценные монография С.М. Волошиной, посвященная А. Краевскому (*Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022.*), а также книга М. Велижева (*Велижев М.Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М., 2022*) и ряд статей Д.А. Бадаляна (*Бадалян Д. С.С. Уваров и журнальная борьба 1830-1840-х гг. // Тетради по консерватизму. 2019 // <https://essaysonconservatism.ru/s-s-uvarov-i-zhurnalnaja-borba-1830-1840-h-godov/>; Бадалян Д.А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. – №1. – С.51-66*).

В цензурной политике 1825-1853 гг. существовало «двоевластие», превратившееся в 1848 г. в «троецарствие». Дело в том, что официально все цензурные ведомства подчинялись министерству просвещения. Соответственно, де-юре, всем, что связано с цензурой, руководил глава этого министерства. Де-факто во все вопросы, касающиеся цензуры, вмешивалось III отделение, возглавляемое А. Х. Бенкендорфом. А с 1848 года, когда начался так называемый период «Мрачного семилетия», цензурой стали заниматься еще и различные комитеты, в первую очередь «Бутурлинский комитет». Также отдельно существовала цензура церковная, и были случаи, когда статья, не представлявшая угрозы общественному порядку с точки зрения цензуры светской, запрещалась духовным ведомством. Постепенно, правами на цензурирование ряда статей обзавелись многие министерства и ведомства. И помимо «основных игроков», таких как III отделение и министерство народного просвещения, в цензурной политике страны появилось много участников, каждый из которых мог вмешиваться в дела цензуры.

«Московский телеграф» запретили, поскольку С.С. Уваров к Полевому не благоволил. В самом начале своей министерской деятельности он предпринял несколько попыток закрыть это издание, одна из которых оказалась успешной. В дальнейшем противостояние Уварова, который был патроном «Москвитянина», и Бенкендорфа отразилось и на судьбе издания Погодина, которое в свою очередь пытался закрыть шеф жандармов. И даже история с запрещением журнала Полевого в дальнейшем сказалась на цензурных сложностях «Москвитянина».

Таким образом, можно сделать вывод, что цензурная политика России в годы правления Николая I не была примитивной и прямолинейной. Цензурные ведомства, действительно, сильно ограничивали свободу слова. Но вместе с тем, царское правительство следило за общественным мнением, позволяло определенную свободу известным литераторам, а на цензурную политику страны влияли не только направления изданий, но и расстановка политических

сил в высших эшелонах власти, а в деле пропуска или запрета журнальной продукции большое значение имело протежирование.

То, что славянофилы так и не смогли обзавестись собственным изданием и имели проблемы с цензурными ведомствами, говорит о двух фактах. Во-первых, они не смогли или не стали вступать в отношения «патрон-клиент» с сановниками, способными добиться для них возможности издания журнала. Во-вторых, против них действовали политические силы, не благоволившие к их направлению. В частности, такой силой было III отделение императорской канцелярии. Причин такого противодействия могло быть несколько. Славянофилы оказались «на стороне» Уварова. Даже не получая от него помощи в своей издательской деятельности, члены кружка и их философия связывались с его именем. Славянофилы печатались в «Москвитянине», протежиремом министром просвещения, были близки к его издательской команде. Кроме того, ярчайшего представителя кружка А.С. Хомякова связывали с Уваровым личные отношения¹⁰⁹.

Другой причиной, по которой III отделение не благоволило к славянофилам, были действия так называемой «немецкой партии», т.е. группы высокопоставленных чиновников и близких к ним людей, защищающей интересы этнических немцев (в первую очередь, остзейских) при дворе и в других властных структурах¹¹⁰.

Исходя из этих причин, славянофилы не могли обзавестись собственным печатным органом и должны были использовать те механизмы, при помощи которых можно было донести до публики свои взгляды в обход «цензурных кордонов».

¹⁰⁹ Бадалян Д.А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. №1. С.51-66.

¹¹⁰ О столкновении славянофилов с «немецкой партией» см.: Бадалян Д.А. Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией». 1840–1870-е годы // Тетради по консерватизму: Альманах. №2. М., 2019. С.41-67.

1.1.1. Аренда журналов, сборники и брошюры

В 1830-1840 гг. самым действенным оружием в борьбе с идеологическими конкурентами были толстые литературные журналы. Именно при помощи этих изданий можно было популяризировать свои идеи и оказывать наибольшее влияние на общественное мнение. Однако это понимали не только публицисты, но и власть имущие. Поэтому в 1836 году был введен запрет на издание новых литературных журналов¹¹¹. Иногда, по высочайшему повелению, запрет снимался. Так было, например, в случае с «Москвитянином». М.П. Погодин получил разрешение на его издание в 1837 году. Более того, эта инициатива активно поддерживалась сверху¹¹². Славянофилы никогда не имели собственного издания, поэтому для обхода цензурных ограничений им приходилось использовать уже выработанные и опробованные тактики.

Таких тактик было три. Во-первых, можно было купить журнал, который начал издаваться до 1836 года или взять его в аренду. «Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество», – так охарактеризовал эту практику В.Г. Белинский¹¹³. Второй способ – издание сборников. Третий – издание брошюр (способ не очень популярный и редко использовавшийся, но мы встречаемся со случаями, когда значимые статьи выходили именно в виде брошюр).

Самым известным примером покупки старого издания и наполнения его новой жизнью является некрасовский «Современник». В 1846 году Н.А. Некрасов и И.И. Панаев купили у П.А. Плетнева журнал, который последний создал в 1836 году вместе с Пушкиным. После смерти Пушкина в 1837 году журнал уже не представлял для читателей значительного интереса. Реорганизованный Некрасовым «Современник» сразу стал одним из самых

¹¹¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб., 1862. С.227.

¹¹² Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. М.; Л., 1951. С. 187.

¹¹³ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1986. С. 163.

популярных изданий России, на его страницах печатались произведения В.Г. Белинского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и многих других.

Другим примером перехода в новые руки непопулярного издания может служить судьба «Московского наблюдателя». Консервативный и лояльный к власти орган, потерявший подписчиков и интерес самих издателей, был продан в 1838 году Н.С. Степанову и стал, после приглашения в него Белинского, либеральным и западническим.

Славянофилы также многократно пытались купить журнал. Несколько раз они обращались к Погодину с просьбой продать им «Москвитянин», но всякий раз получали отказ. В 1846 году славянофилам, наконец-то, удалось обзавестись собственным журналом. Ими был приобретен основанный в начале века С.Н. Глинкой «Русский Вестник». Его издание было поручено Ф.В. Чижову. Но, несмотря на близость успеха, «москвичи» опять остались без печатного издания: в 1847 году Чижов был арестован по подозрению в связи с Кирилло-Мефодиевским обществом.

Ф.В. Чижов являлся исключительной фигурой славянофильского движения как по своей общественной активности, так и по убеждениям. Он, в отличие от подавляющего большинства членов московской партии, не был монархистом, хотя свои политические убеждения широко не освещал. Чижов был сторонником республиканской формы правления и федерализма. Несмотря на то, что он испытывал воздействие славянофилов и близких к ним литераторов (Языкова, Гоголя), другим источником, повлиявшим на генезис его взглядов, была деятельность Кирилло-Мефодиевского общества, которое было более радикально настроено, чем московские мыслители. И хотя сам Чижов не был членом Кирилло-Мефодиевского братства, его связь с ними представляется бесспорной¹¹⁴.

¹¹⁴ Симонова И.А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и Кирилло-Мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. №1. С. 42-54.

После ареста последовала высылка. Чижов несколько лет был вынужден проживать вне столиц. Вместе с тем, по результатам дела Чижова, тайный надзор был учрежден за А.С. Хомяковым, который скомпрометировал себя перед властями участием в подготовке к изданию журнала. Более того, помимо запрета славянофилам иметь собственное издание, правительство поощряло западника А.И. Краевского, издателя «Отечественных записок», «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней»¹¹⁵.

Дело Кирилло-Мефодиевского общества интересно еще с одной стороны. После разоблачения его деятельности, власть стала настороженней относиться ко всему малороссийскому в литературе и искусстве. То, каким стало отношение цензурных органов к малороссийской тематике, прекрасно видно из анализа архивных материалов. В связи с этим интересно одно из дел, хранящихся в архиве Московского цензурного комитета, под названием «Знайте и наших, та-не глазуйте». – Малороссийские стихотворения»¹¹⁶. Автором этого сборника является А. Григорьев. Первая мысль исследователя, сталкивающегося с этим делом, говорит об открытии нового, нигде не публиковавшегося сборника Аполлона Григорьева. Однако А. Григорьев на самом деле не прославленный русский критик, а мещанин города Харькова по имени Александр. А сборник его стихов – безобидное подражание народной украинской поэзии, описание красот природы, букалические зарисовки и проч. Однако в 1850 году такой безобидный текст не сумел пройти цензуру и осел в архивах комитета.

Не сумев обзавестись собственным печатным органом, славянофилы вынуждены были перейти к выпуску сборников.

Сборники – переродившиеся альманахи 1820-1830 гг. – стали очень популярны в середине 1840-х. В условиях запрета на издание новых журналов, это был практически единственный шанс обойти цензурные ограничения.

¹¹⁵ Симонова И.А. Федор Чижов. М., 2002. С. 71.

¹¹⁶ ЦГАМ. Ф. 31. Оп.4. Д. 401.

Самым известным журналистом, использовавшим эту тактику, был Н.А. Некрасов. В середине 1840-х гг. им было выпущено несколько таких изданий, самым известным из которых стал «Петербургский сборник». Он важен не только для истории журналистики и общественной мысли, но и для русской литературы, поскольку на его страницах был напечатан первый роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Можно сказать, что Некрасов «открыл» Достоевского. Также как позднее он «откроет» Л.Н. Толстого, напечатав в «Современнике» его первую повесть «Детство».

С 1845 года славянофилы взяли на вооружение эту же тактику. Здесь стоит отметить «подражательный» характер их издательской деятельности. Первый сборник Некрасова вышел в 1843 году. Славянофилы начали работать над своим первым собранием статей в 1844.

Всего славянофилами было выпущено пять сборников: «Синбирский сборник» (1845)¹¹⁷, «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных» (1845)¹¹⁸, Московские сборники 1846¹¹⁹, 1847¹²⁰ и 1852¹²¹ гг. К этому необходимо прибавить, что был подготовлен еще и шестой сборник, но его издание было остановлено цензурой.

Их условно можно разделить на две группы по хронологическому признаку: издания середины 1840 гг. (четыре опубликованных сборника) и издания начала 1850 гг. (один опубликованный сборник и один – не пропущенный цензурой).

Другим принципом, позволяющим разделить их и лучше в них разобраться, является дифференциация по издателям.

Издателем первых двух сборников был Д.А. Валуев, молодой участник кружка, талантливый ученый и журналист, несколько лет до этого работавший в журнале «Библиотека для воспитания». Его сборники были талантливо

¹¹⁷ Синбирский сборник: часть историческая. М., 1844.

¹¹⁸ Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. М., 1845.

¹¹⁹ Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. М., 1846.

¹²⁰ Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. М., 1847.

¹²¹ Московский сборник: [т. 1, 2]. СПб., 2014.

составлены, он чуждался «партийности» в научной и публицистической деятельности. В частности, для участия в своих сборниках он пригласил западников Т.Н. Грановского и К.Д. Кавелина. Как отмечает Т.Ф. Пирожкова, «мало кто из славянофилов был способен на подобную широту взглядов»¹²². К сожалению, Д.А. Валуев умер в 1845 году. Ему было двадцать пять лет. Сколько этот, несмотря на возраст, уже опытный журналист мог принести пользы издательскому направлению деятельности славянофилов, сказать непросто. Ясно одно: в лице Валуева «московская партия» потеряла одного из немногих своих деятелей, настроенных на практический лад и способных найти способ донести идеи кружка до широкой публики.

Московские сборники 1846 и 1847 гг. издавались В.А. Пановым. Уже после первого сборника стало очевидно, как славянофилам не хватает такого деятельного и талантливого издателя как Д.А. Валуев. Сборники этого периода были однозначно слабее. Известен отзыв Н.В. Гоголя, который в письме к Н.М. Языкову про первый «Московский сборник» написал: «Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантства много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить. Вышел тот же мертвый номер «Москвитянина», только немного потолще»¹²³. Этот отзыв великого русского писателя как нельзя лучше передает ощущение, возниквшее у современников после знакомства со «Сборником». Никакой конкуренции изданиям западников «Московские сборники» времен редакторства Панова составить не могли. В первую очередь, потому что не имели единого направления и продуманности; во-вторых, из-за содержания. Если издания западников наполнялись прозой известных авторов и открывали новые имена, то сборники славянофилов составляли, в основном, научные или полемические статьи и поэзия. Причем поэзия, по большей части, самих членов кружка. Видно было, что в отличие от «петербуржцев», прекрасно чувствовавших ритм эпохи, славянофилы (по

¹²²Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика: 1840-1850 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук. М., 2000. С. 46.

¹²³Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937—1952. Т. 13. С. 55.

крайней мере, в сборниках 1846 и 1847 гг.) показали свою журналистскую некомпетентность. В 1840-1850 гг. поэзия уже потеряла то значение, которое имела во времена Пушкина и Лермонтова. Теперь читателей интересовала проза, и чтобы сделать журнал популярным, необходимо было привлекать известных писателей. Или, как это успешно делал Некрасов, открывать новые имена. В этом отношении вышедшее в один год с «Петербургским сборником» издание славянофилов никак не могло с ним конкурировать. Громкие дебюты, такие как роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, про который Белинский писал, что после его выхода «в продолжение нескольких месяцев имя г. Достоевского одно занимало наши журналы»¹²⁴, делали сборники Некрасова главными литературными событиями России середины 1840 гг.

Несмотря на «тяжеловесность» «Московских сборников» времен Панова, в заслугу редактору можно поставить то, что он сумел объединить авторов кружка и найти средства на издательские расходы. Хотя сборники «москвичей» и проигрывали петербургским, все же без В.А. Панова славянофилы не имели бы совсем печатных изданий в 1846-1847 гг. К сожалению, вскоре славянофилы опять остались без редактора. В 1849 году В.А. Панов скончался.

После выпуска второго по очередности «Московского сборника» славянофилы на несколько лет замолчали. В 1848 году после череды революционных потрясений, охвативших Европу, правительство Николая I усилило деятельность цензуры и тайной полиции. Наступила эпоха так называемого «Мрачного семилетия». Славянофилы, как и многие другие представители российской общественности, были напуганы. И не без основания. Как раз в этот период многие активные деятели кружка попали под пристальный надзор полиции. Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков и В.Ф. Чижов задерживались и арестовывались; за другими устанавливался тайный надзор. На издание следующего сборника славянофилы решатся только через пять лет.

¹²⁴ Белинский В.Г. Бедные люди. Роман Федора Достоевского / Современник. 1848. Т. VII. Отд. III "Критика и библиография". С. 43-44.

В 1852 году выходит третий по счету «Московский сборник». Его редактором стал И.С. Аксаков. Он учел все недостатки изданий В.А. Панова. Иван Сергеевич сумел придать сборнику единое направление, сделать его более читабельным. Для этого он решил разделить его на две части, чтобы объем тома не доходил, как это было у Панова, до тысячи страниц. Кроме того, Аксаков, чтобы популяризировать «Московский сборник», попытался привлечь к его изданию литературных и научных знаменитостей. В том числе из среды западников. Так, для первой части сборника должен был подготовить статью Т.Н. Грановский. Правда, Грановский не успел сдать ее до начала печати издания. Также Аксаков договорился с И.С. Тургеневым о печати во второй части сборника его рассказа «Му-му».

«Московский сборник» 1852 года вызвал большой общественный резонанс и множество откликов. Наверное, его вторая часть вызвала бы еще большее внимание публики, учитывая, что в сборнике должно было появиться одно из главных произведений в писательской карьере И.С. Тургенева. Однако второй половине труда славянофилов не суждено было увидеть свет. Ее публикация была запрещена цензурой.

Несколько раз славянофилы пользовались брошюрами для популяризации своих идей. Широко известен только один случай. Это вышедшая в 1842 году статья К.С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»¹²⁵. Однако и после этого славянофилы несколько раз выпускали брошюры, причем иногда не имея в этом особенной необходимости. Например, при издании «Московского сборника» 1852 года некоторые статьи вышли одновременно и в виде брошюр¹²⁶. Также брошюрой была выпущена знаменитая статья Ю.Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных»¹²⁷.

¹²⁵ Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842.

¹²⁶ ЦГАМ. Ф.31. Оп.1. Д. 146. Л. 42 об.

¹²⁷ Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М., 1847.

1.1.2. «Непечатные» формы публицистической активности славянофилов

Из-за невозможности обзавестись журналом в ходе своей полемики с западниками славянофилы вынуждены были выработать иные, «непечатные» формы публицистической активности, которые были бы неподотчетны цензурным ведомствам. Такие формы борьбы часто использовали и западники, и представители других общественных течений и групп.

Первой из таких видов массовой коммуникации были диспуты в салонах и на литературных вечерах. Славянофилы и западники собирались на вечерах у Свербеевых, Елагиных и во многих других домах. Там часто завязывались нешуточные словесные баталии. Особенно знаменит был своим умением спорить А.С. Хомяков. Его любовь к словопрениям стала притчей во языцах. Публицистическую пассивность славянофилов в начале сороковых годов многие исследователи объясняют изначальным настроем Хомякова и его сторонников на словесные баталии. Так, П.Ф. Пирожкова пишет: «Время с 1839 по 1845 гг. они (славянофилы – прим. И. Л.) посвятили устному «воспитанию общества», которое было продолжено и в последующие годы»¹²⁸. Сама эта идея «задержала журнально-издательскую деятельность славянофилов»¹²⁹.

В этом вопросе мы не можем согласиться с известной отечественной исследовательницей славянофильства. Слова Хомякова в этом случае опровергаются его делами. А.С. Хомяков, несмотря на то что предпочитал устное слово письменному, периодически писал статьи. Причем не просто статьи, а такие, в которых высказывал и развивал типично славянофильские представления или отвечал на публикации западников. Это мы можем наблюдать уже после появления «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Сразу после его выхода в свет Хомяков написал ответ на это знаменитое «Письмо...»¹³⁰. Ответ этот по цензурным соображениям напечатан не был:

¹²⁸ Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика: 1840-1850 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук. М., 2000. С. 23.

¹²⁹ Там же. С. 24.

¹³⁰ Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. М., 1994. Т.1. С. 449-456.

власти решили предать «Философическое письмо» забвению и даже критические статьи в адрес Чаадаева в печать не пропускать. До 1845 года, когда «Москвитянин» ненадолго перешел в руки славянофилов, Хомяковым было опубликовано четыре статьи в «Москвитянине»¹³¹ и множество стихотворений. И помимо статей, увидевших свет на страницах «Москвитянина», Хомяков писал работы, ходившие «по рукам» в рукописях.

Таким образом, мы видим, что Хомяков в наиболее горячий период своей устной проповеди славянофильства не избегал и написания статей. Но писал и публиковался он редко.

«Изустное» распространение своих взглядов во время вечеров, приемов и дружеских встреч стало в кон. 1830-х – нач. 1840-х гг. главным источником проповеди славянофильства. Естественно, не только славянофилы использовали эту форму распространения своих идей. Западники также активно осваивали эту модель популяризации своих взглядов.

Другой «непечатной» формой активности стало для славянофилов распространение рукописных статей. Это, естественно, не было новшеством в Москве XIX в. Философские статьи и художественные произведения ходили в списках по Москве и в XVIII, и в XIX, и, как известно, даже в XX в. Такой «самиздат» использовался и славянофилами. В 1839 году Хомяков написал статью «О старом и новом»¹³², с созданием которой связывается появление славянофильства. Вскоре И.В. Киреевский ответил на статью Хомякова¹³³. Ответ этот тоже распространялся в рукописной форме.

Но самым, наверное, известным и скандальным примером славянофильского «самиздата» были «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина¹³⁴. В своих «Письмах...» Самарин критикует политику Российской империи в

¹³¹ Хомяков А.С. О сельских условиях. Москвитянин. 1842. III. С. 293; *Он же*. Еще о сельских условиях. Москвитянин. 1842. V. С. 512-522; *Он же*. Письмо в Петербург о выставке // Москвитянин. 1843. IV. С. 211-222; *Он же*. Опера Глинки: Жизнь за царя. Москвитянин. 1844. III. С. 68.

¹³² Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т.3. М., 1900. С. 11-30.

¹³³ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: В 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 109-121.

¹³⁴ Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина. М., 1877-1911. Т.7. С. 3-163.

Прибалтийских губерниях, засилие немцев, угнетенное положение коренного населения. Не имея возможности опубликовать свой труд, Самарин приложил все усилия, чтобы распространить его в списках и привлечь как можно большее общественное внимание к проблемам прибалтийских крестьян. Даже не опубликованные в журналах «Письма из Риги» привлекли внимание цензуры и тайной полиции. Самарин был арестован. Николай I лично выразил ему неудовольствие за его статьи.

Интересно, что впоследствии, уже в годы правления Александра II, Самарин в течение нескольких лет печатал за границей продолжение «Писем из Риги». «Окраины России» – так озаглавил Самарин этот труд – продолжали исследование вопроса о положении прибалтийских крестьян и их притеснении со стороны остзейских немцев. «Окраины России» вызвали не меньший резонанс, чем в свое время «Письма из Риги»¹³⁵.

Переписывание и распространение публицистики и художественных произведений в первой половине XIX в. было для России нормой. Переписывались стихи, памфлеты и даже целые пьесы. Так, «Горе от ума» Грибоедова впервые увидело свет именно в качестве «самиздата».

Естественно, западники не остались в стороне от такого вида публицистической активности. Еще до статьи А.С. Хомякова «О старом и новом», с появлением которой связано возникновение славянофильства, по Москве в списках ходили «Философические письма» Чаадаева. Примечательны здесь два момента. Первый – личность одного из самых преданных «полиграфистов» Чаадаева. Многие списки «Философических писем» были переписаны М.В. Киреевской. Мария Васильевна Киреевская – сестра славянофилов И.В. и П.В. Киреевских – была горячей поклонницей Чаадаева. В первую очередь, поклонницей его личности, а не учения. Это интересный факт прекрасно иллюстрирует положение дел у враждующих партий. Несмотря на

¹³⁵ Пирожкова Т.Ф. «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130-150.

идеологический антагонизм, славянофилы и западники принадлежали к одному дворянскому общественному кругу и философские противоречия зачастую не мешали их личному общению и даже дружбе. По крайней мере, такая ситуация сохранялась до середины 1840 гг.

Интересно отметить еще одну особенность русского общества николаевской эпохи, связанную с фактом существования рукописного варианта «Философических писем». Как известно, публикация первого из восьми «Писем...» в журнале «Телескоп» вызвала широкий общественный резонанс и стала главным литературным событием эпохи. Автор «Писем...» подвергся преследованиям. Сначала Чаадаев прошел через ряд допросов, а потом объявлен сумасшедшим. Редактор «Телескопа» Н.И. Надеждин был отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, а сам журнал закрыт. Герцен сравнивал появление «Философического письма» в печати с «выстрелом в темную ночь»¹³⁶, а энциклопедия «Британника» – со взрывом бомбы¹³⁷. Но интересен не сам резонанс от чаадаевского произведения, а то, что «Философические письма» были написаны в начале тридцатых годов и к моменту публикации (1836 г.) идеи Чаадаева были известны всей образованной Москве. Но именно появление их в печати вызвало резкую реакцию властей и, как следствие, небывалый общественный отклик. Это показывает, насколько важным в период правления Николая I было иметь возможность публиковаться. Опубликованная статья вызывала в разы больший эффект, чем распространявшаяся в списках. Это еще раз показывает, в насколько более выгодном положении находились по сравнению со славянофилами западники, у которых были собственные печатные органы.

Наконец, помимо салонной полемики, журнальных публикаций и распространявшегося в рукописной форме «самиздата» существовала еще одна

¹³⁶ Герцен А.И. Былое и думы. Собрание сочинений в 30 томах, т. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 139.

¹³⁷ Pyotr Yakovlevich Chaadayev//Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadayev> [дата обращения: 29.09.2020].

форма обмена мнениями между славянофилами и западниками. Мы называем ее «смешанной». Это те случаи, когда на опубликованную работу пишется возражение, но за неимением возможности публикации, статья остается и получает распространение в рукописной форме. Таких примеров в 1830-1850 гг. мы видим много.

Первый пример такой «смешанной полемики» – уже упоминавшийся ответ Хомякова на «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. Другим, более ярким и интересным примером «смешанной полемики», является ряд статей, написанных представителями разных философских течений в 1842 году. Началом этой «смешанной полемики» стала опубликованная в «Москвитянине» Хомяковым статья «О сельских условиях». На нее последовал ответ от редакции журнала. Здесь против Хомякова выступили уже представители своего же консервативного лагеря. Но уже в следующем номере в разделе «Антикритика» появился ответ Хомякова на статью редакции. Здесь мы видим столкновение, хотя и мирное, представителей консервативного крыла русской общественной мысли. Но самое интересное, что в том же 1842 году ответ на статью Хомякова «О сельских условиях» написал П.Я. Чаадаев¹³⁸. Естественно, Чаадаев не мог отдать ее ни в один журнал. После появления «Философических писем» ему был закрыт доступ к любой официальной публицистической деятельности. Поэтому Чаадаев писал свой ответ на статью Хомякова, не имея никакой надежды на размещение своей работы в журналах. Но он считал этот способ активности вполне уместным и единственным для того, чтобы высказать свои контраргументы на статью Хомякова.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что славянофилы, не имея собственного печатного органа, помимо сборников и брошюрок использовали для распространения и популяризации своих взглядов несколько «непечатных» форм:

1. Форма устного диспута.

¹³⁸ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 539-546.

2. Распространение своих произведений в рукописной форме.
3. Форма «смешанной полемики», когда на опубликованное произведение приходилось отвечать рукописями.

Вместе с тем, важно еще раз отметить, что «непечатные» формы не давали такого общественного эффекта, который можно было получить от публикации в периодическом издании. Рукописные тексты, естественно, обсуждались и вызывали интерес читающей публики, однако охват их был намного меньшим, чем у «толстых» журналов. Именно «толстые» журналы привлекали наибольшее внимание публики. Во-первых, в силу своей «универсальности». Это были издания, которые выписывались для всей семьи, в них было чтение на любой вкус: и поэзия, и беллетристика, и наука, и мода. Кроме того, журналы эти, как правило, распространялись по подписке, деньги за них платились заранее, поэтому издания читались полностью.

Итак, в силу сложившейся в публичной сфере ситуации, затрудняющей возможность обзавестись собственным литературным журналом, а для лиц и групп, не имеющих «патронов», делающих это невозможным, славянофилы должны были искать другие, «не журнальные» способы для популяризации своих идей и борьбы с западниками. В основном, эти способы сводились к салонной дискуссии или распространению рукописных статей. Или же выпуск непериодических изданий (брошюр и сборников), которые, однако, не имели такого влияния на общественное мнение, как литературные журналы. Значение периодики для борьбы с западниками славянофилы прекрасно осознавали, поэтому их публицистическая деятельность была во многом связана с журналом М.П. Погодина «Москвитянин» – единственным литературным изданием периода «Великого спора», который могли использовать представители кружка.

1.2. Славянофилы и редакция «Москвитянина»

Единственным периодическим изданием николаевской эпохи, которое на протяжении многих лет сотрудничало со славянофилами и которое отчасти

можно даже назвать славянофильским – «Москвитянин» М.П. Погодина. Тот факт, что славянофилы имели тесные связи с «Москвитянином», привел к тому, что многие исследователи называли это издание славянофильским или даже рупором славянофильства. Такие отзывы можно встретить как в дореволюционной, так и в современной литературе. Например, С.А. Венгеров в статье о «Молодой редакции» «Москвитянина» пишет, что этот журнал в первый период своей истории был «органом правоверного славянофильства»¹³⁹. Также и современный исследователь Б.И. Есин причисляет «Москвитянин» к числу славянофильских изданий¹⁴⁰.

Другим примером некорректного смешения славянофилов с редакцией «Москвитянина» являются статьи известного российского ученого И.А. Виноградова. Он называет славянофилами и главного редактора журнала М.П. Погодина, и ведущего критика этого издания С.П. Шевырева¹⁴¹. Видимо, это смешение происходит от вольного обращения с понятием славянофил. И.А. Виноградов говорит, например, и о западном славянофильстве¹⁴². Правда, в его статье под «славянофильством» подразумевается что-то среднее между славяноведением и панславизмом. Однако вместе с тем в его трудах встречается и более традиционное, «классическое» использование термина «славянофильство», когда это слово относят к кружку Хомякова, Киреевских, Аксаковых. Так, в одной из своих статей И.А. Виноградов пишет, что полемика между Аксаковым и Белинским 1842 года «явилась *первым* публичным актом размежевания двух лагерей»¹⁴³. Но если славянофилом считать и Шевырева, и Погодина, то дату «первого акта размежевания» придется сместить на

¹³⁹ Венгеров С. Молодая редакция «Москвитянина». Вестник Европы. 1886. № 2. С. 582.

¹⁴⁰ Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении. М., 2000. С. 18.

¹⁴¹ Виноградов И.А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // Два века. 2020. № 1. С. 62-153. С. 69, 81.

¹⁴² Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: к постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182-207.

¹⁴³ Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2. С. 189-224. С. 191.

несколько лет назад. Шевырев с Белинским «размежевался» уже в 1830-х, когда между двумя критиками шла долгая публичная дискуссия.

Необходимо отметить, что «журнальные баталии» между западниками и будущими редакторами «Москвитянина» были уже в 1830-х гг. Начиная с конца двадцатых годов Шевырев и Погодин вели активную издательскую деятельность и внесли огромный вклад в развитие отечественной консервативной мысли. Многие их начинания были чисто литературными и не несли идеологического подтекста. Таким, например, был альманах «Урания», единственный выпуск которого увидел свет в 1830 году. Но некоторые из издательских проектов были важны и общественно-политическими вопросами, затрагиваемыми в них, потому что сыграли большую роль в генезисе славянофильства. Тем более что старшие славянофилы (в особенности А.С. Хомяков) были активными участниками литературных проектов Шевырева и Погодина.

Первым журналом, в котором участвовали будущие славянофилы, был «Московский вестник». Журнал занимался в первую очередь вопросами эстетики, философии и литературы и был далек от славянофильско-западнической тематики. Но вместе с тем, «Московский вестник» иногда вступал в полемику с умеренно-либеральным изданием Н.А. Полевого «Московский телеграф». Здесь, в противостоянии успешного либерального издания и шеллингианского органа консервативного романтизма, можно увидеть предтечу будущего «Великого спора» 1840-х годов.

В то же время публицистическая полемика, которая действительно имела значения для истории противостояния славянофилов и западников, связана с другим журналом, ведущую роль в котором играл С.П. Шевырев, – «Московским наблюдателем». Во многом он походил на «Московский вестник». По крайней мере, у «Наблюдателя» было такое же эстетико-философское направление. С.П. Шевырева больше насыщенных общественных и

политических дел интересовало искусство, поэзия, философия.¹⁴⁴ Вместе с тем, в журнале появляются новые темы. На страницах «Московского наблюдателя» мы встречаемся с выработкой оппозиции «Москва – Петербург». Москва как средоточие старой, патриархальной жизни; Петербург как центр западного просвещения и культуры.¹⁴⁵ Но самое большое значение для истории становления славянофильства и западничества «Московский наблюдатель» сыграл благодаря полемике с журналом «Телескоп». Здесь мы впервые встречаемся со столкновением консервативно-романтического журнала и западнического. Кроме того, по разные стороны баррикад были люди, которые впоследствии возглавят партии задников и славянофилов. Постоянным автором «Наблюдателя» в те годы был А.С. Хомяков. Правда, в непосредственной публицистической полемике между «Телескопом» и «Наблюдателем» он не участвовал. Главным критиком «Телескопа» в те годы был будущий лидер западников В.Г. Белинский. Существо спора заключалось в обсуждение вопросов и принципов журналистики и историософских построений не касалось¹⁴⁶. Но уже сам факт столкновения двух групп авторов, которые уже через несколько лет станут идеологами западничества и славянофильства, примечателен. Еще более примечательным является тот факт, что после 1837 года «Московский наблюдатель» был приобретен издателем Н.С. Степановым, который привлек к участию в нем Белинского. Так «неистовый Виссарион» стал главным критиком журнала, а «Наблюдатель» за свою недолгую историю успел побывать и органом консерваторов, и журналом либерального, западнического направления.

¹⁴⁴ О направлении научных и публицистических поисков Шевырева в этот период см.: Цветкова Н.В. Дневник С.П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835-1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 75-84.

¹⁴⁵ Сытина Ю.Н. Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 172-184.

¹⁴⁶ Об этом: Прохоров И.Е. В.Г. Белинский vs С.П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 68-83.

Невольное смешение славянофильства с другими представителями консервативных общественно-политических сил началось еще при жизни старших славянофилов. Так, уже в эпоху «Великого спора сороковых» западники видели в Хомякове и Погодине «два крыла одной антizападной «московской партии»¹⁴⁷. А для Белинского «Москвитянина» был органом славянофилов¹⁴⁸.

Исследователь славянофильства Н.И. Цимбаев так пишет про появление подобных неточностей: «Невнимание к терминологии, к истории слова «славянофил», к его семантике, небрежное использование расплывчатого понятия «славянофил» в освещении процессов русской идейной жизни 1840-х годов неизменно приводили (и приводят) к смешению истинного славянофильства с направлением «Москвитянина»¹⁴⁹.

Таким образом, мы вслед за современными исследователями можем сказать, что при большом количестве указаний «на отличия во взглядах славянофилов и официальных идеологов самодержавия до сих пор нет работ, затрагивающих проблему в целом и по существу»¹⁵⁰. Кроме того, в своих рассуждениях о соотношении славянофильства и взглядов М.П. Погодина и С.П. Шевырева «современная историография и исследователи имеют весьма различающиеся мнения»¹⁵¹.

Итак, чтобы разобраться в отношениях редакции «Москвитянина» и славянофилов, сначала необходимо оговорить, что представляли из себя эти группы, сказать об их представителях и социальном составе.

Главным редактором «Москвитянина» был М.П. Погодин, известный историк и публицист, которого считают одним из идеологов николаевского

¹⁴⁷ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 483.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). М., 1986. С. 25.

¹⁵⁰ Удалов С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов, 2018. С.179.

¹⁵¹ Митрошенков А.О., Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной Российской историографии. М., 2022. С.123.

царствования. Он был выходцем из крепостных крестьян и сам добился успеха и всероссийской известности. В XIX веке Погодин был одним из ярчайших представителей русского консерватизма. Исследование его жизни и творчества началось уже в XIX столетии и вызывало интерес как у широкой публики, так и у представителей академической общественности. В частности, этому был посвящен монументальный 22-томный труд Н.П. Барсукова¹⁵², который известен всем исследователям российской общественной мысли. Наследие Погодина стало объектом внимания таких известных дореволюционных историков, как К.Д. Кавелин, П.Н. Милюков и В.О. Ключевский¹⁵³. В советское время интерес к личности консервативного мыслителя, естественно, был невысок, оценки творчества являлись упрощенными, а «значение его трудов выводилось из элементарной мысли о борьбе дворянско-монархического («реакционного») и буржуазного («прогрессивного») направлений в русской историографии»¹⁵⁴. Уже в постсоветское время, особенно начиная с 2000-х гг., творчество и общественные взгляды М.П. Погодина вновь начинают привлекать внимание ученых. Появляется огромное количество статей и несколько монографий¹⁵⁵, освещающих жизненный путь и идейное развитие московского историка, переиздаются его работы¹⁵⁶, а 220-летию со дня рождения М.П. Погодина был целиком посвящен один из выпусков Русско-Византийского вестника¹⁵⁷.

В своей деятельности по изданию «Москвитянина» Погодин имел сотрудников, которых современным языком можно было бы назвать редакторской командой журнала, и публицистов, являвшихся постоянными

¹⁵² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888-1910.

¹⁵³ Об этом: Бачинин А.Н. М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2007. №10 (50). С.28-42.

¹⁵⁴ Там же. С.35.

¹⁵⁵ Ширинянц А.А. Русский хранитель : политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008; Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. Москва, 1999; Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

¹⁵⁶ М.П. Погодин. Избранные труды. М., 2010.

¹⁵⁷ Русско-Византийский вестник. 2021. №2(5).

авторами издания. Среди них были как популярные писатели и поэты (Н.М. Языков, А.С. Стурдза, К.К. Павлова и др.), так и малоизвестные в литературных кругах сотрудники, посвящавшие себя изданию «Москвитянина», как А.Е. Студитский. Среди сотрудников журнала стоит отметить в первую очередь С.П. Шевырева, который был соратником Погодина практически во всех его литературных и творческих начинаниях, а также коллегой по профессуре в Московском университете. С.П. Шевырев, подобно Погодину, был заметной фигурой в литературных и научных кругах, и также как и труды редактора «Москвитянина», его творчество было предано забвению в советское время или трактовалось утрированно и поверхностно. В 2000-х гг. интерес к его наследию также возрос и было переиздано несколько сборников его статей и стихотворений¹⁵⁸, а в настоящее время издается полное собрание его литературно-критических трудов¹⁵⁹. Шевырев в первые годы существования журнала был его ведущим критиком и во многом определял направление издания, а в 1842 году во время поездки М.П. Погодина за границу был редактором «Москвитянина».

Говоря о редакции журнала в 1840-х гг., нужно отметить несколько моментов. Во-первых, сотрудники «Москвитянина» были непосредственно связаны с Московским университетом. Все, кто выполнял должность редактора в этот период (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, А.Е. Студитский), были его профессорами. Единственное исключение – кратковременное редакторство И.В. Киреевского в начале 1845 г. Во-вторых, большинство сотрудников, определявших работу и направление журнала (М.П. Погодин, Ф.И. Буслаев, О.С. Бодянский, А.Е. Студитский и др.), были не дворянского происхождения. Исключение здесь – С.П. Шевырев.

Славянофилы представляли собой кружок, в основе которого лежали не только общность убеждений, но и родственные связи. Это отмечали как

¹⁵⁸ Шевырев С.П. Избранные труды. М., 2010.

¹⁵⁹ Шевырев С.П. Полное собрание литературно-критических трудов : в семи томах. СПб., 2020-

дореволюционные исследователи¹⁶⁰, так и современные авторы¹⁶¹. К славянофилам относят А.С. Хомякова, братьев И.В. и П.В. Киреевских, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, А.В. Кошелева, Ю.Ф. Самарина и некоторых других. Большое значение в деятельности кружка принимали члены семей славянофилов. Особенно большую роль играли семья Аксаковых и Киреевских-Елагиных. Естественно, кружок был дворянским. Однако, несмотря на такую «семейственность», среди славянофилов также были люди иного происхождения, не состоявшие в родстве с представителями кружка. В частности, таким славянофилом был Ф.В. Чижов.

Славянофилы, особенно их старшее поколение, к моменту издания «Москвитянина» находились в приятельских или даже дружеских отношениях с М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым. Объединяло их и общее направление мысли. И те, и другие выступали против западников, были монархистами и религиозными людьми. Именно эта личная и идейная близость была причиной того, что некоторые исследователи, не входя в подробности, объявляли «Москвитянина» славянофильским журналом или называли славянофилами Шевырева и Погодина. И учитывая эту близость двух групп мыслителей, непонятным становится, почему славянофилы так странно, двойственno относились к журналу Погодина. С одной стороны, члены славянофильского кружка, к удивлению Погодина, не хотели давать свои работы в его издание и «настороженно встретили журнал»¹⁶², с другой – в «Москвитянине» были опубликованы важнейшие статьи «славян», без которых история их направления и полемики с западниками были бы неполными. Кроме того, на короткий период времени славянофилы берут на себя редактуру «Москвитянина» и несколько раз пытаются его купить. Для понимания особенностей их взаимоотношений необходимо исследовать особенности

¹⁶⁰ Флоренский П.А. Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 42.

¹⁶¹ Тесля А. Восемь лекций о славянофильстве: интеллектуальная история. М., 2024. С.23-25.

¹⁶² Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С.215.

взаимоотношений М.П. Погодина и близких к нему публицистов со славянофилами в контексте идеологических и политических противостояний 1840-х гг.

Таким образом, мы можем отметить, что в 1840-х гг. публицистическая и издательская деятельность славянофилов была обусловлена рядом факторов. Главный из них – это идеологическая и цензурная политика Николая I. Самым действенным средством для популяризации своих взглядов в тот период были периодические издания, но запрет на выпуск новых литературных журналов заставлял членов кружка искать другие способы для донесения до публики своих идей. Помимо салонных споров, такими способами стали выпуск брошюр и сборников, а также распространение статей в рукописной форме. Однако эти средства не были настолько эффективны, чтобы позволить славянофилам вести конкурентную борьбу с западниками, имевшими сороковых годах два популярных издания, поэтому члены кружка искали возможность обзавестись собственным печатным органом. Не сумев приобрести журнал, они вынуждены были печататься в «Москвитянине» М.П. Погодина, с которым, несмотря на общность идеологических установок, отношения не всегда были простыми.

ГЛАВА 2. СЛАВЯНОФИЛЫ В ЦЕНЗУРНОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ВОКРУГ «МОСКВИТИЯНИНА»

2.1. Первый год существования «Москвитянина» и публикации А.С. Хомякова

Несмотря на то, что отношения между славянофилами и редакцией «Москвитянина» были непростыми на всем протяжении существования журнала, история славянофильства в период «Великого спора» неотделима от истории погодинского издания. И наоборот, без участия славянофилов (хотя оно чаще всего не было активным) история «Москвитянина» будет неполной.

Первые два года существования журнала стали самыми яркими и показательными для понимания тех правил, неписанных законов, оглядываясь на которые только и могла в 1840-х гг. функционировать журналистика. Суровость, строгость, а главное – непредсказуемость николаевской цензуры заставляли издателей журналов искать покровителей в высших эшелонах власти. Кроме того, сами чиновники высокого ранга могли выступать инициаторами создания журналов, патронами которых и становились. Эта своеобразная «клиентела» часто определяла характер и направление повестки журналов. И, с другой стороны, расстановка сил в верхах влияла на судьбы изданий. Эта особенность российской прессы второй четверти XIX столетия прекрасно отражена в двух, не так давно увидевших свет книгах отечественных ученых: исследовании М. Велижева¹⁶³ и объемной монографии С. Волошиной¹⁶⁴. Но в фокусе этих исследователей оказывались, в основном, издания западников (хотя и славянофилам, и Погодину уделялось определенное внимание). В нашей работе мы пытаемся показать, как отношения «клиент-патрон» повлияли на судьбу журнала М. П. Погодина и связанного с ним славянофильства.

¹⁶³ Велижев М.Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М., 2022. 392 с.

¹⁶⁴ Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022.

Главным обстоятельством, определившим цензурную судьбу «Москвитянина», стало участие в его основании С.С. Уварова. Уваров понимал важность для политика его уровня наличия издания, популяризирующего его идеи. Как отмечает Д. Бадалян, «складывается впечатление, что журнал был нужен Уварову более, чем самим профессорам»¹⁶⁵. В течение нескольких лет Уваров побуждал М.П. Погодина к журналистской деятельности, и, наконец, в 1841 году известный московский историк начал издавать «Москвитянина». Покровительство Уварова, с одной стороны, давало возможность Погодину обходить некоторые цензурные барьеры (само появление нового журнала в данный период уже являлось нарушением цензурного законодательства), с другой – делало «Москвитянина» и его главных авторов мишенью для политических противников министра народного просвещения.

Первый год существования «Москвитянина» стал самым успешным и ярким в истории погодинского издания. Появление нового журнала сопровождалось неподдельным интересом публики¹⁶⁶. В последующие годы такого успеха у «Москвитянина» уже не было, и с каждым годом число его подписчиков только снижалось. Успех 1841 года можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, с 1836 года запрещался выпуск новых изданий¹⁶⁷, соответственно, новой журнальной продукции с той поры практически не появлялось¹⁶⁸. Это привело к тому, что на момент создания «Москвитянина» в Москве не осталось ни одного литературного журнала. Во-

¹⁶⁵ Бадалян Д. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830-1840-х гг. // Тетради по консерватизму. 2019 // <https://essaysonconservatism.ru/s-s-uvarov-i-zhurnalnaja-borba-1830-1840-h-godov/> [дата обращения 01.11.2024]

¹⁶⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6. - 1892. С. 27.

¹⁶⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Санкт-Петербург. 1862. С. 227.

¹⁶⁸ Хотя де-юре, это постановление касалось всех журналов, фактически этот запрет распространялся в основном на литературные издания. Т.е. те, которые могли оказать влияние на общественное мнение, тогда как выпуск «отраслевой» печатной продукции не запрещался, и количество изданий, выходивших в обеих столицах, с каждым годом росло. Появлялись журналы различных министерств и ведомств, периодика по медицине, моде и проч. (Об этом: Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2003. С. 150).

вторых, «Москвитянин» образца 1841 года являлся, безусловно, интересным и ярким для своего времени изданием, которое не могло не привлечь внимания публики. В журнале Погодина в первый год его работы сотрудничали самые известные литературные лица того времени. На его страницах появлялись стихи М.Ю. Лермонтова, почившего к тому времени А.С. Пушкина¹⁶⁹, повести В.А. Соллогуба и А.Ф. Вельтмана. Помимо этого, на протяжении многих лет с «Москвитянином» на постоянной основе сотрудничали консервативные литераторы, творчество которых также вызывало немалый интерес у читателей. Такими авторами были, например, Н.М. Языков и А.С. Хомяков. Также в «Москвитянине» печатались произведения Н.В. Гоголя, который был на тот момент главной литературной знаменитостью России. Обязанный Погодину материально, Гоголь написал специально для «Москвитянина» несколько работ¹⁷⁰, привлекших внимание читающей публики.

Что же касается непосредственно работ славянофилов, то они были представлены, в основном, стихами А.С. Хомякова (кроме его стихов, славянофилы опубликовали в «Москвитянине» только один короткий перевод из Гете, выполненный К.С. Аксаковым). Стихотворения Хомякова по большей части были посвящены лирическому описанию природы, размышлению о характере поэтического дара и проч. Однако некоторые из них были связаны с политикой и стали предметом внимания цензуры, а другие сделались программными произведениями «Москвитянина» и были представлены царю. Таким образом, Хомяков оказался, хотя и «заочно», втянут в борьбу николаевских политиков высшего ранга.

Стихотворение Хомякова «На перенесение Наполеонова праха» было напечатано в первом номере «Москвитянина»¹⁷¹. Интересно, что в предисловии

¹⁶⁹ Погодиным были напечатаны неизвестные стихотворения А.С. Пушкина («Москвитянин». 1841. Ч. I. № 1. Отд. Стихотворения. С. 74).

¹⁷⁰ «Москвитянин». 1841. Ч. II. № 4. Отд. Прибавление к изящной словесности. С. 578-593, Ч. III. № 5. Отд. Изящная словесность. С. 37-40.

¹⁷¹ «Москвитянин». 1841. Ч. I. № 1. Отд. Смесь. С. 341-343.

к нему Хомяков редакторами журнала назван «нашим любимым поэтом»¹⁷². В этом стихотворении автор затрагивает тему тленности и мимолетности всего земного (Нет могущества, ни силы / Нет величья под луной»).

С этой публикацией связано два интересных момента. Во-первых, это стихотворение было написано, что называется, «на злобу дня». Стоит отметить это, так как обычно классики славянофильства не отличались скоростью журналистской реакции, в чем проигрывали западникам, всегда без промедления отзывавшимся на происходившие события. 15 декабря 1840 года во Франции было произведено перезахоронение останков Наполеона Бонапарта. Прах императора французов перевезли с острова Святой Елены в Париж и торжественно погребли. Это событие нашло живой отклик в русской прессе и публицистике. Примечательно, что дал оценку ему и М.Ю. Лермонтов («Последнее новоселье»). В длинном стихотворении А.С. Хомяков рисует картину морской экспедиции к берегам Святой Елены, где покоится тело усопшего императора, описывает ликование французов, встречающих это тело, а затем переходит к обстоятельствам, погубившим некогда славного владыку мира. Точку в блистательной истории наполеоновского правления поставил его поход в Россию.

И в те дни своей гордыни
Он пришел к Москве святой,
Но спалил огонь святыни
Силу гордости земной.

Усмирила Наполеоновскую гордость не сила оружия, а те факторы, которые секулярное мышление Бонапарта никогда не принимало в расчет.

И не меч, не штык трехгранный,
А в венце полночных звезд –

¹⁷² Там же. С. 341.

Усмиритель бури бранной –
Наша сила, Русский крест.

Другим интересным фактом, связанным с этим стихотворением, было представление хомяковского произведения императору. В январе 1841 года С.С. Уваров поднес императору первый номер «Москвитянина», обратив его внимание на несколько публикаций, в том числе и на эти стихи А.С. Хомякова¹⁷³.

Тема перезахоронения императора французов надолго захватила Хомякова, и в следующих номерах «Москвитянина» появились еще два стихотворения, продолжавших размышления русского поэта о Бонапарте. Это «Суeta сует»¹⁷⁴ и «Еще об нем»¹⁷⁵.

В четвертом номере за 1841 год Хомяковым было напечатано стихотворение с немецким названием «Ritterspruch – Richterspruch»¹⁷⁶. Это произведение с очень интересной историей, которая не вполне выяснена. По форме это романтическая баллада. В нем описывается лихой рыцарь, который умело расправляется с врагом. Когда соперник повержен, встает вопрос, что делать с униженным противником?

Сойдешь ли с коня ты? Поднимешь ли меч?

Сорвешь ли бессильную голову с плеч?

Сам Хомяков явно выступает за то, чтобы проявить милосердие к поверженному сопернику.

Убьешь ли? о, стыд и позор!

¹⁷³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6. 1892. С. 22-23.

¹⁷⁴ Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. Отд. Изящная словесность. С. 347-348.

¹⁷⁵ Москвитянин. 1841. Ч. II. № 3. Отд. Изящная словесность. С. 6.

¹⁷⁶ Москвитянин. 1841. Ч. III. № 4. Отд. Изящная словесность. С. 321-322.

Во второй части этого небольшого стихотворения проблема остается та же (казнить или помиловать), но меняется антураж. Теперь следует строфа, в которой Хомяков вопрошают кого-то о том, помилуют ли они (речь идет уже не об одном человеке) своих беспомощных врагов, пусть даже те были жестоки и бессердечны.

А если вас много, убьете ли вы
Того, кто охвачен цепями,
Кто, стоптанный в прахе, молящей главы
Не смеет поднять перед вами?
Пусть дух его черен, как мрак гробовой;
Пусть сердце в нем подло, как червь гноевой;

И делая вывод об аморальности такого поступка, заключает стихотворение практически теми же словами, что звучали в конце первой его части.

Убьете ль? о, стыд и позор!

Само по себе это стихотворение не представляет чего-то исключительного. Обращение к средневековым мотивам было поэтической нормой в первой половине XIX столетия. Но, вполне возможно, что «Ritterspruch – Richterspruch» имело ощутимый политический подтекст. Б.Ф. Егоров предполагает (ссылаясь на П.И. Бартенева и переписку А.С. Хомякова и М.П. Погодина), что это стихотворение могло быть написано в защиту Шимона Конарского, одного из предводителей польского восстания 1830-1831 гг.¹⁷⁷ Конарский был расстрелян в феврале 1839 года. В письме к Погодину Хомяков предлагал дать подзаголовок от лица издателя и боялся за истолкование смысла

¹⁷⁷ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 561-562.

произведения цензурными органами¹⁷⁸. Это предположение основано на «косвенных» данных. П.И. Бартенев родился в 1829 году, а с Хомяковым познакомился только в 1849¹⁷⁹. Таким образом, непосредственным очевидцем и участником первых лет существования «Москвитянина» он не был. Кроме того, никаких цензурных последствий публикация «Ritterspruch – Richterspruch» не имела. С другой стороны, Бартенев, хотя и вошел в круг славянофилов и московских консерваторов только в конце 1840-х гг., сблизился и с семейством Хомяковых, и с С.П. Шевыревым, который был его университетским преподавателем, и с М.П. Погодиным. С Погодиным у него поначалу были непростые отношения¹⁸⁰, но вместе с тем, он сам печатался в «Москвитянине», а также сделал для этого журнала указатель статей за 1841-1853 гг.¹⁸¹ Впоследствии Бартенев находился с издателем «Москвитянина» в теплых, приятельских отношениях. Так, не принимая участия в публикации 1841 года, Бартенев мог знать о всех подробностях, сопровождавших ее, из первых уст. В целом, его воспоминания – важный и правдивый источник, мемуары, во многом не до конца оцененные¹⁸². То, что цензура не отреагировала на появление в «Москвитянине» «Ritterspruch – Richterspruch», может объясняться неясностью намеков на польских повстанцев и их судьбу. Кроме того, с момента польского восстания прошло уже целое десятилетие, а с казни Конарского – более двух лет, поэтому вряд ли в силу отсутствия злободневности стихотворение связывалось в сознании цензоров с крамольным оправданием польских бунтовщиков.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 1994. — [Т.] 1. С. 47—95.

¹⁸⁰ Там же. С. 83.

¹⁸¹ Указатель статей и материалов, по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещённых в Москвитянине за 1841—1853 годы / сост. Петр Бартенев. — [М.: Б. и., 1855]. — IV, 106 с.

¹⁸² О публикации мемуаров Бартенева и их связи с исследованием славянофильства см.: Черномырдин М.В. Славянофилы в «Воспоминаниях» П.И. Бартенева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 147-154.

Если за публикацией произведения, которое вполне могло считаться крамольным, никаких претензий не последовало, то стихотворение «Киев» из следующего, пятого номера «Москвитянина»¹⁸³, проникнутое духом патриотизма и вполне соответствовавшее по своим идеологическим установкам взглядам правительства, имеет интересную и сложную цензурную историю. В журнале Погодина Хомяков выпускать его не собирался. Изначально оно предполагалось для напечатания в альманахе «Киевлянин».

Отцом и вдохновителем «Киевлянина» был профессор Киевского университета М.А. Максимович. В тридцатые годы в Москве им издавался альманах «Денница», который принес Максимовичу литературную известность. В первом выпуске альманаха за 1830 год¹⁸⁴ встречаются имена главных литературных знаменитостей той поры. Там начал печатать первые сцены из «Бориса Годунова» А.С. Пушкин, публиковал отрывки из «Ермака» А.С. Хомяков, на его страницах появлялись стихи М.Н. Языкова, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига и многих других. Примечательно, что в «Деннице» за 1830 год мы находим статьи И.В. Киреевского и М.П. Погодина, а также стихотворение С.П. Шевырева. В 1831 году новый выпуск альманаха¹⁸⁵ был таким же представительным по именам. Не было никаких материалов от Хомякова и Погодина, но опять были стихи Шевырева. В 1834 году, после трехлетнего перерыва, вышел еще один том «Денницы»¹⁸⁶. Он уже был беднее на известные имена, но для истории консерватизма и нарождающегося славянофильства альманах за 1834 год интересен тем, что в нем П.В. Киреевский издал пять русских песен. Кроме того, на его страницах опять были стихи С.П. Шевырева. Т.е. мы видим, что М.А. Максимович был близок к кружку молодых московских консервативных писателей и публицистов шеллингианского направления, из которых позднее выделяются славянофилы и будущие издатели и движущие силы «Москвитянина» (М.П. Погодин и С.П.

¹⁸³ Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 5. Отд. Изящная словесность. С. 34-36.

¹⁸⁴ Денница, альманах на 1830 год. М., 1830.

¹⁸⁵ Денница, альманах на 1831 год. М., 1831.

¹⁸⁶ Денница, альманах на 1834 год. М., 1834.

Шевырев). Их объединяет направление мыслей и литературных предпочтений, Московский университет (в его типографии печатаются два из трех выпусков альманаха) и личные отношения. Стоит отметить, что и после переезда из Москвы в Киев в середине 1830-х гг., издатель «Денницы» поддерживал дружеские отношения как с М.П. Погодиным, так и со славянофилами.

В Киеве Максимовичем был задуман новый альманах. Для него А.С. Хомяковым, который ранее сотрудничал с Максимовичем в «Деннице», как раз и был написан «Киев». Максимовичу нужны были тексты А.С. Хомякова. Автор «Ермака», хотя по популярности и уступал Пушкину, Гоголю или Лермонтову, был все же очень известным литератором, а киевский альманах Максимовича не изобиловал громкими именами. Из числа авторов первой величины в «Киевлянине» за 1840 год печатался лишь В.А. Жуковский. Но это было только одно, пускай и не маленькое стихотворение¹⁸⁷.

Хомяков написал длинное, на семнадцать строф поэтическое произведение. В нем автор вспоминает о том, что именно в Киеве, в водах Днепра была крещена Русь; именно здесь воссиял для восточных славян Свет с Востока.

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!

Киеву, этой колыбели отечественной цивилизации, приходят поклониться люди со всех концов русского мира: из Пскова, с Алтая, с берегов Черного (в стихотворении – Эвксинского) моря и многих других частей страны. Богомольцы отправляются в древнюю столицу Руси, поскольку помнят, что именно отсюда свет православия начал распространяться по родной земле.

¹⁸⁷ Киевлянин, книга первая, на 1840 год. Киев, 1840. С. 170-174.

Знаем мы: в века былые,
В древнюю ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнца вечного Восток¹⁸⁸.

Само по себе это стихотворение вполне соответствовало духу, и букве николаевской идеологии, но некоторые его строки неожиданно вызвали интерес цензуры. А именно, строфа, в которой упоминались Галич и Волынь.

«Братцы, где сыны Волыни? / Галич, где твои сыны?», – задается вопросом поэт. Цензоры увидели в этом опасное политическое действие. Галиция находилась на тот момент под властью Австрии, государства, которое было союзником России. Таким образом, стихи Хомякова, по мысли цензоров, могли быть истолкованы как призыв к аннексии этих территорий Российской империей.

Еще одним моментом, привлекшим внимание властей, стало упоминание Польши.

Горе, горе! Их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры.

Таким образом, у цензуры было два повода для запрещения «Киева». Первый – призыв к воссоединению русских земель, часть которых находилась в составе дружественной Австрии. Второй – негативные высказывания о Польше.

¹⁸⁸ Слово Восток написано с большой буквы, поскольку в христианской теологии восток связан с раем, Богом и может использоваться в качестве одного из поэтических изображений Христа. Именно в этом смысле и употребляет это слово Хомяков. Интересно, что в советском издании 1969 года Восток написан с прописной буквы (Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 113). Нельзя не обратить внимания на тот факт, что спустя сто с лишним лет после того, как цензура не пропустила к публикации «Киев» в полном виде, стихотворение А.С. Хомякова вновь столкнулось с цензурными сложностями, и опять текст был подвержен исправлениям.

Цензурная история стихотворения описана Б.Ф. Егоровым¹⁸⁹. Созданное в 1839 году произведение не прошло киевскую цензуру. «Киевлянин» вышел в следующем году без стихотворения Хомякова. Однако М.А. Максимович взял одну из строф «Киева» в качестве эпиграфа к своему литературно-ученому сборнику. Не допущенное до публикации в СМИ стихотворение начало распространяться в списках. Здесь мы видим тесную связь, в которой находились средства массовой информации и массовой коммуникации. Когда в силу цензурных или еще каких-либо обстоятельств произведение не могло быть опубликовано, его распространение становилось делом средств массовой коммуникации, которыми в те времена являлись салоны, собрания, кружки. Так случилось и с «Киевом». Попав таким образом в столицу, стихотворение было опубликовано в журнале «Маяк», другом консервативном органе печати, лояльном правительству¹⁹⁰. Особенности этой публикации тоже интересны. Во-первых, подписано оно было не именем Хомякова. Автором числился «Э. И...о, выпускник третьей гимназии». Второй особенностью было то, что в стихотворении оказалось опущено несколько строф. Отсутствовало четверостишие, в котором упоминалась Польша. («Горе, горе! Их спалили / Польши дикие костры» и далее). Кроме того, из стихотворения были исключены последние три строфы, в которых упоминалось о будущем соединении Киева со своими отпавшими детьми. Эта публикация вызвала недовольство Уварова. Вместе с тем, вскоре «Киев» появился в «Москвитянине». Это публикация тоже интересна. Во-первых, редакторским примечанием: «„Киев“ напечатан был в одном петербургском журнале по неправильному списку и под чужим именем. Полагаем, что это произошло по ошибке и недоразумению, и радуемся случаю представить это прекрасное стихотворение нашим читателям в исправленном виде»¹⁹¹. Во-вторых, в «Москвитянине» отсутствовало уже только одно четверостишие, в котором

¹⁸⁹ Там же. С. 558-562.

¹⁹⁰ Маяк. 1841. № 17. С. 16-17.

¹⁹¹ Москвитянин. Ч. III. № 5. Отд. Изящная словесность. С. 34.

было упоминание Польши. Несмотря на нежелание цензора журнала Н.И. Крылова печатать последние строки «Киева», в которых можно было усмотреть намеки на аннексию австрийских владений, стихотворение появилось в печати почти целиком¹⁹². В перерыве между написанием и публикацией в «Москвитянине» оно попало за рубеж и было напечатано в Европе¹⁹³.

Но самое интересное заключается в том, что это стихотворение было представлено Николаю I С.С. Уваровым. В «Русском архиве» в 1885 году была опубликована записка Уварова, сопровождавшая текст Хомякова: «Известный поэт наш Хомяков, который, как кажется, мог бы один идти по стопам Пушкина, если бы постояннее занимался своим искусством, написал ныне стихотворение, которое я считаю достойным воззрения вашего императорского величества. Осмеливаюсь при сем всеподданнейше представить оное».

Николай I написал на докладе Уварова «Недурно»¹⁹⁴. Как замечает издавший записку Уварова Николай Барсуков, государь «любил и ценил Хомякова»¹⁹⁵. Насколько Николай I любил и ценил Хомякова сказать сложно, но то, что какое-то внимание на его литературную деятельность обратить был должен, это бесспорно. Ведь министр народного просвещения неоднократно представлял государю произведения А.С. Хомякова, которого ценил и с которым был близок¹⁹⁶.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересными фактами, показывающими отсутствие единомыслия среди цензурных ведомств и отсутствие единой идеологической линии в министерстве Уварова. Цензурные комитеты трех крупнейших российских городов по-разному оценили «Киев». Полный запрет в Киеве, частичная публикация в Санкт-Петербурге, почти полная (за исключением одного четверостишья) в Москве. При этом С.С.

¹⁹² О публикации «Киева» в «Москвитянине» и отзывах современников см. *Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6. 1892. С. 59-60.*

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Об этом: *Бадалян Д.А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. №1. С.51-66.*

Уваров сделал выговор петербургскому цензору, пропустившему стихи Хомякова¹⁹⁷ в «Маяке», и вместе с тем собственолично представил их Николаю I, сопроводив комплиментарной аннотацией и сравнением Хомякова с Пушкиным.

Далее нужно отметить несколько моментов, связанных с цензурными вопросами. В первый год участия славянофилов в «Москвитянине» мы видим некоторую непоследовательность царской цензуры. Пропуская те материалы, на которые должна была среагировать («Ritterpruch – Richterspruch»), цензурные ведомства тормозили издание патриотических произведений («Киев»). Кроме того, внутри самого организма николаевской цензуры не существовало единства мнений и определенных критериев. Это было видно на примере цензурной истории стихотворения «Киев». Также нельзя не отметить тот факт, что в период подготовки и начала издания «Москвитянина» С.С. Уваров представляет императору несколько произведений А.С. Хомякова.

Подводя итог первому году существования «Москвитянина», его направлению и участию в нем славянофилов можно сделать следующие выводы:

1. Славянофилы (точнее – А.С. Хомяков) оказываются втянутыми во властные игры, которые часто в годы правления Николая I происходят вокруг периодических изданий. Каждое значимое издание было связано с каким-либо игроком властного поля. У «Москвитянина» таким патроном был С.С. Уваров. В конце 1830-х – нач. 1840-х гг. он представляет императору стихотворения Хомякова и даже сравнивает его с Пушкиным. Видимо, С.С. Уваров, активно популяризировавший в 1841 «Москвитянина», видел в Хомякове главную литературную знаменитость протежируемого им издания и хотел придать ему в глазах императора (а значит и двора) больший вес. Возможно, это могло привести в формирования представления о Хомякове, как о «человеке» Уварова и сказаться на дальнейших взаимоотношениях славянофилов с другими властными агентами.

¹⁹⁷ Хомяков А С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 559.

2. На примере цензурной истории стихотворений А.С. Хомякова можно сделать вывод о том, что в работе цензурных ведомств не было должного единства мнений. Один цензурный комитет мог разрешить то, что запретил другой; и вместе с тем, это запрещенное произведение было представлено царю как образец верноподданнической лирики.

2.2. Цензурные сложности «Москвитянина» в 1842 году: споры вокруг статьи А.С. Хомякова и «славянский вопрос»

1841 год стал для журнала М.П. Погодина триумфальным, и можно даже предположить, что в этот период редакция издания «пробует на прочность» николаевскую цензуру, опытным путем пытаясь определить, сколько позволено журналу, патроном которого является глава цензурного ведомства. Подтверждением этого предположения может служить факт осознанной публикации уже упоминавшихся стихотворений А.С. Хомякова. Кроме того, что М.П. Погодин осознанно шел на печатание стихов Хомякова, он и сам позволял себе «цензурные вольности». В частности, им был напечатан отзыв о парижских лекциях А. Мицкевича¹⁹⁸, польского эмигранта и диссidenta. Нужно отметить, что упоминание имени Мицкевича было довольно смелым шагом со стороны редакции журнала. В те годы знаменитый польский поэт жил в эмиграции (в то время – в Париже), был близок к польским революционным кругам и являлся в Российской империи персоной, упоминание которой было крайне нежелательным. Погодин встречался с Мицкевичем во Франции и хотел рассказать об этом в печатавшемся на страницах «Москвитянина» «Дорожном дневнике», но цензор погодинского издания Н.И. Крылов решил, что этого делать не стоит, о чем и предупредил историка¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Москвитянин. Ч. V. № 10. Отд. Известия. С. 509-511.

¹⁹⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6. 1892. С. 25.

Здесь стоит отметить отношение М.П. Погодина к польскому вопросу. Отношение это для представителя консервативного лагеря является неожиданным. Погодин выступал за предоставление Польше большой культурной и политической автономии в составе России, если не полной независимости²⁰⁰. Возможно, именно поэтому он шел на риск, публикуя в «Москвитянине» упоминавшиеся выше стихи Хомякова и открыто упоминая о Мицкевиче.

Триумфальный год сменился временем испытаний, когда против «Москвитянина» выступили политические противники С.С. Уварова. Выпад против «Москвитянина» со стороны главного политического конкурента Уварова А.Х. Бенкендорфа имел место уже в 1841 году, однако он, во-первых, был разовый; а во-вторых, как будет показано, имел под собой объективные основания. В 1842 году мы встречаемся с несколькими попытками досадить редакции «Москвитянина», причем поводы для этого будут находиться самые незначительные.

В апреле 1842 года был обнародован указ об обязанных крестьянах. Первым в печати на выход нового законопроекта отреагировал А.С. Хомяков. Его статья была опубликована в шестом номере «Москвитянина» за 1842 год²⁰¹.

Хомяков ставит целью своей статьи помочь правительству и другим помещикам в лучшей реализации указа об обязанных крестьянах²⁰². Первое, на что обращает внимание Хомяков – сила обычая. Она имеет значение в каждой стране, но в России – особенно. Поэтому «мы не должны бороться, а согласовываться с наставлениями, которые подают нам опыт и обычай»²⁰³. Затем Хомяков выделяет три вида отношений между землевладельцами и поселянами. Одни основаны на денежном оброке, другие на натуральном

²⁰⁰ Об этом: Стайцов Р.Е. Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №6. С.222-228.

²⁰¹ Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. Отд. Науки. С. 253-266.

²⁰² Там же. С. 253.

²⁰³ Там же. С. 254.

оброке, а третьи – на барщине²⁰⁴. Есть еще четвертый вид, основанный на плате работнику за труд, но, как отмечает Хомяков, такой характер отношений, типичный для Западной Европы, совсем не свойственен России, поэтому он его в расчет не берет²⁰⁵.

Все три типа взаимоотношений приемлемы для России и должны распределяться по ее регионам. На севере, где плохо рождается хлеб, пригоден денежный оброк²⁰⁶. Для Центральной и Южной России, где урожайность намного выше, подходит натуральный оброк²⁰⁷. Барщина же распространена повсеместно и может быть использована как на севере, так и в южной части страны.

Здесь же Хомяков предлагает свой вид «половничества», при котором плата с земледельца взимается не частью настоящего урожая, а для уплаты оброка высчитывается среднее количество плодов, которые можно собрать с данного участка земли²⁰⁸.

Отдельно Хомяков оговаривает характер взаимоотношений дворян и крестьян. Сделки должны происходить не между землевладельцем и отдельным поселянином (хотя, в принципе, они возможны), а между помещиком и общиной²⁰⁹. В дальнейшем Хомяков рассматривает особенности взаимоотношений помещика с миром, отношения внутри общины, возможность ее раздела.

В восьмом номере «Москвитянина» за 1842 год были напечатаны «Замечания на статью Г. Хомякова: о сельских условиях»²¹⁰. Автор статьи не подписал свой труд, но из воспоминаний М.П. Погодина известно, что критику

²⁰⁴ Там же. С. 255.

²⁰⁵ Там же. С. 256.

²⁰⁶ Там же. С. 256-257.

²⁰⁷ Там же. С. 257-259.

²⁰⁸ Там же. С. 259.

²⁰⁹ Там же. С. 262.

²¹⁰ Москвитянин. 1842. Ч. IV. № 8. Отд. Критика. С. 376-382.

на работу Хомякова написал Н.И. Татаринов²¹¹. В «Замечаниях» была высказана критическая оценка ряда положений, выдвигавшихся лидером славянофилов. В частности, критике подверглись и важные для Хомякова и его учения положения. Так, Татаринов отрицал тезис о том, что введение нетрадиционной для России системы обмена денег на труд, неприемлем²¹². Для Хомякова это положение было идеологически важным. Замена традиционных барщины и оброка денежными отношениями, введение института наемных работников, уравнивало в глазах автора «Семирамиды» российского крестьянина с немецким пролетарием. Другим ударом по важным для Хомякова положениям его статьи была критика общины, мира, появившаяся в «Замечаниях»²¹³. Не отвергая общины как социального института, Татаринов указывал на то, что в ней возможно расслоение и эксплуатация бедных богатыми.

Автор «О сельских условиях» не мог оставить такую критику его статьи без ответа. Антикритика Хомякова появилась в десятом номере «Москвитянина» под названием «Еще о сельских условиях»²¹⁴. Здесь глава славянофильской партии высказывает контраргументы на замечания Татаринова. Главную причину непонимания своей статьи рецензентом Хомяков видит в различных географических условиях. «Замечания» Татаринова вышли без подписи, а в конце его работы вместо имени стояло «Симбирск». По мнению Хомякова именно специфические природные (а значит и социальные) условия Симбирской губернии привели к разности взглядов двух авторов «Москвитянина»²¹⁵. Хомяков пытается объяснить, что разные природные условия не отменяют его главного тезиса о половничестве: в других климатических и социальных условиях оно просто принимает иные формы, но

²¹¹ Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология. СПб., 2009. С. 416.

²¹² Москвитянин. 1842. Кн. 4. № 8. Отд. Критика. С. 382.

²¹³ Там же. С. 380-381.

²¹⁴ Москвитянин. 1842. Ч. V. № 10. Отд. Критика. С. 512-522.

²¹⁵ Там же. С. 513.

остается неизменной составляющей отношений помещиков и крестьян в России. С критикой общинных отношений Хомяков отчасти соглашается, но утверждает, что отдельные случаи расслоения и эксплуатации не отменяют правила: «никогда община поселянская в России не дойдет до отношения арендатора к батракам. Право каждого члена общины на участок земли удаляет возможность пролетарства, кроме редких случаев, происходящих от чрезмерной глупости или неисцелимой лени»²¹⁶.

В целом, полемика между Татариновым и Хомяковым носила характер взаимного уважения и терпимости.

Помимо самого содержания статьи Хомякова большой интерес представляет цензурная история, развернувшаяся вокруг этих публикаций. «О сельских условиях» была напечатана в шестом (июньском) номере журнала за 1842 год. Уже 9 июля Бенкендорф отправил Уварову запрос по поводу статьи Хомякова. Шеф жандармов интересовался, была ли эта публикация одобрена министром. По мнению Бенкендорфа, любые публикации, посвященные указу 2 апреля 1842 года, должны цензурироваться на самом высоком уровне. Уваров отвечал, что со статьей знаком не был, но не находит ее предосудительной. Итогом этого обмена мнений стал циркуляр Уварова, запрещавший какие бы то ни было обсуждения как указа, так и статьи Хомякова в российской печати²¹⁷. Для понимания ситуации со статьей Хомякова, необходимо взглянуть на взаимоотношения «Москвитянина» с цензурными органами в этот период.

Помимо запроса о статье Хомякова, Бенкендорф обращался к Уварову по поводу «Москвитянина» в 1842 году еще раз. 9 ноября Уваров получил выговор за публикацию в журнале Погодина писем Пушкина и сочинения Булгарина «Комары». «Комары» никаких крамольных мыслей не содержали, но показались шефу жандармов слишком грубыми, а их тон – неуместным для российской печати. Другим произведением, которое не понравилось

²¹⁶ Там же. С. 520.

²¹⁷ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 174.

Бенкендорфу, были выпады против Н. Полевого, содержавшиеся в письмах Пушкина²¹⁸.

Эти нападки сильно воздействовали на М.П. Погодина, который уже думал о закрытии своего издания и прощании с журналистской карьерой, но был поддержан С.С. Уваровым и продолжил свою издательскую деятельность²¹⁹.

Еще одним интересным фактом является запрос попечителя московского учебного округа С.Г. Строгонова, сделанный все тому же Уварову. С самого момента своего основания «Москвитянин» большое внимание уделял славистике. Одной из его рубрик были «Славянские известия». Поскольку значительная часть славян находилась под властью дружественной Австрии, Строганов интересовался у Уварова, не грозит ли эта любовь к славянам интересам России²²⁰?

Итак, во второй половине 1842 года мы видим три эпизода с нареканиями в сторону «Москвитянина» со стороны чиновников высшего ранга, стоящих во главе российской цензуры. И все три повода выглядят, по меньшей мере, надуманными. На первый взгляд эта ситуация может показаться обычным проявлением строгости николаевской цензуры. Но совсем другой представляется картина, если посмотреть на нее, используя политический контекст текущего момента.

В годы правления Николая I была распространена борьба высших чиновников, преследующих личные цели или защищающих интересы своих ведомств²²¹. Одной из самых наглядных иллюстраций этой «борьбы ведомств» является конфликт между А.Х. Бенкендорфом и С.С. Уваровым. Часто их интересы сталкивались на «цензурном поле». Формально руководил

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 277-278.

²²⁰ Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022. С. 237-238.

²²¹ Об этом: Велижев М.Б. Чадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М., 2022. С. 197-215.

цензурными ведомствами С.С. Уваров. Но одновременно с ним цензурой занималось III отделение, шеф которой постоянно вторгался в вопросы, относящиеся к компетенции уваровского ведомства. С другой стороны, у Уварова имелись недоброжелатели и внутри собственного министерства. Еще одним его антагонистом являлся С.Г. Строганов. В 1835 году он был назначен попечителем московского учебного округа, а значит и руководил цензурой в Москве. С ним у министра тоже были непростые отношения. Осложнялись они тем, что, хотя Уваров и был формально начальником Строганова, последний имел большую знатность, богатство и вес при дворе, так что де-факто был практически неподотчетен автору знаменитой триады.

Если взглянуть на цензурные сложности, с которыми столкнулся «Москвитянин» в 1842 году, через призму отношений чиновников в высших эшелонах власти, то становится совершенно очевидным, что нападки на журнал М.П. Погодина были не проявлением непомерной строгости николаевских цензоров, а желанием ослабить позиции министра народного просвещения при дворе и в обществе.

Возможно, что одним из мотивов, побуждавших Бенкендорфа к нападкам на «Москвитянин», была месть. В 1834 году Уваров добился запрещения журнала Н. Полевого «Московский телеграф»²²². Известно, что Бенкендорф благоволил к Полевому (как в годы существования «Телеграфа», так и после), но отстоять его издание не смог. Интересно, что одним из обвинений, которые оказались предъявлены в ноябре 1842 года «Москвитянину» была клевета на Полевого²²³. Возможно, Бенкендорф давал понять министру народного просвещения, что его действия являются ответом запрещение журнала Полевого.

Не менее примечательным является и обращение С.Г. Строганова по поводу славянского направления «Москвитянина». Формально в действиях

²²² Об этом: *Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.: По подл. делам Третьего отд. Собств. е. и. вел. канцелярии. 2-е изд. СПб., 1909. С. 86-96.*

²²³ *Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 276.*

Строганова нельзя усмотреть ничего предосудительного. Это обычный запрос подчиненного начальнику. Но в контексте их взаимоотношений, письмо Строганова выглядит иначе. Попечитель московского учебного округа прекрасно знал, что Погодин – протеже Уварова, и что министр знаком с повесткой «Москвитянина». Кроме того, именно в это время Погодин пишет ряд записок высокопоставленным лицам о положении славян в Европе и Турции. Одна из них была адресована цесаревичу Александру (будущему императору Александру II)²²⁴, и, хотя целью ее являлось предоставление мнения «о важнейших эпохах в Русской истории»²²⁵, в своей записке известный историк неоднократно обращается к славянскому вопросу, подчеркивая важность для России поддержки «единоплеменного населения» Европы. Также Погодин пишет две записки С.С. Уварову в 1839²²⁶ и 1842²²⁷ гг., уже целиком и полностью посвященных славянскому вопросу. В них известный историк развивает мысль о том, что Россия должна оказывать поддержку славянским народам, входящим в состав Австрийской и Османской империй. Такое мнение шло в разрез с внешнеполитическим курсом Николая I. Под влиянием Погодина Уваров представляет свою прославянскую внешнеполитическую программу Николаю I и сносится по этому поводу с гр. Нессельроде²²⁸. Однако Нессельроде отклоняет предложения Уварова по поддержке славянского населения Балкан. Интересен сам факт того, как Николай I решает вопрос с обращением Уварова, переадресовывая его гр. Нессельроде. Это является

²²⁴ Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу (ныне царствующему Государю Императору), в 1838 году // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853-1856. М.. 1874. С.1-14.

²²⁵ Там же. С.1.

²²⁶ Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853-1856. М.. 1874. С.15-45.

²²⁷ Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853-1856. М.. 1874. С.46-69.

²²⁸ Об этом: Досталь М.Ю. «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянский альманах. 1998. №1997. С.105-119.

иллюстрацией того, какое влияние оказывал «опытный канцлер на своего импульсивного и в целом недипломатичного правителя»²²⁹.

Интересен и тон переписки Уварова со Строгановым по поводу «славянской» ориентации «Москвитянина». Строганов в основном выдерживает деловой стиль в своем обращении к Уварову, но в конце послания его тон приобретает уже публицистические оттенки. «Москвитянин» у него «рукоплещет» стремлениям турецких и австрийских славян к независимости. При этом он чувствует «слабость самих писателей», занимающихся «пропагандой» прославянских настроений²³⁰.

В ответе Уварова Строганову чувствуется его негодование по поводу запроса своего подчиненного. Министр напоминает главному московскому цензору, что разбор внешнеполитических интересов России не входит в компетенцию его ведомства, при этом приводит ссылки на цензурный устав, а в конце предлагает Строганову, если его так волнует внешняя политика, «войти в конфиденциальное сношение» с Московским генерал-губернатором²³¹.

Желание досадить «Москвитянину» и его главному редактору со стороны Строганова видны и из его личных отношений с М.П. Погодиным. В 1842 году последний отправился в Европу. Будучи профессором Московского университета, все свои командировки он должен был согласовывать с попечителем московского учебного округа. Уже находясь в Европе, Погодин в письме к Строганову просил о продлении своей ученой командировки в связи с необходимостью посещения конференции славистов в Копенгагене. На это он получил неожиданный и довольно грубый отказ²³². Вместе с тем, в скором времени Погодин получил от Уварова разрешение на необходимую ему

²²⁹ Ryazanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825 – 1855. Berkeley, University of California Press. 1959. P.45.

²³⁰ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1550. Л.2.

²³¹ Там же. Л.4.

²³² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 7., 1893. С. 46-47.

отсрочку²³³. В данном случае опять видно, что Строганов явно не благоволил известному московскому профессору, а Уваров оказывал содействие.

Очевидно, что Уваров хорошо понимал, кто работает против его московских протеже, и от кого он должен защищать «Москвитянина». Это показывает цензурный скандал вокруг публикации в апрельском номере погодинского журнала за 1841 год анекдотов, главными героями которых были чиновники²³⁴. Некоторые из них высмеивали взяточничество и бюрократические проволочки, царившие в присутствиях и канцеляриях. Вместе с тем эту критику вряд ли можно назвать уничтожительной или даже сколько-нибудь существенной. Но этого было достаточно, для того чтобы использовать цензурную возможность для закрытия «Москвитянина».

Прочитав анекдоты, Уваров тут же написал о них Строганову, предписав вызвать Погодина и сделать ему внушение по поводу подобных публикаций. Вскоре он получил письмо Бенкендорфа, в котором шеф жандармов выказывал свое негодование по поводу апрельской публикации «Москвитянина» и предлагал закрыть журнал. Уваров отвечал, что анекдоты не остались незамеченными, распоряжения о соответствующих взысканиях им уже отданы, но закрытие журнала он считает нецелесообразным. Одновременно с официальной перепиской министр народного просвещения отправил несколько писем Погодину (напрямую и через В.Ф. Одоевского), напоминая ему об осторожности²³⁵. Причем, если в первом личном письме Уваров довольно строго высказывал Погодину свое недовольство анекдотами, то во втором – только мимоходом упоминает о них, успокаивая редактора «Москвитянина». «Что же касается до статей журнала..., то я считаю излишними всякие дальнейшие объяснения, ибо повторяю, что дело кончено»²³⁶.

²³³ Там же. С. 47.

²³⁴ Москвитянин. 1841. Ч. II. № 3. Отд. Смесь. С. 248-251.

²³⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 46-48.

²³⁶ РГАЛИ. Ф.1571. Оп.1. Д. 2757. Л.2 об.

Поведение Уварова в сложившейся ситуации показывает, что он прекрасно понимал, откуда грозит беда «Москвитянину», и играл на опережение. Он должен был упредить реакцию и Бенкендорфа, и Строганова. Такой реакцией он создавал себе своего рода «алиби». Глава III отделения вполне мог пожаловаться императору на бездействие и попустительство министра в случае отсутствия каких-либо санкций против журнала. Если бы письмо Бенкендорфа упредило меры создателя знаменитой триады, то последнему было бы непросто отказаться от предложения о закрытии журнала. В этом случае он выглядел бы откровенным его защитником. Но когда Уваров получил письмо своего политического противника, меры были уже приняты. Министр среагировал, наказал виновных, и, хотя его наказание было не таким строгим, на какое рассчитывал Бенкендорф, представить министра народного просвещения в глазах императора защитником крамолы вряд ли бы получилось.

Одновременность действий Бенкендорфа и Строганова, а также поведение Уварова, заставляют задуматься о том, что его противники координировали свои усилия. Вполне возможно, что шеф жандармов и попечитель московского учебного округа работали против «Москвитянина» сообща. У каждого из них был свой мотив. С.Г. Строганов был западником и противником партии мыслителей и писателей, группировавшихся вокруг издания Погодина. Бенкендорф был заинтересован в ослаблении позиций своего антагониста. Поэтому мы видим, как шеф жандармов раз за разом предпринимает попытки закрыть «Москвитянина». И хотя отношения между Бенкендорфом и Строгановым не были простыми, они вполне могли совместно действовать против «общего врага». Свидетельством, подтверждающим, что Бенкендорф и Строганов работали против «Москвитянина» сообща, являются архивные материалы. В фонде 772 РГИА, где хранятся обращения к Уварову обоих его антагонистов, дела с запросами Бенкендорфа и Строганова находятся по соседству (ед. хр. №1550 и №1551). И это не случайно. Как оказалось, они

отправили свои запросы к министру народного просвещения почти в одно и тоже время. Строганов подал свой запрос 12 июня²³⁷, а Бенкендорф – 9 июля²³⁸.

Наконец, одной из самых интересных тем цензурных перипетий начала сороковых является судьба произведений Хомякова. Мы уже видели, что в период подготовки и начала издания «Москвитянина» Уваров дважды представлял императору стихотворения А.С. Хомякова, снабжая их лестными похвалами и сравнивая лидера славянофилов с А.С. Пушкиным. В 1842 году Бенкендорф представляет императору статью «О сельских условиях» (в запросе Уварову от 9 июля Бенкендорф пишет, что информация о статье Хомякова нужна ему для официального донесения государю)²³⁹. Таким образом, мы видим: в 1841 году С.С. Уваров пытается сделать популярным не только «Москвитянина», но и его авторов; на следующий год Бенкендорф пытается в глазах царя опорочить не только журнал Погодина, но и ведущих его сотрудников.

Статья Хомякова вызвала много толков и самых разнообразных откликов. Чаадаев в письме к Свербеевой от 10 июля 1842 года пишет, что хотя работа «О сельских условиях» «мало произвела впечатления на землевладельцев», но содержит много интересного «для мысли»²⁴⁰. В следующем, 1843 году, Чаадаев написал и ответ на статью Хомякова²⁴¹. Правда, в этом ответе лидеру славянофилов и его работе посвящены только первые, вступительные абзацы, в которых Чаадаев хвалит автора «О сельских условиях», признается в том, что ничего в исследуемом вопросе не понимает и переходит к рассуждениям о русской истории, Церкви, Византии и Западе²⁴². То есть использует статью

²³⁷ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1550. Л.1.

²³⁸ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1551. Л.1.

²³⁹ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 173.

²⁴⁰ Чаадаев П.Я. Письмо к Е.А. Свербеевой от 10.07.1842 // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 149-151.

²⁴¹ Чаадаев П.Я. Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 539-545.

²⁴² Там же. С. 539.

своего оппонента в качестве информационного повода, от которого тут же переходит к собственным рассуждениям.

Помимо Чаадаева на работу лидера славянофилов откликнулся помещик Волков, но его ответ Хомякову не был опубликован в силу уже упоминавшегося запрета²⁴³.

Интересно отметить, что цензурное давление, которое оказывали на «Москвитянина» в 1842 году противники С.С. Уварова, никак не отразилось ни на повестке журнала, ни на деятельности А.С. Хомякова. Хомяков по-прежнему давал мало материалов М.П. Погодину, что было связано с его нерегулярной литературной деятельностью, и в 1843 году в «Москвитянине» появляется только одна его статья²⁴⁴, посвященная промышленной выставке в Москве, но в ней он критикует развитие отечественной промышленности. В то время как официально выставка оценивалась иначе²⁴⁵. Такое разномыслие с официальной позицией властей должно было привлечь внимание цензоров, но почему-то не привлекло. Несмотря на то, что остроты лидера «славян» могли обернуться для «Москвитянина» неприятностями, М.П. Погодин спокойно печатает эту статью.

Отдельно стоит отметить общее направление «Москвитянина» после цензурного 1842 года. Несмотря на запрос С.Г. Строганова по поводу славяноведческой повестки погодинского издания, славяноведения в «Москвитянине» в 1843 году стало еще больше. В этом году помимо отдельных статей, новостей и очерков, которые с самого момента основания журнала появлялись на его страницах, в первых пяти его номерах печатается «Славянское народописание»²⁴⁶ выдающегося чешского ученого П.И. Шафарика. А в шестом номере, как бы завершая публикацию труда чешского филолога, появляются отрывки из письма Шафарика редактору

²⁴³ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 174.

²⁴⁴ Москвитянин. 1843. Ч. IV. № 7. Отд. Московская летопись. С. 211-222.

²⁴⁵ Указатель Третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. - Москва, 1843. С. IX.

²⁴⁶ Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1. Отд. Науки. С. 141-202; Ч. I. № 2. Отд. Науки. С. 424-459; Ч. II. № 3. Отд. Науки. С. 95-129; Ч. II. № 4. Отд. Науки. С. 405-440; Ч. III. № 5. Отд. Науки. С. 109-116.

«Москвитянина»²⁴⁷ (впрочем, с самим «Славянским народописанием» «Отрывки» напрямую не связаны). Таким образом, видно, что «запрос» Строганова никак на редакционной политике «Москвитянина» не сказался.

Интересно, что в том же 1843 году «Славянское народописание» вышло отдельным изданием²⁴⁸. Напечатано оно было в Москве, в Университетской библиотеке. То есть в учебном заведении, подчинявшемся напрямую графу Строганову. Эти факты не оставляют сомнения в том, что «славянская» повестка «Москвитянина» нисколько не волновала попечителя московского учебного округа. Для Строганова это был просто повод к тому, чтобы выступить против своего высокопоставленного руководителя.

Следует отметить, что «Москвитянин» в этот период испытывал сложности с цензурными органами не только по вине врагов С.С. Уварова. В 1841 году М.П. Погодин хотел поместить в своем журнале небольшой религиозный трактат, посвященный Иисусовой молитве. Он содержал в себе поучения о молитве старца Василиска, наставника преподобного Зосимы Верховского, ныне прославленного в лице святых. Трактат был выдержан в духе аскетической православной литературы и никаких формальных причин для его запрета не было. Однако духовная цензура, которая была отдельным, неподотчетным министру народного просвещения ведомством, его не пропустила. Цензор, которым оказался знаменитый профессор Ф. Голубинский, аргументировал это тем, что светскому читателю, не приученному к тонкостям богословия и серьезным аскетическим произведениям, не полезно будет знакомство с трудами такого глубокого духовного содержания. Стоит отметить, что не пропущенная духовной цензурой статья находится в «Центральном государственном архиве г. Москвы» в деле под названием «Объяснения цензоров к запрещенным изданиям»²⁴⁹. Как видно из названия, в нем собраны материалы, которые не были пропущены цензурой, с сопроводительными

²⁴⁷ Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. Отд. Внутренние известия. С. 549-552.

²⁴⁸ Славянское народописание, составленное П.И. Шафариком. М., 1843.

²⁴⁹ ЦГАМ. Ф.31. Оп.1. Д.131.

объяснениями цензоров. При этом большая статья о молитве для погодинского журнала во всем деле единственная напечатанная, а не написанная от руки. Это значит, что она подверглась запрещению уже после того, как весь номер «Москвитянина» был набран и напечатан. А это значит, что из-за запрета Голубинского весь тираж пришлось печатать заново. Это принесло Погодину огромные дополнительные финансовые издержки и издательские хлопоты.

Очевидно, что покровительство Уварова не спасало журнал М.П. Погодина от столкновения с цензурными органами, и не только политические противники министра народного просвещения, но и другие ведомства могли осложнить издание «Москвитянина».

Таким образом, на примере цензурных сложностей, с которыми столкнулся «Москвитянин» в первые годы своего существования, мы можем сделать несколько важных выводов для исследуемого нами вопроса. Во-первых, рассматривая нападки на журнал Погодина, имевшие место в 1841-1842 гг. мы видим особенности отношений «патрон-клиент» в российской журналистике середины XIX в. Само появление литературного журнала после 1836 года было делом непростым и требовало участия чиновников высшего ранга. Этот чиновник становился своего рода «патроном» издания. Но помимо защиты своих «клиентов» фигура «патрона» создавала журналу и определенные сложности, т.к. политические противники чиновника пытались закрыть протежируемое им издание. Так, в начале своего существования журнал М.П. Погодина не только получил поддержку от С.С. Уварова, но и подвергся нападкам со стороны его политических противников. Эти нападки коснулись как деятельности журнала, так и лично его основателя М.П. Погодина.

Еще одно важное заключение касается отношений «Москвитянина» и славянофилов в 1841-1842 гг. Цензурная судьба журнала и славянофильского кружка (в лице А.С. Хомякова) становятся тесно связаны. В начале существования «Москвитянина» Хомяков воспринимался как главная литературная знаменитость издания, в связи с чем в 1841 году – времени

активной популяризации «Москвитянина» С.С. Уваровым – его стихи представляются императору, а в следующем, 1842 году, цензурная атака на журнал, протежируемый министром народного просвещения, которую предприняли Бенкендорф и Строганов, коснулась и статьи лидера славянофилов. Возможно, этот цензурный эпизод косвенно подействовал на негативное восприятие славянофильского кружка властью, которое наблюдается с конца 1840-х гг., т.к. Хомяков и близкие к нему литераторы воспринимаются, как фигуры из окружения Уварова, и, соответственно, негативно оцениваются его могущественными политическими противниками.

ГЛАВА 3. ИЗЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ИДЕЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МОСКВИТИЯНИН»

3.1. Участие славянофилов в «Москвитянине» в первой половине 1840-х гг.

Лидеры славянофильского направления в первый год существования «Москвитянина» публиковали там только стихотворения. В двенадцати выпусках 1841 года было напечатано восемь стихотворений А.С. Хомякова. Всего одну публикацию предоставил Погодину К.С. Аксаков (небольшой стихотворный перевод из Гете²⁵⁰). Некоторое участие принял в журнале Погодина и Ю.Ф. Самарин. Правда, участие это было скорее не литературное, а посредническое. Через него М.Ю. Лермонтов передал в редакцию «Москвитянина» свое стихотворение «Спор»²⁵¹. Нужно отметить, что Лермонтов этим «литературным подарком» показал большое личное благородство, поскольку в том же 1841 году главный критик журнала С.П. Шевырев довольно холодно и неблагосклонно отзывался как о стихах, так и о прозе знаменитого поэта²⁵².

В дальнейшем мы увидим, что количество публикаций представителей славянофильского лагеря будет все уменьшаться. И это будет продолжаться вплоть до 1844-1845 гг. – времени окончательного разрыва с западниками. В 1842 году «славяне» напечатают в журнале Погодина только четыре статьи: две – А.С. Хомяков, одну – К.С. Аксаков и еще одну – А.Н. Попов. В 1843 году в «Москвитянине» будет напечатана только одна славянофильская работа – «Письмо в Петербург о выставке» А.С. Хомякова.

В связи с пассивностью славянофилов в 1843 году, не лишним будет отметить факт участия в журнале Погодина западников. Кто-то из

²⁵⁰ Москвитянин. 1841. Ч. I. № 1. Отд. Стихотворения. С. 61-62.

²⁵¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6, 1892. С. 236.

²⁵² Об этом: Телегина С.М. М.Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-Византийский вестник. 2021. №2(5). С.130-165.

представителей западнической партии всегда давал свои статьи в «Москвитянин». В 1843 их было не больше, чем в предыдущие годы, всего две. Одна принадлежала Т.Н. Грановскому²⁵³, другая – С.М. Соловьеву²⁵⁴. Но показателен тот факт, что славянофилы при этом воспользовались дружественным им журналом для пропаганды своих идей лишь единожды, а западники печатались в консервативном «Москвитянине» дважды.

Если посмотреть на содержание «Москвитянина» за 1844 год, то окажется, что количество публикаций славянофилов в нем увеличилось, и появились новые имена. Содержание «Москвитянина» за 1844 год включает две статьи Ф.В. Чижова, две публикации, связанные с Ю.Ф. Самарином, новое стихотворение Хомякова, его же статью, а также сборник из 24 стихотворений того же автора. Если не анализировать сами публикации, а просто сопоставить содержание «Москвитянина» за 1844 год с историей «Великого спора», то можно прийти к выводу, что рост активности «москвичей» связан с эскалацией их конфликта с западнической партией. Именно 1844-1845 гг. являются временем окончательного разрыва славянофилов с их противниками. Но если обратиться к анализу самих работ славянофилов, появившихся в «Москвитянине» в 1844 году, то окажется, что количество публикаций, размещенных ими в единственном литературном журнале Москвы, не столь велико.

В «Москвитянине» в 1844 году появилось две статьи Ф.В. Чижова. Во втором номере журнала помещена статья «Отрывок из письма Ф.В. Чижова из Рима к Н.В. Голубкову»²⁵⁵, а в одиннадцатом номере – его же «Письмо от Ф.В. Чижова к г. Голубкову»²⁵⁶ с подзаголовком «Из Ровоно от 4 сентября 1844».

Стоит отметить, что Ф.В. Чижов к тому времени еще не принадлежал к кружку московских славянофилов, хотя и был знаком с их идеями, благодаря дружбе с Н.М. Языковым. В первой половине 1840-х гг. Чижов, как и Языков,

²⁵³ Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4. Отд. Науки. С. 441-463.

²⁵⁴ Москвитянин. 1843. Ч. IV. № 8. Отд. Разные известия. С. 474-494.

²⁵⁵ Москвитянин. 1844. Ч. I. № 2. Отд. Разные известия. С. 625-628.

²⁵⁶ Москвитянин. 1844. Ч. VI. № 11. Отд. Славянские известия. С. 248-250.

путешествовал по Европе, подолгу жил в Италии, где познакомился с известным поэтом. Идеи «московской партии» оказались созвучны взглядам Чижова и впоследствии, по возвращении в Россию, он сблизился со славянофилами и стал одним из самых деятельных членов кружка. Но в 1844 году славянофилом его называть еще, наверное, нельзя. Кроме того, статьи Чижова, напечатанные в «Москвитянине», никаких славянофильских идей не содержат. Это либо очень короткий рассказ о русских художниках за границей, либо небольшое повествование о природе и жителях Далмации. «О славянофильстве как о новом направлении общественной мысли в России Чижов впервые узнал в конце 1842 – начале 1843 года в Риме, когда произошло его знакомство с Николаем Михайловичем Языковым… Сойдясь с Языковым совершенно по-братьски, видясь и беседуя с ним чуть ли не ежедневно, Чижов заинтересовался его рассказами о новых явлениях в идейной жизни России, о противоборстве двух станов – славянофилов и западников, по-разному понимающих историческую роль и призвание России, по-разному отвечающих на вопрос о путях ее дальнейшего развития»²⁵⁷. А непосредственное знакомство с участниками кружка произошло только в феврале 1846 года²⁵⁸.

В пятом номере «Москвитянина» за 1844 год появилось две работы Хомякова: короткое стихотворение «Давид»²⁵⁹ религиозно-нравственного содержания и статья «Опера Глинки «Жизнь за Царя»²⁶⁰.

В следующем номере «Москвитянина» появилась короткая заметка о диспуте Ю.Ф. Самарина²⁶¹. Отзыв о защите молодого ученого был весьма лестным. Интерес представляет примечание, помещенное редакцией в конце статьи. «Мы желали бы поместить более подробное описание этого диспута, равно как и подробный отчет о курсе г. Грановского, – но наши молодые

²⁵⁷ Симонова И.А. Федор Чижов. М., 2002. С. 32-33.

²⁵⁸ Там же. С. 58.

²⁵⁹ Москвитянин. 1844. Ч. III. № 5. Отд. Изящная словесность. С. 1.

²⁶⁰ Там же. Отд. Критика. С. 98-103.

²⁶¹ Москвитянин. 1844. Ч. III. № 6. Отд. Московская летопись. С. 394-396.

ученые, подражая заслуженным литераторам, увы, так тяжелы на перо!»²⁶² Это маленький упрек молодому поколению славянофилов в литературном бездействии. Судя по всему, Погодин, который в 1844 году испытывает одновременно нехватку материалов и падение популярности своего издания, продолжал надеяться привлечь к более активному участию в «Москвитянине» даровитых и уже довольно известных публике обеих столиц славянофильских авторов.

Не имея поддержки от славянофилов, Погодин предоставлял страницы «Москвитянина» западникам. В следующем, седьмом номере журнала была опубликована статья «О публичных чтениях г-на Грановского (письмо второе)»²⁶³, подписанная А. Г. За этими инициалами скрывался А.И. Герцен. Сама по себе статья Герцена на страницах «Москвитянина» не представляет собой чего-то исключительного. Как мы видели, западники время от времени печатались в журнале Погодина. Интересна предыстория этой публикации. В том же 1844 году Герцен, с разрешения С.Г. Строганова, с которым по приезде в Москву завел доверительные отношения, напечатал в «Московских ведомостях» свою первую статью (в авторском определении – письмо) о чтениях Грановского. Строганов был западником и к деятельности молодых участников этого общественного течения относился доброжелательно. Когда Герцен спустя какое-то время решил напечатать еще одну статью о знаменитых лекциях своего единомышленника, Строганов эту публикацию по неясным причинам в «Московских ведомостях» не разрешил. Сам Герцен не осуждал за этот запрет высокопоставленного чиновника, объясняя такое решение излишней осторожностью²⁶⁴, и в дальнейшем отношения между Строгановым и Герценом были теплыми²⁶⁵. Однако от идеи публикации своей статьи Герцен не

²⁶² Там же. С. 396.

²⁶³ Москвитянин. 1844. Ч. IV. № 7. Отд. Московская летопись. С. 167-173.

²⁶⁴ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910 22 т. Кн. 7, 1893. С. 124.

²⁶⁵ Строганов даже содействовал попыткам Герцена получить разрешение на выезд за границу (Записка, приложенная к письму С.Г. Строганова к А.Х. Бенкендорфу // <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/documents/document-12.htm> [дата обращения 12.09.2024])

отказался. Он разместил ее в «Москвитянине», и она, успешно пройдя цензуру, появилась в седьмом номере журнала. История с публикацией герценовской статьи во многом показательна. В «Великом споре» 1840-х гг. западники проявили большую активность. Они пользовались, если это было необходимо, печатными органами своих противников, постоянно писали и публиковались, находили пути донести свои мысли до массового читателя. Славянофилы, имея в распоряжении (пускай и не полном) единственный в Москве литературный журнал, практически в нем не печатались, хотя М.П. Погодин их постоянно к этому и призывал. Интересен отзыв о статье Герцена И.С. Аксакова. Будущий лидер славянофилов, а пока молодой двадцатилетний чиновник, Иван Сергеевич в письме от 12.08.1844 года сообщал родным: «№ «Москвитянина», который я получил в середу, почти так же глуп, как и все прочие. Исключая интересной, как кажется, статьи о лекциях Грановского»²⁶⁶. Вполне возможно, что Аксаков не знал, что за инициалами А. Г. скрывается один из главных оппонентов «московской партии», а может быть просто не относился принципиально к все более возраставшему уровню противостояния славянофилов и западников. В письмах этого времени он сам говорит, что не является вполне славянофилом и критикует старшего брата за ношение зипуна и бороды²⁶⁷. Как отмечает Т.Ф. Пирожкова, усиление влияния на Ивана Сергеевича славянофильских идей произошло зимой 1844-1845 гг., которую он провел в кругу семьи²⁶⁸.

В седьмом номере «Москвитянина» помимо статьи Герцена появились также две публикации славянофилов. В отделе «Библиография» были напечатаны «24 стихотворения Хомякова»²⁶⁹. Эта публикация сопровождалась краткой аннотацией. Вообще, отдел «Библиография» предполагал не публикацию, а отзыв на книги. Здесь, видимо, Погодин воспользовался выходом брошюры со стихами Хомякова для того, чтобы напечатать их в своем

²⁶⁶ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988. С. 133.

²⁶⁷ Там же. С. 161.

²⁶⁸ Там же. С. 605.

²⁶⁹ Москвитянин. 1844. Ч. IV. № 7. Отд. Библиография. С. 1-11.

журнале, мотивируя это тем, что многие из этих произведений были напечатаны в «Москвитянине»²⁷⁰. Краткая рецензия, сопровождавшая стихи известного славянофила, интересна еще и полемикой против «Отечественных записок». «Кто, кроме Отечественных, а вернее сказать *Иностранных* Записок, не встречал с восторгом его (Хомякова – прим. И. Л.) нового стихотворения», – вопрошают редакция «Москвитянина»²⁷¹. А после текста стихов Хомякова добавляет: «Надо быть слишком наглу, слишком дерзку, чтобы *ругать* такие Стихотворения. И какие несчастные бредни выставляют на поклонение публике *Иностранные* Записки вместо Хомяковых и Языковых»²⁷².

Сразу после рецензии на стихотворения Хомякова в отделе «Библиография» был помещен отзыв о диспуте Ю.Ф. Самарина²⁷³. В общем и целом доброжелательный, отзыв содержал критику некоторых положений диссертации славянофильского автора. В начале рецензии редакция положительно отзыается о труде молодого ученого, отмечая, что «Самарин показал и блестящий дар слова, и смешливость, и находчивость», а главное – добросовестность²⁷⁴. Однако следующие четыре страницы посвящены критике концепции красноречия, которую развивал в своем исследовании диссертант, или, как он назван в отзыве, дефендент. Таким образом, несмотря на лестные оценки, значение исследования Самарина ставилось под вопрос. Интересно отметить, что это была уже вторая статья, посвященная диспуту молодого славянофила.

Итак, мы видим, что из семи публикаций, которые обозначены именами славянофилов, остаются только две. Стихотворение Хомякова «Давид» и его же статья про оперу Глинки. Статьи Чижова в расчёт можно не принимать, т.к. он, во-первых, не был на тот момент членом «московского кружка», а во-вторых, содержание его статей не носит славянофильского характера. Две публикации,

²⁷⁰ Там же. С. 1.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. С. 11.

²⁷³ Там же. С. 11-15.

²⁷⁴ Там же. С. 11.

в которых упоминается имя Ф.Ю. Самарина, являются описаниями его магистерского диспута. Сам Самарин никакого отношения к этим статьям не имел. Наконец, «24 стихотворения Хомякова» – пример действий Погодина по размещению на страницах его журнала славянофильских работ. Под видом рецензии вышедших недавно из печати стихов известного автора, «Москвитянин» перепечатал всю брошюру лидера славянофилов. Примечательно, что стихотворения в журнале печатались в разделе «Изящная словесность». А «24 стихотворения...» оказались в разделе «Библиография» – отделении журнала, где печатаются отзывы о вышедших книгах. Причем, отзыв о брошюре был очень кратким, чисто формальным. Следовательно, несмотря на видимое увеличение публикаций славянофилов в Москвитянине, фактически ситуация в 1844 году остаётся той же: материалы в издание Погодина даёт лишь Хомяков и то крайне редко. Славянофилы не хотят давать свои произведения Погодину. Отчасти это объясняется тем, что в это время начинает выходить «Библиотека для воспитания», в которой работает молодой славянофил Д.А. Валуев, и Хомяков призывает своих соратников писать для «Библиотеки»²⁷⁵. Собственно, упоминавшиеся неоднократно его «24 стихотворения...» вышли как приложение к этому изданию.

Таким образом, в первые четыре года существования журнала славянофилы (за исключением А.С. Хомякова) практически полностью игнорируют журнал Погодина. С причинами этого разобраться не так просто. Сам М.П. Погодин по этому поводу недоумевал²⁷⁶. Причины такого странного отношения к «Москвитянину» носили, в основном, личный характер. Именно в то время, когда М.П. Погодин начал выпускать свой журнал, между ним и семейством Аксаковых отношения начинают портиться. Как будет видно

²⁷⁵ О журнале «Библиотека для воспитания» и его связи со славянофильством см.: Махова К.А. К истории журналов для детей: «Библиотека для воспитания» и «Новая библиотека для воспитания» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 37-47.

²⁷⁶ О холодном отношении славянофилов к «Москвитянину» в начале его существования см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. - 22 т. Кн. 6, 1892. С. 53-62.

впоследствии, эта ситуация не станет единичной и размолвки между вчерашними друзьями и соратниками будут повторяться и не в последнюю очередь окажутся связаны с «Москвитянином». Видимо, из-за этой размолвки ни С.Т. Аксаков, ни его старший сын Константин материалов в Погодинский журнал не давали. Одной из главных сложностей в отношениях Погодина и славянофилов, были его размолвки с Константином Аксаковым. К.С. Аксаков выделялся среди «младших» славянофилов. Под его влиянием находился его брат Иван и Ю.Ф. Самарин. Можно даже сказать, что Константин Аксаков определял направление деятельности младших членов кружка. А сам Константин Сергеевич всегда не любил М.П. Погодина. Кроме того, что Константин Сергеевич оказывал влияние на самых значимых представителей молодого поколения славянофилов, он, будучи старшим и любимейшим сыном, определял настроение и внутри семьи Аксаковых. Таким образом, сложные отношения между славянофилами и классической редакцией «Москвитянина» были обусловлены во многом взаимной неприязнью М.П. Погодина и К.С. Аксакова.

Кроме того, можно предположить, что возможной причиной размолвки, были «вопросы идеализма», захватившие младшее поколение славянофилов. Как раз в этот период К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин увлеклись философией Гегеля. При этом они не сходили (или старались не сходить) с почвы славянофильских взглядов, выросших из философии Шеллинга и русской православной традиции. Это сочетание идей, формально относящихся к одному направлению философской мысли (объективный идеализм), было на самом деле соединением разнородных и зачастую взаимоисключающих элементов. С легкой руки А.И. Герцена воззрения младших славянофилов в начале 1840-х гг. получили название «православное гегельянство»²⁷⁷.

Личные сложности, возникшие между Погодиным и Аксаковыми в начале существования «Москвитянина», усугубились в 1842 году. И связаны

²⁷⁷ Об этом: Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 342-361.

они были уже с журнальными делами. В 1842 году К.С. Аксаков решил опубликовать рецензию на только что увидевшую свет книгу Н.В. Гоголя «Мертвые души». Погодин и Шевырев отказались размещать его статью в «Москвитянине». После отказа печатать статью К.С. Аксакова, отношения между его семейством и М.П. Погодиным стали еще более напряженными и после 1842 года, вплоть до перехода на недолгое время «Москвитянина» в руки славянофилов, никто из Аксаковых в нем не печатался.

Повздорил М.П. Погодин и с другим представителем «младших славянофилов» А.Н. Поповым. В начале 1840-х А.Н. Попов писал магистерскую диссертацию и хотел остаться на юридическом факультете Московского университета для научной и педагогической работы. В том же 1842 году Погодиным был напечатан негативный отзыв о магистерском диспуте Попова и его диссертации²⁷⁸. Погодин критиковал молодого автора за исторические ошибки и плохой язык работы. «Язык ужасный, каким не писана еще ни одна диссертация в старом Московском университете», – отмечал профессор²⁷⁹. Попов не остался в долгу и уже в следующем номере «Москвитянина» появился его ответ на критику заслуженного ученого и журналиста²⁸⁰. Статья Попова была выдержана в резком и полемичном стиле. Сам издатель «Москвитянина» на «Антикритику» молодого ученого уже не отвечал. Но в шестом номере появились «Замечания на Антикритику г. Попова»²⁸¹, написанную кем-то из редакции журнала. Здесь опровергались возражения Попова Погодину и показывалась правота известного профессора.

В завершении истории с диссертацией А.Н. Попова нужно отметить, что кафедры на юридическом факультете он так и не получил. В этом можно было усмотреть противодействие западников, которые превалировали на

²⁷⁸ Русская правда, в отношении к уголовному праву. Рассуждение на степень магистра, Кандидата Московского Университета, А. Попова, 1841, Москва // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 4. Отд. Критика. С. 507-513. В оглавлении журнала она названа просто «Диспут Кандидата Попова».

²⁷⁹ Там же. С. 512.

²⁸⁰ Замечания на критику Г. Погодина Русской Правды, в отношении к уголовному праву // Москвитянин. 1842. Ч. III. № 5. Отд. Критика. С. 176-182.

²⁸¹ Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. Отд. Критика. С. 374-379.

юридическом отделении университета, однако Б.Н. Чичерин в своих воспоминаниях пишет о том, что отношение профессоров-западников к молодому ученому славянофильского направления было сочувственным, а причиной провала Попова была неудачно прочитанная пробная лекция, не впечатлившая опытных лекторов²⁸².

Само столкновение между Поповым и Погодиным, случившееся на страницах «Москвитянина» в 1842 году не имеет прямого отношения ни к вопросам цензуры, ни к полемике славянофилов и западников. На первый взгляд кажется, что это вполне обыденный ученый спор опытного профессора, уязвленного низким качеством диссертации, представленной на его суд, и молодым исследователем, желавшим оправдать свои выводы, а может быть и скрыть некоторые недостатки своего труда. Однако эта неприятная ситуация демонстрирует, кроме всего прочего, настроения в рядах московских мыслителей. Академическое сообщество *Православно-русского*, как называл его Погодин, направления входит в столкновение с представителем дружественного, и, казалось бы, единомысленного течения (славянофильство). Интересно в связи с этим отметить тот факт, что среди младших славянофилов было несколько человек, стремившихся к ученой деятельности и защитивших в первой половине или середине 1840-х гг. диссертации в Московском университете. Это были А.Н. Попов, К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин. Несмотря на таланты и определенную известность в литературных и ученых кругах ни один из них не сумел построить академическую карьеру. Было ли причиной этого противодействие Погодина и Шевырева или западников – определенно сказать мы не решаемся. Но факт этот нельзя не отметить. Нападки на Попова в «Москвитянине» и его дальнейшие карьерные сложности могли быть отчасти следствием близости его к кружку московских славянофилов и, в частности, к

²⁸² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 10-11.

А.С. Хомякову, в доме которого он в то время жил и чье влияние было особенно на него действенно²⁸³.

М.П. Погодин еще раз вернется к критике Попова в 1844 году. Это уже будет эпизодическое упоминание молодого славянофила, но упоминание весьма интересное и характерное. В статье «Диспут г. Кавелина»²⁸⁴, посвященной диссертации молодого историка и ее защите, издатель «Москвитянина» снова возвращается к публицистическому (а возможно и личному) конфликту двухлетней давности. Хваля Кавелина, Погодин вспоминает и о Попове. «Защищал тезисы свои он очень хорошо, хоть и не так бойко и блистательно, как предшественник его г. Попов. Это происходило, впрочем, по причине похвальной и даже в наше время редкой: г-н Кавелин слишком внимательно вслушивался в возражения, ему деланные, и не столько хотел опровергнуть их, как воспользоваться ими. Виден был охотник до своего предмета, который ищет истины, и нисколько не огорчается, если она даже противоречит его мнению»²⁸⁵. Это как будто бы нечаянное упоминание Попова в описании диспута Кавелина является, на самом деле, очень показательным моментом, прекрасно иллюстрирующим отношения между славянофилами и издателями «Москвитянина». С одной стороны, их связывают приятельские отношения, с другой – между ними часто возникают недопонимания и конфликты. Погодин обвинял в этом славянофильскую партию. Он часто сетовал на то, что западники, несмотря на разброс мнений и не всегда простые личные отношения, сплочены вокруг «Отечественных записок» – их главного печатного органа. Тогда как представители московских консервативных кругов такого единства не имеют. Причина раскола консервативного лагеря была, по мнению Погодина, в славянофилах²⁸⁶. Однако, как можно видеть на примере конфликта Погодина с Поповым, известный московский профессор сам мог

²⁸³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 288.

²⁸⁴ Москвитянин. 1844. Ч. II. № 3. Московская летопись. С. 229-235.

²⁸⁵ Там же. С. 231-232.

²⁸⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 286.

стать причиной этого нерасположения. И если в 1842 году на страницах «Москвитянина» критике подвергалась научная составляющая диссертации А. Н. Попова, то в 1844 году личные качества Попова напрямую сравниваются с личностью Кавелина, западника и противника славянофилов. И в этом сравнении победа оказывается на стороне одного из будущих лидеров западнической партии. Естественно, что такое отношение к «младшим славянофилам» не могло способствовать сближению членов кружка с редакцией «Москвитянина». Особенно отталкивающе оно действовало на молодое поколение «славян». Их взгляд на «Москвитянина» прекрасно иллюстрируют цифры. Если старшее поколение кружка отметилось в журнале Погодина тридцатью тремя публикациями, то у И.В. и К.С. Аксаковых, А.Н. Попова и Ю.Ф. Самарина их оказалось только пятнадцать. Причем шесть из них принадлежат А.Н. Попову, который в последние годы существования «Москвитянина» примирился с М.П. Погодиным и стал время от времени публиковаться в его издании.

Как отмечает современный исследователь, «из всех славянофилов один только Хомяков сохранял с Погодиным неизменно дружеские отношения»²⁸⁷. Хомяков принимал в журнале Погодина участие довольно активное, если учесть, что в целом он писал не регулярно и не много. Братья Киреевские ничем не отметились в первые годы существования «Москвитянина», но это объясняется легко. У И.В. Киреевского продолжался период литературного молчания, который начался с момента закрытия журнала «Европеец». Он продолжал писать, но не публиковаться. Этот период закончится только в середине 1840-х гг., когда славянофилы начнут активное публицистическое противоборство с западниками и станут издавать сборники, печататься и даже редактировать «Москвитянина». Брат Ивана Васильевича, П.В. Киреевский, известный как талантливый переводчик и собиратель русских песен, также печатался крайне мало и редко, так что отсутствие его публикаций на

²⁸⁷ Котельников В.А. М.П. Погодин и славянофилы // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2(5). С. 48.

страницах нового московского журнала тоже не вызывает удивления. Хомяков, который принимал в журнале участие, тем не менее вместе с Аксаковыми и другими членами кружка критиковал издание Погодина²⁸⁸.

Интересно, что были случаи, когда славянофилы воспринимали в штыки статьи Погодина, в которых он выступал в их поддержку. Например, они негативно отнеслись к рецензии на вышедший в 1846 году «Московский сборник»²⁸⁹.

Рецензия М.П. Погодина была написана в лестных тонах. «Поздравляем публику, поздравляем литературу, – писал известный московский профессор, – с прекрасным приобретением». Помимо громких имен рецензент радуется появлению новых авторов. «В сборнике являются на сцену несколько молодых людей нового Московского поколения, под покровительством … нет, это слово для них, может быть, по господствующему духу обидно … в сообществе наших заслуженных литераторов – Языкова, Хомякова, Даля, Максимовича, Срезневского, Князя Вяземского»²⁹⁰. На месте многоточия должно было быть слово «славянофилов». В своей рецензии Погодин не обходится и без выпадов в сторону западников²⁹¹. Значительную часть статьи составляют похвальные слова в адрес статьи Хомякова «Мнение иностранцев о России»²⁹². Не обходится «Москвитянин» и без небольшой критики в адрес славянофилов. В частности, в рецензии отмечается, что в «Московском сборнике» нет связи, единства статей. И это особенно неприятно из-за того, что в «Петербургском сборнике» западников такая связь есть²⁹³. Но, как бы то ни было, несмотря даже на небольшие недочеты, сборник славянофилов «есть капитал Русской литературы, и вместе заемное письмо на будущие приобретения»²⁹⁴. Несмотря на такие благоприятные отзывы, славянофилы не были довольны

²⁸⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 58-59.

²⁸⁹ Москвитянин. 1846. Ч. III. № 5. Отд. Науки. С. 177-190.

²⁹⁰ Там же. С. 177.

²⁹¹ Там же. С. 182-183.

²⁹² Там же. С. 183-188.

²⁹³ Там же. С. 189.

²⁹⁴ Там же.

журналистской деятельностью Погодина. Интересно отметить, что Н.В. Гоголь близкий как к славянофилам, так и к М.П. Погодину оценил сборник как откровенно скучный²⁹⁵.

В 1848 году начинавшиеся налаживаться отношения между Погодиным и Аксаковыми были испорчены появившейся в пятом номере журнала рецензией М.П. Погодина на драму К.С. Аксакова «Освобождение Москвы»²⁹⁶. В ней редактор «Москвитянина» подвергает уничижительной критике произведение одного из лидеров славянофильского лагеря. Критический взгляд знаменитого историка касается отнюдь не изображения исторических событий, их достоверности или бытовых нюансов семнадцатого столетия, а литературных талантов младшего Аксакова. Погодин пишет, что в «Освобождении Москвы» «мы не видим драмы», поскольку «драма должна быть одним целым, обнимать одно происшествие»²⁹⁷, а творение Константина Сергеевича – всего лишь набор исторических зарисовок 1612 года. Эта критика стала причиной еще большего охлаждения между М.П. Погодиным и Аксаковыми. «Сергей Тимофеевич обиделся настолько, что двадцатилетняя теснейшая дружба его с Погодиным порвалась. Он специально жаловался Гоголю: «Давно затаенная злоба на Константина выбилась ключом бешеной слюны и помутила даже его рассудок»²⁹⁸.

Таким образом, мы можем отметить, что в отношениях славянофилов и Погодина важную роль играют поколенческие сложности. У М.П. Погодина не складываются отношения с младшими членами кружка, а через это портятся отношения и со старшими. Показателен отрывок из воспоминаний К.С. Аксакова, посвященный Погодину: «Бог знает, как умел Погодин при стольких своих достоинствах восстановлять против себя почти всех. Нападения на него часто были несправедливы, но недаром же так дружно на него восставали. Мне кажется, что главная причина – неумение обращаться с людьми. Я помню, что и

²⁹⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1937—1952. Т.13. С. 55.

²⁹⁶ Москвитянин. 1848. Кн. III. № 5. Отд. Критика. С. 27-29.

²⁹⁷ Там же. С. 27.

²⁹⁸ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб., 2019. С.211.

нам однажды с кафедры сказал он, что мы мальчики или что-то в этом роде, – аудитория наша не вспыхнула, не зашумела на сей раз, но слова эти оставили глубокий след негодования»²⁹⁹.

Также, по нашему мнению, сложности в отношениях между М.П. Погодиным и славянофилами объясняются разностью социальных групп. Еще в начале прошлого столетия Г.В. Плеханов утверждал, что между славянофилами и так называемыми представителями «официальной народности» (т.е. между Погодиным и близкими к нему публицистами) нет существенных идеологических различий. Эти различия есть, но они не родовые, а видовые. Причины недопонимания, сложившегося между членами кружка и погодинской редакцией, Плеханов видел в классовых отличиях. Славянофилы – дворяне, редакция «Москвитянина» – разночинцы³⁰⁰. Мы не можем до конца согласиться с высказанной Плехановым позицией. Здесь, как нам кажется, имеют место идеологически обусловленные искажения. Плеханов, будучи марксистом, пытался в любых явлениях культуры увидеть классовую «подкладку», базис, определяющий отношения между литературными группами. Теория Плеханова, как нам кажется, имеет ряд недостатков. Во-первых, идейные различия между славянофилами и «командой Погодина» есть. Не беремся сказать родовые они или видовые, но точно можно утверждать, что время от времени публицисты этих двух течений вступали в идеологические споры, пускай к разрыву или серьезным конфликтам эти споры и не приводили. Во-вторых, не все члены классической редакции «Москвитянина» были разночинцами. Например, С.П. Шевырев, сподвижник М.П. Погодина, бывший на протяжении многих лет ведущим критиком «Москвитянина», а некоторое время и его редактором, имел дворянское происхождение. Также и среди славянофилов находились исключения. Например, Ф.В. Чижов, имевший «не до конца дворянское» происхождение. Отец Чижова происходил из духовного сословия, мать была из

²⁹⁹ Аксаков К.С. Воспоминание студенства 1832-1835 годов // Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009. С.52.

³⁰⁰ Плеханов В.Г. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Петроград, 1923. С. 28-67.

обедневших дворян. Эти исключения заставляют нас усомниться в истинности выводов Плеханова.

Для понимания различий между двумя группами мыслителей, лучше, на наш взгляд, обратиться не к классовой теории, а к социологии малых групп. Если посмотреть на редакцию «Москвитянина» и славянофилов, окажется, что они имеют расхождения по ряду формальных признаков, которые использует для классификации малых групп социальная психология³⁰¹. Во-первых, славянофилы являются группой неформальной, а погодинская редакция – формальной. Хотя в среде авторов журнала не было строго выстроенной иерархии, формальный характер группы неизбежно задавал определенный тип отношений: в журнале был руководитель. «Москвитянин» – официальное издание, у которого есть редактор и хозяин. Фигура главного редактора менялась на протяжении пятнадцати лет, что существовало издание. Это были и А.Е. Студитский, и С.П. Шевырев, и А.Ф. Вельтман, и знаменитая «Молодая редакция» во главе с А.Н. Островским и Ап. Григорьевым. Хотя чаще всего роль редактора выполнял сам М.П. Погодин. Редактор журнала определял его направление, принимал или не принимал материалы в него. Мы видим здесь наличие должностных отношений. Кроме того, был владелец журнала. Он мог вмешиваться и в дела редактора в том числе. Таким образом, группа журналистов, сложившаяся вокруг М.П. Погодина и его журнала, волей неволей имела руководителя, определявшего или влиявшего на их деятельность.

Славянофилы же, как группа неформальная, имела не руководителя, а лидера. И здесь нельзя выделить какую-то одну личность, которая бы руководила деятельностью кружка. Правильнее говорить здесь не о лидере, а о лидерах, ни один из которых не был лидером авторитарного типа. Можно было бы сказать, что лидерами идейными были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков. Именно они разработали основные теоретические положения славянофильства. Лидерами публичными были А.С. Хомяков и К.С. Аксаков,

³⁰¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С.231-298.

которые проповедовали славянофильские доктрины «не словом, а делом», надевая русскую одежду, отращивая бороды и полемизируя с западниками в литературных салонах Москвы. Лидером литературным, что было так важно для XIX столетия, в начале существования кружка был тот же А.С. Хомяков, широко известный своими стихотворными произведениями, а в 1850-х – С.Т. Аксаков, выпустивший в начале десятилетия несколько автобиографических книг, которые сделали его одним из самых популярных авторов своего времени. При этом «лидирующие» члены кружка «не подавляли» остальных участников. Более того, исповедуя идеал общинности, славянофилы пытались решать вопросы своего объединения сообща.

Это формальные признаки, которые тем не менее определяли особенности взаимоотношений внутри групп. Если старшее поколение славянофилов всегда одобряло и с интересом относилось к инициативам молодых членов кружка, поддерживало их, то Погодин очень часто, сталкиваясь с тем, что противоречило его взглядам, был нетерпим и даже груб. Прекрасной иллюстрацией этой черты его характера являются описанные выше дискуссия с А.Н. Поповым 1842 г. и отзыв о пьесе К.С. Аксакова.

Помимо формальных признаков, важен еще и состав группы. Славянофилы были дворянской группой, объединенной различными родственными связями, но, как уже отмечалось, в их круг могли входить (или сближаться с ним) представители других сословий. Хотя случалось это крайне редко. Славянофилы были группой, которую можно назвать «кружком». Этот тип групп был популярен в России на всем протяжении XIX века. Отличительной особенностью данного кружка являлась «семейственность».

С другой стороны, у «погодинской редакции» тоже был свой центр притяжения. Это Московский университет. Практически все члены классической редакции «Москвитянина» были учеными, работавшими в этом учебном заведении. Да и сам журнал печатался в университетской типографии. Университет – это была погодинская среда.

И, в свою очередь, славянофилы оказались в этой среде чуждыми. Возможно, поэтому и не удалась академическая карьера у младшего поколения славянофилов (К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, А.Н. Попова), хотя они в 1840-х гг. защищали в Московском университете диссертации, а некоторые собирались остаться в нем для преподавания и дальнейшей научной деятельности. Символом и выражением сути славянофильского сообщества может служить слово «Семья». Символом погодинского круга – «Университет». Одни не могли стать членами «Семьи», другие оказались чужды академическому сообществу «Университета».

Из истории взаимоотношений редакции «Москвитянина» со славянофилами сами собой напрашиваются выводы, касающиеся характера «Великого спора». Славянофилы в 1840-х гг. были менее известны широкой публике, чем западники. Причина этого проста: у западников были собственные издания и сильная команда журналистов. Если оставить в стороне журналистские и писательские навыки, которые непросто сравнивать в силу присущего любому человеку субъективизма, и обратиться к институциональному аспекту этого идеологического конфликта (т.е. к тем средствам, при помощи которых обе партии могли популяризировать свои взгляды), то окажется, что славянофилы были в не менее выгодном положении, чем западники.

Как было показано, одной из причин такого отношения славянофилов к «Москвитянину» был непростой характер М.П. Погодина и его нежелание сходиться с младшими членами кружка. Однако мы бы не стали возлагать всю вину в этом случае на Погодина. Не имея возможности обзавестись собственным журналом, славянофилы могли использовать для полемики с западниками «Москвитянин». М.П. Погодин отказывался продавать свое издание, но активно призывал членов кружка взять на себя его редактуру или просто принимать в нем активное участие, публикуя свои статьи, стихотворения и любые другие материалы. Славянофилы чаще всего эти предложения игнорировали. Поэтому мы не можем согласиться с М.М.

Шевченко в том, что Погодин сам не сумел удержать славянофилов в своем издании³⁰². Характер у М.П. Погодина был непростой, но он раз за разом шел навстречу славянофилам, приглашая их принять участие в своем журнале. Отвергая приглашения Погодина, они лишали себя возможности популяризировать свои взгляды и отвечать западникам.

3.2. «Москвитянин» в редакторство И.В. Киреевского: славянофильский период истории издания

В 1845 году редактором «Москвитянина» становится славянофил И.В. Киреевский. Это тот важный момент в истории взаимоотношений погодинского издания с «московской партией», который позволяет отчасти считать «Москвитянин» славянофильским изданием. Участие славянофилов в первых номерах журнала за 1845 год освещено в современной науке, в первую очередь, стараниями Т.Ф. Пирожковой³⁰³. Однако Т.Ф. Пирожкова посвящает славянофильскому периоду истории «Москвитянина» только обзорную главу, не анализируя подробно содержание журнала, не рассматривая вопроса в динамике: что смогли изменить Киреевский и его соратники к лучшему, какие негативные черты издания сохранились, как соотносилось количество славянофильских и «погодинских» публикаций в обновленном «Москвитянине» и проч.

В данной главе мы будем делать акцент на том аспекте деятельности славянофилов, о которых писали мало или же совсем не писали: об изменениях, которые претерпел «Москвитянин» в короткий период редакторства Киреевского, того, что удалось исправить славянофилам в непопулярном издании и тех трудностях, которые они не смогли преодолеть.

³⁰² Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 81.

³⁰³ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 24-41. См. также Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика: 1840-1850 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10. М., 2000.

«Москвичи» неоднократно предлагали М.П. Погодину продать им свой журнал, который при малом количестве подписчиков не мог приносить известному профессору больших доходов. Однако Погодин на их предложения не соглашался. В условиях цензуры 1840-х гг., когда выпуск новых печатных изданий был законодательно запрещен, владелец журнала становился не только получателем доходов, поступавших от подписчиков, он был еще обладателем немалого символического, в терминах П. Бурдье³⁰⁴, капитала. В 1840-х гг., при росте печатной продукции, который происходил за счет отраслевой литературы (издания, ориентированные на моду, здоровье и т.д.), ученого-литературных журналов, способных серьезно влиять на общественное мнение, было немного. К середине XIX в., согласно А. Зорину³⁰⁵, литература становится одним из главных источников формирования эмоциональных матриц в обществе. Обладание таким значимым и исключительным ресурсом получения символического капитала было важно для Погодина. С другой стороны, Погодин не мог не видеть, что журнал его непопулярен и не способен принести ему ни материального достатка, ни значительного символического капитала. Чтобы решить эту проблему, известный историк пытался привлекать в качестве редакторов более сведущих во вкусах публики людей. Так, в разные годы редакторами «Москвитянина» были члены классической редакции журнала. Самый известный из них – С.П. Шевырев. Также редакторами в 1840-х гг. были И.В. Киреевский, А.Ф. Вельтман, А.Е. Студитский. В 1850-х гг. Погодин передал свой журнал группе литераторов во главе с А.А. Григорьевым, которые в позднейшей историографии стали называться «Новой редакцией «Москвитянина».

Вследствие своей тактики не продажи, но передачи Погодин отклонял предложения, поступавшие из славянофильского лагеря. Вместо этого он

³⁰⁴ Об этом см.: Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдье и «Капитал» К. Маркса // Вестник ВятГУ. 2014. № 11. С. 27-32.

³⁰⁵ Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства XIX века. 1 лекция // <https://yandex.ru/video/preview/237079753054124491> минута 9 и далее. [дата обращения 10.03.2024]

просил их взять на себя редактирование журнала. «Московская партия» выдвинула на роль редактора И.В. Киреевского.

Первое, что обращает на себя внимание в «Москвитянине» новой редакции – это наличие разделов и упорядоченная нумерация страниц. Практически все материалы были помещены в какое-то из отделений журнала. При этом внутри каждого раздела вводилась собственная нумерация страниц, которая была нехарактерна для большинства предыдущих номеров «Москвитянина». В журнале Погодина могла существовать как сквозная нумерация страниц, так и нумерация внутри каждого раздела. Это, судя по всему, было связано с тем, что постоянных разделов, которые бы имелись в каждом выпуске журнала, было не так много. Журнал обычно начинался отделением «Изящная словесность», в которой печатались стихи. Далее могла быть проза. Практически постоянным было отделение «Славянские известия». Кроме того, что не все разделы выходили постоянно, у них не было определенного места в журнале. В одном номере раздел мог быть в начале издания, в другом – находиться в конце. Определенная стабильность была с «Изящной словесностью». Этот раздел всегда был в начале номера, но и его могло время от времени предварять «Духовное красноречие» – еще одна непостоянная рубрика «Москвитянина», в которой чаще всего печатались проповеди преосвященного Иннокентия (Борисова). Все это создавало ощущение хаотичности и бессистемности работы издателя. В противовес изданию Погодина главный антагонист «Москвитянина», журнал А.И. Краевского «Отечественные записки», был четко структурирован. В нем существовали постоянно действующие разделы, внутри которых была отдельная нумерация страниц. Четкость, ясность и постоянство отличали «Отечественные записки» от журнала М.П. Погодина.

Еще одной проблемой «Москвитянина» была задержка номеров издания. Журнал Погодина часто выходил не в срок. То, что подписчики получали издания с опозданием (иногда и в несколько месяцев), было явлением распространенным. Отчасти это было вызвано объективными причинами.

Например, выход журнала мог быть задержан цензурой. Но у «Москвитянина» длительные задержки были обусловлены не только цензурными сложностями (хотя часто и ими тоже), но, в первую очередь, недостатком материала и медлительностью редакционно-издательской команды. Известна, например, эпиграмма Некрасова на издание М.П. Погодина.

Так древле тощий «Москвитянин»

По полугоду пропадал,

И вдруг, огромен, пухл и странен,

Как бомба с неба упадал.

Подписчик в радости великой

Бросался с жадностью на том

Плохих стихов и прозы дикой,

И сердце ликовало в нем.

Он говорил: «Так ты не умер?

Как долго был ты нездоров!» –

И принимал нежданный нумер

Охотно за пять нумеров³⁰⁶.

В приведенной эпиграмме обращают на себя внимание несколько характеристик, которыми награждает Некрасов погодинское издание. Во-первых, он «тощий». За этим колким выражением литературного и идеологического противника М.П. Погодина скрывается много горькой правды. «Москвитянин» действительно часто был довольно «тонким» и в объеме сильно уступал «Отечественным запискам» и «Современнику». И то, что московский журнал мог пропасть на несколько месяцев – тоже правда. Даже А.С. Стурдза – известный литератор и постоянный сотрудник «Москвитянина» – в переписке с кн. Вяземским называл журнал Погодина «запоздалым»³⁰⁷.

³⁰⁶ Некрасов Н.А. <На "Москвитянина"> // Русская эпиграмма (XVIII-XIX вв). Л., 1958 // <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st068.shtml> [дата обращения 22.09.2024]

³⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2812. Л. 3 об.

Помимо отсутствия внешней упорядоченности и задержек у «Москвитянина» был еще ряд проблем, который делал журнал непопулярным. Главная – это засилие исторических материалов. Из-за этого современники часто воспринимали его как издание историческое. Обилие научных статей, публикация новых источников, писем и многое другое делали «Москвитянина» интересным с научной точки зрения, но подписчиков он от этого терял. Массовому читателю были интересны совсем другие вещи. С «историчностью» журнала Киреевский справиться не смог. Погодин настаивал на том, чтобы в обновленном «Москвитянине» по-прежнему принимали участие его старые сотрудники. Да и сам Михаил Петрович не собирался оставлять «Москвитянина» без своих статей. Таким образом, в журнале остался большой отдел, посвященный истории России.

Выход «Москвитянина» в славянофильской редакции многими ожидался. Их соратники постарались поддержать журналистский проект «московской партии». Это становится видно из первых же разделов обновленного «Москвитянина».

Первый номер журнала за 1845 год открывали разделы «Духовное красноречие»³⁰⁸ и «Изящная словесность». В ней как обычно были представлены стихи близких к «Москвитянину» авторов, среди которых широкой известностью и популярностью пользовался Н.М. Языков. Обращает на себя внимание длинное стихотворение В.А. Жуковского «Две повести»³⁰⁹. Вообще, произведения Жуковского в «Москвитянине» до этого печатались, но очень редко. Это типичное для автора поэтическое сочинение с романтическим сюжетом. «Две повести» – это стихотворное переложение двух

³⁰⁸ Краткий и почти традиционный раздел журнала. Как правило, содержал одну церковную проповедь небольшого объема. Иногда отдел мог отсутствовать или находиться в конце издания. Чаще всего в «Духовном красноречии» печатались материалы Иннокентия (Борисова). В первом номере 1845 г. была представлена проповедь митр. Филарета (Дроздова). Это, однако, нельзя считать какой-то особой новацией Киреевского, т. к. Погодин находился в хороших отношениях с известным богословом и собирался даже в это время издать его проповеди отдельной книгой, чего осуществить ему, не удалось.

³⁰⁹ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Изящная словесность. С. 12-24.

ближневосточных историй немецких авторов Шамисса и Рюккера³¹⁰. Но интересно не их содержание, а заголовок, предисловие и послесловие к стихам. «Две повести имели подзаголовок»: «*Подарок на Новый год Москвитянину*»³¹¹. Этот подарок Жуковский сделал по настоянию Гоголя. Сам автор «Мертвых душ» писал об этом в письме к С.П. Шевыреву: «Жуковский мною заставлен сделать для *Москвитянина* великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже четыре дни, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дня после моего письма *Москвитянин* получит капитальную вещь и славный подарок на новый год»³¹². Редакция журнала снабдила публикацию Жуковского пометкой: «Эти стихи В.А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении «Москвитянина»³¹³. Этим литератором был родственник Жуковского И.В. Киреевский.

Перед началом своего повествования Жуковский в стихах обращается к издателю «Москвитянина».

Дошли ко мне на берег Майна слухи,
Что ты, ... – Москвич, замыслил
Быть Москвитянином. В час добрый; взяться
Давным-давно пора тебе за дело.
Меня ж взяла охота подарить
Тебя и твой журнал на Новый год
Своим добром, чтоб старости своей
По-старому хотя на миг один
Дать с молодостью вашей разгуляться.

³¹⁰ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М., 1999. Т. 4. С. 511-512.

³¹¹ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Изящная словесность. С. 12.

³¹² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М., 1999. Т. 4. С. 510.

³¹³ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Изящная словесность. С. 12.

В большинстве последующих изданий на месте многоточия во второй строке стоит «Киреевский». В послесловии к «Двум повестям» Жуковский снабжает своего молодого родственника еще и практическими советами.

...будь в своем журнале

Друг твердый, а не злой наездник правды;
С журналами другими не воюй;
Ни с *Библиотекой для чтенья*, ни
С *Записками*, ни с *Северной Пчелою*,
Ни с *Русским вестником*. Живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселеною читателей не мысли³¹⁴.

Жуковский в своем стихотворении не называет Киреевского по имени, а вместо племянника обращается к безличному «Москвитянину». Причиной этого является то, что в свое время журнал Киреевского «Европеец» был запрещен цензурой и теперь Иван Васильевич должен был сначала получить разрешение на возобновление своей редакторской деятельности.

В связи с этим И.В. Киреевский не мог открыто объявить о переходе «Москвитянина» под его редакторство. Поэтому официальным редактором «Москвитянина» в 1845 году продолжал считаться Погодин. Конечно, слухи о том, что журнал перешел в руки славянофилов и его теперь возглавляет И.В. Киреевский, распространились в литературных кругах задолго до появления первого номера за 1845 год. Однако объявить об этом широкой публике возможности не было.

Также в разделе «Изящная словесность» появилось стихотворение К.С. Аксакова «Стансы» за подписью А.

Интересен отрывок из письма В.А. Жуковского А.П. Елагиной, который Киреевский поместил сразу после раздела «Изящная словесность». В этом

³¹⁴ Там же. С. 24.

письме Жуковский пишет о работе над «Двумя повестями» и готовящемся им переводе «Одиссеи» Гомера. Эта статья, не помещенная ни в какой раздел, представляется логическим продолжением и дополнением отделения «Изыщная словесность».

Следующим разделом в журнале Киреевского была «Иностранныя словесность». Он состоял лишь из одной публикации. Это был перевод автобиографии близкого к Шеллингу литератора и философа Г. Стефенса³¹⁵. Называвшаяся в оригинале «Что я пережил» (Was ich erlebte), автобиография в «Москвитянине» получила название «Жизнь Стефенса». Это были отрывки из объемного труда немецкого философа, которые были переведены матерью Киреевского А.П. Елагиной и снабжены его предисловием³¹⁶. Интересно, что в предисловии дается высокая, даже идиллическая оценка университетскому духу Германии, его студенчеству и знаменитым философам и профессорам³¹⁷. Подчеркиваем этот факт в связи с тем, что он, с одной стороны, плохо сочетался с убеждениями крайних, непримиримых славянофилов, таких как К.С. Аксаков. С другой стороны, не отвечал ожиданием тех, кто ждал от обновленного «Москвитянина» четкого выражения взглядов славянофильской партии, в том числе и их скепсиса по отношению к Западу.

В двух следующих разделах («Науки» и «Материалы для русской истории») были напечатаны типичные для «Москвитянина» статьи (в том числе и статья Погодина) и источники по отечественной истории. Т.е. те материалы, которые создали журналу репутацию сухого научного издания. Но теперь им было выделено намного меньше места, чем при редакторстве Погодина. Суммарно эти разделы занимали пятьдесят страниц.

В разделе «Критика» была представлена большая статья И.В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности»³¹⁸. В ней новый редактор «Москвитянина» ставит себе задачу «представить современное

³¹⁵ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Иностранныя словесность. С. 1-52.

³¹⁶ В публикации «Москвитянина» имя переводчика указано не было.

³¹⁷ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Иностранныя словесность. С. 4.

³¹⁸ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Критика. С. 1-28.

состояние литературы в Европе»³¹⁹. Причем не только литературы художественной, но и философской, исторической, научной и т.д. Киреевский констатирует, что, несмотря на рост количества беллетристики, она начинает играть все меньшую роль в жизни людей, ведь «магическое сочувствие между автором и читателями прервано»³²⁰. «Мы читаем много, – говорит Киреевский, – ...но все мимоходом, без участия, как чиновник прочитывает входящие и исходящие бумаги»³²¹. Это, согласно автору, связано с распространением феномена «журнализма». Под ним он понимает не распространение печатной продукции и рост ее роли в жизни общества, а подчинение всех умственных и душевных сил интересам общественным и сиюминутным, перенос центра тяжести интеллектуальной и духовной деятельности с вопросов вечных на текущие события обыденной жизни³²².

С наукой и философией дело обстоит на Западе лучше, чем с литературой. Философские течения с одной стороны возбуждают участие и интерес, хотя с другой – положительное содержание философских систем не вызывает сочувствия. Причиной такой двойственности является то, что Европа прошла длинный, тысячелетний этап своего развития, старые убеждения отжили свое, а новые основания для фундамента европейской мысли еще не народились³²³. После описания этой двойственности и внутреннего раздрайа западноевропейской духовной жизни, Киреевский переходит к описанию того направления умов, которое сложилось в каждой из великих культур Старого света: Германии, Франции, Англии. В небольшом послесловии к этому описанию Киреевский пишет о том, что для современного состояния Западного мира будет важным обращение к миру «Православно-Словенскому»³²⁴.

Интересно отметить схожесть статьи Киреевского с опубликованной в первом номере «Москвитянина» за 1841 год работой С.П. Шевырева «Взгляд

³¹⁹ Там же. С. 1.

³²⁰ Там же. С. 2.

³²¹ Там же.

³²² Там же. С. 2-3.

³²³ Там же. С. 6.

³²⁴ Там же. С. 28.

русского на современное просвещение Европы». Статьи двух философов-шельлингианцев похожи и по структуре, и по набору поднимаемых тем, и по выводам, к которым приходят авторы. Во вступительной части обеих статей речь идет о том, что европейская словесность имела славное прошлое, но во второй четверти девятнадцатого столетия состояние умов на Западе изменилось, и настоящее литературной Европы можно оценивать только критически. Далее идет обзор европейских культур, их интеллектуальной и духовной жизни. Завершается все утверждением, что будущее искусства и философии за Россией (или за Православно-Словенской культурой, как у Киреевского).

Возникает ощущение, что Киреевский ориентировался на статью Шевырева. «Взгляд русского на современное просвещение Европы» стал одним из программных текстов первого номера «Москвитянина». Возможно, для Киреевского создание такого же текста, с той же структурой, на ту же тему было символическим актом. Это должно было показать, что начался новый этап в жизни «Москвитянина», и теперь его редакция будет по-другому освещать события как Европы, так и России.

Раздел «Славянские известия» был представлен еще одной славянофильской работой – «Отрывками из путевых заметок о Черногории» А.Н. Попова³²⁵.

Кроме того, новшеством славянофильской редакции стало создание рубрики «Сельское хозяйство». Предисловие к этому разделу, которое было написано И.В. Киреевским, во многом является выражением мнения славянофилов по вопросам сельского благоустройства. Как известно, для членов «московской партии» эти вопросы были необыкновенно важны. Темы крепостного права, улучшение крестьянского быта и т.д. являлись самыми животрепещущими вопросами середины позапрошлого столетия. Для славянофилов же они были важны вдвойне, т.к. крестьянский мир, сельская

³²⁵ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Славянские известия. С. 1-16.

община были для них выражением русского духа, хранителями исконной для славянских этносов соборности.

В короткой, занимающей менее четырех страниц статье³²⁶, редакция журнала сообщала о причинах появления сельскохозяйственной рубрики в «Москвитянине». Основных причин было две: 1) распространение иностранных систем землепользования; 2) важность данного вопроса в текущий момент времени.

Иностранный опыт, как считает Киреевский, который в целом может быть полезен, зачастую принимается в России без всякого критического рассмотрения. От этого происходит двойной вред. Во-первых, вводятся системы землевладения, выросшие на «чужой почве», а значит априори не способные принести плода в совершенно иных климатических и культурных условиях. Во-вторых, в угоду модным западным сельскохозяйственным новинкам отменяются местные, отечественные практики землепользования и организация труда. Это особенно волновало славянофилов, для философии которых исторически сложившиеся формы взаимодействия русских поселян имели огромное значение. Нужно отметить, что примерно эти же мысли высказывал в своей статье «О сельских условиях» А.С. Хомяков.

В разделе «Сельское хозяйство» была осуществлена публикация ряда статей молодого профессора Московского университета Я.А. Линовского. В первом номере была опубликована его работа «О средствах к распространению улучшенного хозяйства»³²⁷. В начале статьи Линовский говорит о важности темы своих исследований. Чтобы показать актуальность своей работы, он ссылается на западноевропейский опыт, где в его время в отличие от предыдущей эпохи, повсеместно распространилось понимание необходимости изучения сельского хозяйства. Тем более, по мнению автора, изучение хозяйственных вопросов важно для России. Ведь здесь помещик не только

³²⁶ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Сельское хозяйство. С. 1-4.

³²⁷ Там же. С. 5-36.

промышленник, как на Западе, но и «отец обширной семьи»³²⁸. Это соображение тоже можно отчасти считать славянофильским. Однако в своем культурологическом предисловии к непосредственному исследованию сельскохозяйственных вопросов Линковский эту мысль не развивает. Основную часть статьи составляет исследование состояния сельского хозяйства в странах Западной Европы.

Раздел «Библиография» начинался в первом номере за 1845 год с вводной статьи И.В. Киреевского³²⁹. В ней он дает беглый взгляд на состояние русской литературы. Чем-то это небольшая зарисовка похожа на обзоры литературы за прошедший год, которые делали некоторые критики и которыми так славен был противник славянофилов и «Москвитянина» В.Г. Белинский. Но никакого сравнения с обзорами Белинского краткий очерк Киреевского не выдерживает. Редактор «Москвитянина», видимо, не имел времени или сил и вместо обилия имен и произведений, которыми наполнял свои длинные обзоры Белинский, Иван Васильевич поместил несколько замечаний общего характера. Современное состояние словесности Киреевского не радовало (что сближало его с западниками). Много надежд возлагалось на Гоголя. В этом Киреевский сходился и со своими соратниками (Аксаковыми, Хомяковым), и с недругами (Белинским).

Краткость вводной статьи раздела редакция решила восполнить отзывами на некоторые книги, вышедшие в 1844 году. Одним из их авторов был и сам И.В. Киреевский³³⁰. Отзывов было всего несколько. Никакой полноты картины состояния дел на книжном рынке или в художественной литературе они дать не могли.

Славянофилы возлагали на «Москвитянина» большие надежды. Также и их оппоненты из западнического лагеря надеялись на перенесение их салонной полемики на страницы периодической печати. Однако, несмотря на настрой

³²⁸ Там же. С. 7.

³²⁹ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Библиография. С. 1-5.

³³⁰ Полный их список дан в приложении № 1.

Киреевского и всей славянофильской партии, обновленный «Москвитянин» не оправдал ожиданий, которые на него возлагали. Этому было несколько причин. Во-первых, действия М.П. Погодина, который продолжал вторгаться в редакционную политику журнала. В связи с этим, как мы видели, «Москвитянин» сохранил довольно большой исторический раздел, причем его направление (характер печатаемых материалов, публикуемые источники) осталось «чисто погодинским». Кроме того, раздел «Московская летопись» был наполнен материалами, посвященным публичным лекциям другого лидера «старого» «Москвитянина» С.П. Шевырева. Здесь печатались многочисленные отзывы на читанные им открытые лекции, приводились отрывки из его выступлений. Автором одного из отзывов выступил и новый редактор журнала³³¹. Киреевский хвалил московского профессора, его умение подавать материал и то, что он открыл для широкой публики забытую древнерусскую литературу. Нужно отметить, что Киреевский, став редактором «Москвитянина», который вместе со своими единомышленниками пытался обновить и реформировать, не откращивался от С.П. Шевырева, бывшего главным критиком журнала до него. Например, в другой своей статье, рецензии на перевод «Фауста», помещенной в том же первом номере «Москвитянина» за 1845 год, Иван Васильевич лестно отзывает об известном московском профессоре и его глубоком понимании творчества Гете³³².

Свой курс лекций Шевырев задумал как ответ Т.Н. Грановскому, чьи публичные выступления в стенах Московского университета имели годом ранее огромный успех. Однако, несмотря на восторженные отзывы, печатаемые в «Москвитянине», чтения Шевырева не имели такого признания, которого добился Грановский. Таким образом, старая редакторская и авторская команда сохраняла свое влияние на облик нового «Москвитянина». На это же указывали «москвичам» и их противники³³³.

³³¹ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Московская летопись. С. 1-6.

³³² Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Библиография. С. 14.

³³³ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 28.

Но на противодействие Погодина все недостатки обновленного журнала списывать нельзя. Общественность (как консервативная, так и западническая) ожидала от «Москвитянина» изложения славянофильской программы. Однако в первом номере, хотя авторы «московского направления» и близкие к ним люди активно участвовали в написании текстов для него, никакой специфически славянофильской повестки представлено не было. Стихи К.С. Аксакова носили характер лирический, а не идеологический. Заметки А.Н. Попова рисовали жизнь южных славян. Они прекрасно укладывались в концепцию старого, «погодинского» «Москвитянина», почти в каждом номере которого было что-то о славянах западных или южных. Программная статья Киреевского о западной словесности не содержала практически никаких специфически славянофильских идей. Кроме того, она вообще не была закончена. Продолжение ее последовало в следующих номерах журнала. Таким образом, славянофильские воззрения не были выражены в первой книжке, как тогда называли номер журнала, «Москвитянина» за 1845.

Кроме того, Киреевский не смог решить главной проблемы «Москвитянина», за счет которой «Отечественные записки» и другие петербургские журналы были более популярны, чем погодинское издание. Эта проблема – отсутствие в «Москвитянине» качественной беллетристики. В 1840-х гг. магистральной линией развития национальной литературы становится проза. В борьбе за читателя выигрывали те журналы, которые публиковали популярных писателей или открывали читателям новых. Эту проблему Погодину отчасти удавалось решать в 1841-1842 гг. Тогда в «Москвитянине» появилось несколько публикаций Гоголя, печатался Соллогуб и некоторые другие известные авторы. С 1843 года «Москвитянин» превращается в исключительно «исторический» журнал и интересных повестей и романов в нем практически не появляется. Еще одним разделом журналов, который вызывал читательский интерес, была зарубежная литература. Эта рубрика интересовала публику и одновременно обходилась журналу очень дешево. Законодательство, защищающее авторские права, на тот момент не было

хорошо разработано. Поэтому издатель ничего не должен был платить популярным французским или английским романистам. Тратиться приходилось только на переводчика. Но и здесь «Москвитянин» не смог составить конкуренции петербургским журналам.

Киреевский не сумел исправить ситуацию с беллетристикой в «Москвитянине». И не видно, искал ли он к этому какие-нибудь пути. Появившаяся в разделе «Иностранный словесность» «Жизнь Стефенса», близкого к Шеллингу философа, не могла вызвать особого интереса у рядового читателя. Две небольшие повести, замыкающие раздел «Изящная словесность», тоже вряд ли были способны привлечь читателя. Без качественной прозы в середине девятнадцатого века журнал не мог быть успешен. Киреевский эту задачу не решил. В первом номере «Москвитянина» за 1845 год появились стихи известных поэтов (М.Н. Языкова, В.А. Жуковского), но это в середине сороковых большого интереса публики вызвать уже не могло.

Во втором номере «Москвитянина» славянофильская составляющая журнала (как и количество авторов, относящихся к этому направлению мысли) увеличилась. В разделе «Изящная словесность» появилась статья А.С. Хомякова «Письмо в Петербург»³³⁴. «Письмо» это посвящено вопросу о строительстве железной дороги из Петербурга в Москву, происходившему в то время. Само название работы лидера славянской партии содержало полемическую составляющую. Петербург ассоциировался с западниками (славянофилы иногда называли их просто «петербуржцами»), письмо к такому адресату, напечатанное в только что перешедшем в руки «москвичей» журнале, должно было быть вызовом. Однако с полемической точки зрения статья получилась слабой, несмотря даже на традиционно прекрасный слог Хомякова и его тонкий юмор. В начале «Письма» было несколько выпадов в адрес «петербуржцев». А со второй страницы последовали рассуждения о механике и ее развитии, занявшие около трети статьи; рассуждения, которые показывали энциклопедизм автора, но совершенно не сочетавшиеся с направлением статьи.

³³⁴ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 2. Отд. Изящная словесность. С. 71-86.

Возвращаясь к поднятому в начале статьи вопросу («нужна или нет железная дорога?»), Хомяков начинает развивать уже чисто славянофильские концепты. Сначала он говорит о разных исторических путях, пройденных Россией и Европой, а значит и о разных культурных особенностях. «Иные начала Западной Европы, иные наши. Там всё возникло на Римской почве, затопленной нашествием Германских дружин; там всё возникло из завоевания и из вековой борьбы, незаметной, но беспрестанной между победителем и побеждённым. Беспрестанная война беспрестанно усыплялась временными договорами, и из этого вечного колебания возникла жизнь вполне условная, жизнь контракта или договора, подчиненная законам логического и, так сказать, вещественного расчёта... Иное дело Россия; в ней не было ни борьбы, ни завоевания, ни вечной войны, ни вечных договоров; она не есть создание условия, но произведение органического живого развития; она, не построена, а выросла»³³⁵.

Далее Хомяков переходит к литературе, утверждая, что в течение полутораста лет Россия питалась западноевропейскими культурными соками³³⁶. Но в творчестве современных славянофилам авторов, таких как Державин, Языков, Крылов, Пушкин и Лермонтов, русский характер и культура проступают из-под форм типично западной литературы. Это только элементы русской самобытной литературы, а еще не она сама. Появление истинно русского самобытного художника еще впереди. Это дело будущего³³⁷. То же касается и музыки, и живописи.

В том же разделе «Изящная словесность» появляется стихотворение К.С. Аксакова «Москве»³³⁸. В нем восхваляется роль древней столицы России для истории страны. Москва стала не только центром Руси, но и дала ей свое имя.

И всю Россию называют

³³⁵ Там же. С. 77.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же. С. 79.

³³⁸ Москвитянин. Ч. I. № 2. Отд. Изящная словесность. С. 108.

Великим именем твоим³³⁹.

Стоит отметить, что стихотворение это не несет какой-то специфической славянофильской нагрузки. Конечно, тема «Москвы» является одной из важнейших в философско-историческом концепте славянофилов. Но вместе с тем, воспевание древней столицы было характерно и для других авторов погодинского журнала. Особенно в первых его выпусках.

Также во втором номере «Москвитянина» за 1845 год появилось продолжение статьи И.В. Киреевского «О современном состоянии словесности»³⁴⁰. Во второй части своего большого обзора Киреевский рассматривает особенности русской литературы в сравнении с западноевропейской. В начале он отмечает факт того, что современный ему русский человек восприимчив к западной литературе и подчас воспринимает творения французских авторов глубже, чем на это способны англичане или немцы, а произведения немецкой словесности острее, чем на то способны другие европейцы. Но это «всепонимание» русского человека не есть однозначно положительная его черта. Это скорее дефект, вызванный разрывом между корнями (народной культурой, из которой возникает литература) и ветвями (представителями образованных слоев). «Нет сомнения, что между литературною образованностью нашею и коренными стихиями нашей умственной жизни... существует явное разногласие... И в самом деле. Отчего не понять нам, отчего не оценить с участием самых противоположных явлений? – Если мы оторвемся от народных убеждений... мы свободно можем разделить все мнения, усвоить все системы»³⁴¹. Но, с другой стороны, эта оторванная от корней образованность является блеклой и не может воздействовать на европейцев или пробуждать их живой интерес, поскольку дерево, лишенное связи с корнями, засыхает; в нем нет жизни. Хотя, согласно Киреевскому, «некоторые думают, что полнейшее усвоение иностранной образованности

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Москвитянин. Ч. I. № 2. Отд. Критика. С. 56-78.

³⁴¹ Там же. С. 64-65.

может со временем пересоздать всего Русского человека»³⁴², он отвергает это мнение как необоснованное. Невозможно дерево привить к постороннему корню. Примером (или скорее – антипримером) такой прививки служит литература и культура США. Пересадка европейских форм жизни в чуждую среду не дала, по мнению одного из лидеров славянофилов, никаких положительных результатов. А современная Киреевскому американская литература рассматривалась им как «огромная фабрика бездарных стихов»³⁴³.

Опровергнув первую ложную теорию об отношении отечественной словесности к европейской, автор переходит к рассмотрению другого, как он отмечает, менее распространенного взгляда – мнения о том, что старые формы русской культуры со временем изгладятся из «нашей умственной жизни развитием нашей особенной образованности»³⁴⁴. Киреевский отвергает и этот взгляд. Он пишет, что существует два типа образованности: образованность духа и образованность ума, внутренняя и внешняя³⁴⁵. С ними соотносятся образованность славянская, основанная на православии, и европейская, являющаяся выражением внешних форм. Итак, отвергая два крайних, взаимоисключающих воззрения на соотношение европейского и русского просвещения, Киреевский настаивает на необходимости их синергии, содействовании и взаимодополнении. Существующие отдельно, они не способны принести плода³⁴⁶. Таким образом, Киреевский завершает статью шеллигианским синтезом, не отрицая ни одной из противоположностей, но примиряя и объединяя их.

Еще одной работой славянофилов, опубликованной во втором номере «Москвитянина», была статья А.Н. Попова. Эта статья вполне соответствовала славяноведческой повестке «Москвитянина», которой журнал был верен с самого момента своего основания, и не отражала каких-то специфических

³⁴² Там же. С. 66.

³⁴³ Там же. С. 67.

³⁴⁴ Там же. С. 69.

³⁴⁵ Там же. С. 74.

³⁴⁶ Там же. С. 77-78.

славянофильских идей. Попов описывает свое путешествие по Балканам, встречу с черногорским духовенством, делится впечатлениями и размышлениями.

В разделе «Библиография» второго номера за 1845 г. находится несколько статей за подписью К. За этой короткой аббревиатурой скрывался сам редактор «Москвитянина» И.В. Киреевский. Первая статья – отзыв на работу «Опыт науки философии» Ф. Надеждина³⁴⁷. В ней опять мы не находим ничего специфически славянофильского. Как и практически ничего относящегося к книге Надеждина. Вся небольшая зарисовка Киреевского – критика философии Гегеля и ее принятие современной автору молодежью; принятия слепого, без четкого понимания и соответствующей философской рефлексии. В этой критике распространившегося повсеместно гегельянства опять виден шеллингианский настрой Киреевского. Другой очерк «Библиографии», принадлежащий Киреевскому – отзыв на повесть Ф. Глинки «Лука да Марья»³⁴⁸. И опять же, как и в предшествующей рецензии выход книги Глинки становится для Киреевского информационным поводом: он не занимается разбором книги, а наградив ее автора несколькими лестными эпитетами, развивает собственные мысли. Книга написана для народа, в ней используется сюжет из народной жизни, и редактор «Москвитянина» развивает мысли о низах русского общества и простонародном языке. Киреевский, говоря о народной литературе, отмечает мудрость русских людей, которые в своих сказках поднимают и постигают сложнейшие философские вопросы³⁴⁹. В первую очередь – вопросы религиозные. Так было в Средние века. Но в Новое время все изменилось. Если раньше русский народ был монолитен, един, образованные сословия жили одними устремлениями с простым народом, то теперь все изменилось. В древности образованной частью общества было монашество. Оно укрепляло и развивало духовные понятия, живущие в

³⁴⁷ Москвитянин. 1845. Ч. I. №2. Отд. Библиография. С.33-36.

³⁴⁸ Там же. С.36-43.

³⁴⁹ Там же. С.37.

простом народе. После Петра социальный состав интеллигенции и ее интеллектуальные устремления изменились. Теперь верхи обратились на Запад и стали чужды народу. А западное просвещение осталось чуждо народу. Этот фундаментальный разрыв подорвал основы жизни общества как целого. В этих рассуждениях Киреевского видна одна из ключевых мыслей славянофилов, которую они многократно транслировали и до отзыва Ивана Васильевича на повесть Глинки, и после. А именно – идея о коренном разрыве в российском обществе, наступившем после реформ Петра; разрыве между простым народом, выступающим в качестве носителя исконных духовных начал и вестернизированными верхами, потерявшими связь с культурой своих предков.

Вообще, отзывы Киреевского, в которых он практически не пишет о рецензируемых книгах, рождают ощущение, что сам он эти книги не читал. Или почти не читал. Это вполне возможно учитывая невероятную загруженность редактора «Москвитянина».

Здесь также стоит отметить, что в этом же разделе появилась статья «Разговор» Ив. Тургенева, которая являлась рецензией на стихотворное произведение будущего классика русской литературы, помещенное в сборнике «Физиология Петербурга»³⁵⁰. Автор статьи критически относится к поэтическому таланту Тургенева, обвиняя его в подражании Лермонтову. Однако самым интересным здесь является не критичность отзыва (вполне естественно, что в славянофильском журнале произведение западника получает низкую оценку), а вопрос об его авторе. Опираясь на отзыв Белинского, в XX веке исследователи стали приписывать эту статью К.С. Аксакову, как и отзыв о самом сборнике «Физиология Петербурга», напечатанном в №5-6 «Москвитянина» за 1845 год.

Само свидетельство Белинского не представляется однозначным. Приведем его полностью. «Слог остроумной статьи о «Физиологии Петербурга» напоминает своею несвязностью, сухостью и бесталанностью статью того же журнала о поэме г. Тургенева «Разговор»... а слог статьи о

³⁵⁰ Там же. С.49-53.

«Разговоре» напоминает собою слог брошюрки о «Мертвых душах»³⁵¹. Таким образом, это даже не свидетельство, а предположение. В примечаниях к классическому изданию сочинений Белинского 1953-59 гг. сказано, что указанием на то, что статья принадлежит Аксакову, служит то, что она подписана литерой «А»³⁵². Такая подпись действительно может служить косвенным свидетельства в пользу авторства Константина Сергеевича, поскольку он иногда подписывал так свои работы. Но в «Москвитянине» данная статья на самом деле никак не подписана. А после нее в угловых скобках стоит слово «сообщено». Кроме того, вопросы вызывает и статья о «Физиологии Петербурга». Она была напечатана в №5-6 «Москвитянина»³⁵³. То есть уже после того, как И.В. Киреевский отказался от редакторства журнала. Учитывая непростые отношения М.П. Погодина и К.С. Аксакова, сложно представить, чтобы Константин Сергеевич отдал в «Москвитянин» хоть какую-нибудь статью. В дальнейшем Аксаков не пользовался страницами погодинского издания даже в полемических целях, когда «Москвитянин» печатал негативные отзывы о его произведениях. Аксаков в этом случае просто не отвечал. Также является показательным, что не только К.С., но и его младший брат никаких материалов после ухода из «Москвитянина» Киреевского в журнал не давал. Хотя журнал после этого существовал еще больше десяти лет и все это время продолжал оставаться единственным литературным изданием Москвы.

Несмотря на указанные нестыковки и на то, что означенные работы не появлялись в собрании сочинений Аксакова, издаваемых во второй половине XIX в., они нашли свое место в сборниках его работ, выходивших как в советское время, так и после 1991 года³⁵⁴.

³⁵¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М., 1953-1959. Т.9. С.281.

³⁵² Там же. С.742.

³⁵³ Москвитянин. 1845. Ч.III. №5-6. Отд. Второе. С.91-96.

³⁵⁴ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1982; Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.

Мы не говорим однозначно, что авторство этих статей не принадлежит Аксакову. Свидетельство Белинского является, на наш взгляд, весомым аргументом. Но мы считаем, что перед тем, как окончательно решить вопрос об авторстве данных статей, нужно провести большую исследовательскую работу.

В разделе «Смесь» второго номера появилась также статья А.С. Хомякова «Спорт (Охота)»³⁵⁵. Начинает ее Хомяков с рассмотрения национальных особенностей английской охоты, переводит статьи из британских журналов, дает свои комментарии, сравнивает качества собак, часто снабжая свои сравнения историческими экскурсами о происхождении той или иной породы. Изредка в его статье появляются славянофильские моменты. В основном – в присущем автору шутливом тоне. Хомяков иронизирует по поводу страсти современных русских людей подражать иностранцам, шутит над немецкой пунктуальностью и расчетливостью и т.д. Опять-таки, основ славянофильского учения, взглядов «московской» партии в своей статье лидер славянофильского кружка не излагает.

В третьем номере «Москвитянина» печаталось продолжение «Жизни Стефенса», переведенное матерью И.В. Киреевского А.П. Елагиной. Кроме того, редактор журнала сумел задействовать в журнале своего брата П.В. Киреевского. В разделе «Науки» появилась большая статья Петра Васильевича «О древней русской истории (письмо к М.П. Погодину)»³⁵⁶. Эта статья была ответом на работу Погодина, появившуюся в первом номере «Москвитянина» за 1845 год, «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала»³⁵⁷.

Сразу после критики Киреевского в «Москвитянине» располагалась антикритика М.П. Погодина³⁵⁸.

Интересно, что ответ Погодина на статью П.В. Киреевского вышел в том же номере, что и сама статья. Это показывает, что Погодин, несмотря на

³⁵⁵ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 2. Отд. Смесь. С. 24-33.

³⁵⁶ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Науки. С. 11-46.

³⁵⁷ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 1. Отд. Науки. С. 1-18.

³⁵⁸ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Науки. С. 47-58.

передачу журнала славянофилам, продолжал принимать в нем живое участие, знал, какие статьи печатаются в «Москвитянине», знал их содержание. А судя по пространному ответу Киреевскому, постоянно имел перед глазами и текст его работы.

В отделе «Науки» располагалась еще одна статья философа-славянофила, не относящаяся к изложению основ славянофильства. Эта была работа А.Н. Попова. Он поместил в «Москвитянине» научную статью «О философских началах государственного права»³⁵⁹. В ней молодой ученый дает типологию философско-правовых учений, кратко рассматривает основные из них. Эта работа, конечно, заполнила лакуны извечно недостающих «Москвитянину» печатных материалов, но вряд ли помогла достигнуть двух основных целей, которые стояли перед новым руководством журнала: она не служила к раскрытию славянофильского учения и вряд ли могла привлечь новых читателей. Ничего специфически «московского» в ней не было, если не считать небольшой пассаж, приведенный в сноске к основному тексту. Там Попов пишет, что Церковь Латинская и протестантские течения не могут разрешить вопрос об отношении Церкви к Государству. В отличие от них в Православии четко очерчены контуры их взаимоотношений. «Власть духовная не соединяется со светскою, Церковь предполагает отдельное существование государства»³⁶⁰. Но вряд ли это маленькое отступление от основной темы можно считать глубоким раскрытием философских идей кружка. Читателей же эта статья не могла привлечь в силу своего сухого и тяжелого научного языка. Даже несмотря на то, что философия права в первой половине девятнадцатого века была одной из магистральных линий развития европейской мысли, на большой интерес со стороны читателей труд Попова не мог рассчитывать.

В разделе «Критика» появилась третья часть большой статьи И.В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности»³⁶¹. Призванная

³⁵⁹ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Науки. С. 59-73.

³⁶⁰ Там же. С. 64.

³⁶¹ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Критика. С. 18-30.

стать литературным (что по тем временам означало и общественным) манифестом славянофилов, работа главного редактора «Москвитянина», печатавшаяся последовательно в трех номерах журнала, до сей поры никаких специфических идей «московской партии» не несла.

Киреевский в третьей части своего труда переходит к разбору российских журналов. Причем нужно отдать ему должное, автор выделяет в рецензируемых им изданиях и положительные стороны своих конкурентов. Начинает Киреевский с «Библиотеки для чтения» – одного из самых популярных изданий николаевской эпохи. Иван Васильевич отмечает отсутствие последовательности и того, что с легкой руки Белинского стало называться «направлением» журнала. «БдЧ» может сегодня одно хвалить, а завтра порицать. Плюсы ее – талант редактора, его энциклопедизм, раздел «Библиография», в котором дается живой разбор различных произведений³⁶².

Этому журналу Киреевский противопоставляет «Маяк» и «Отечественные записки», как журналы как раз таки с «направлением», т.е. издания идеологизированные. Одно («Отечественные записки») – прозападное, другое («Маяк») – антизападническое. И то, и другое издания односторонни и выражают крайние позиции идеологического спектра. Но сама полемика их представляется Киреевскому плодотворным явлением для русской журналистики³⁶³.

Влиятельную и популярную «Северную пчелу» Ф.В. Булгарина и Н.И. Гречи Киреевский практически обходит стороной, подчеркивая, что это более политическое, нежели литературное издание³⁶⁴. Им отмечается только то, что «Пчела» во многих своих суждениях не всегда справедлива³⁶⁵. Далее

³⁶² Там же. С. 18-20.

³⁶³ Там же. С. 20-25.

³⁶⁴ Там же. С. 25.

³⁶⁵ Там же.

Киреевский кратко рассматривает менее значительные издания; «Литературную газету», «Современник»³⁶⁶, «Финский вестник».

В очередной раз приходится подчеркивать одну и ту же особенность статей славянофилов на страницах «Москвитянина» – в них практически отсутствует славянофильство. Киреевский немного приоткрывает завесу тайны, покрывшую учение «москвичей», лишь на последней странице своего «Обзора». Отмечая, что в отечественной литературе наблюдается застой, редактор «Москвитянина» предсказывает его скорый конец: на смену подражательной словесности должна прийти литература новая, основанная на Славяно-Христианских началах³⁶⁷. Но когда это произойдет и в чем конкретно начала эти проявятся, Киреевский не пишет.

Статья Киреевского была последней работой представителей славянофильского кружка, опубликованной в первых трех номерах «Москвитянина» за 1845 год. Стоит отметить несколько особенностей журнала под редакцией одного из лидеров славянофилов.

1. Журнал в редакторство Киреевского стал интереснее, но не сумел исправить недочеты «старого» «Москвитянина». А именно:

1.1. в нем не появилось беллетристики, способной притягивать читателя. Проза была одним из главных факторов в борьбе за читателя в 1840-х гг. Если в журналах и сборниках западников («Отечественных записках», сборниках Некрасова, а чуть позже в обновленном «Современнике») печатались известные отечественные авторы, открывались новые имена (в этих изданиях были напечатаны первые произведения Тургенева, Достоевского и Толстого), то в «Москвитянине», как при Киреевском, так и во времена Погодина, качественной беллетристики практически не было. Эту проблему можно было решить при помощи переводных произведений. И отчасти при Киреевском эта проблема начала решаться. В его редакторство в

³⁶⁶ Имеется в виду «старый» «Современник», до того, как он перешел к Некрасову и Панаеву. Иначе Киреевский, безусловно, уделил бы ему в своей статье намного больше внимания.

³⁶⁷ Там же. С. 30.

«Москвитянине» были напечатаны произведения Диккенса и Дюма³⁶⁸, но даже несмотря на это от изданий западников «Москвитянин» отставал;

1.2. при Киреевском не появилось интересной литературной критики. Критика была в те времена одним из самых интересных разделов журнала, а ведущий критик определял его эстетическое и политическое (хотя де-юре политических разделов в литературных журналах не было) направление;

2. когда «Москвитянин» перешел к Киреевскому, все ожидали, что он станет выразителем славянофильского направления, про которое давно говорили, но идеи которого были мало известны. Как было видно из разбора работ славянофилов, ни одна из них не являлась манифестом «московской партии». Более того, идеи «москвичей» из этих работ нужно собирать по крупицам. И для этого сбора необходимо сначала быть знакомым с их идеями. Статьи славянофилов в «Москвитянине» были посвящены чему угодно, но только не изложению их доктрины. Аксаковы поместили в журнал несколько стихотворений, Хомяков говорил об охоте и железных дорогах, Попов делился путевыми впечатлениями и писал про философию права, И.В. Киреевский занимался вопросами литературы (причем делал это растянуто и отвлеченно, в отличие от антагониста «славян» В.Г. Белинского, который разбор любой повести мог превратить в идеологический манифест), П.В. Киреевский спорил с Погодиным о русской истории. Поэтому прав был В.Г. Белинский, когда говорил, что славянофилы сами виноваты в том, что с их идеологией никто толком не знаком, отчего зачастую идеи «московской партии» трактуются неверно³⁶⁹.

Первые три книжки «Москвитянина» не встретили серьезного цензурного сопротивления, но все-таки влияние цензуры на деятельности «московской партии» в 1845 году сказалось. Во-первых, как уже было сказано, в связи со

³⁶⁸ Справедливости ради нужно отметить, что произведения Дюма начали печататься в «Москвитянине» еще в конце 1844 г., т.е. при Погодине. В редакторство Киреевского это начинание было продолжено.

³⁶⁹ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 34.

скандальным закрытием «Европейца», случившемся в 1832 году, И.В. Киреевский не смог открыто заявить о том, что «Москвитянин» перешел под его редакторство. Это было большим минусом для журнала. Киреевский был известной в литературных кругах личностью, и переход «Москвитянина» в его руки, безусловно, повысил бы интерес публики к обновленному изданию. Слухи об этом переходе ходили, но широкому кругу читателей эта информация была неизвестна. Во-вторых, некоторые статьи славянофилов были задержаны цензурой. О них в своих письмах упоминает Хомяков³⁷⁰. Из-за этих сложностей его статья о железных дорогах попала не в первый, а только во второй номер журнала. Были придиরки к стихам постоянного автора «Москвитянина» К. Павловой. Нужно отметить, что за этими строгостями, по мнению Хомякова, стоял С.Г. Строганов, уже не раз мешавший деятельности журнала. Строганов здесь действовал, судя по всему, не против славянофилов, а против «Москвитянина» и тех консервативных элементов, которые группировались вокруг него. Так, например, в этот же период (начало 1845 г.) Строганов запрещает к публикации в «Московских ведомостях» хвалебный отзыв славянофила В. Панова о публичных лекциях С.П. Шевырева³⁷¹.

Причины, по которым Киреевский оставил редакторство, не совсем ясны. По мнению С.Т. Аксакова, таких причин было три: 1) Киреевский не создан для журналистской работы; 2) сложности в денежных отношениях с Погодиным; 3) от непривычного ему постоянного литературного труда и сложностей, связанных с изданием журнала, Киреевский «сделался болен», и уже физически не мог заниматься редактурой³⁷². Могли повлиять на Киреевского все эти причины одновременно. Мы бы добавили к ним еще одну: ссоры с Погодиным из-за издательских дел³⁷³. Причем, характерно, что эти столкновения касались

³⁷⁰ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: Т. 8. – М., 1900. С. 239-242.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Котельников В.А. М.П. Погодин и славянофилы // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2(5). С. 52-53.

³⁷³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 8. С. 3-24.

не содержания «Москвитянина», а технической стороны вопроса. Киреевский предъявлял Погодину претензии за плохую работу типографии и несвоевременное распространение номеров журнала.

Подводя итог короткого периода редакторства Киреевского, необходимо сказать об институциональной стороне спора славянофилов и западников. Нами уже отмечалось, что славянофильство не получало поддержки от правительства, хотя было группой идеологически близкой и лояльной существующей власти. Им приходилось конкурировать с западниками на равных. Никаких цензурных поблажек у московской партии не было. Это касалось не только славянофилов, лишенных как собственных печатных органов, так и возможности пользоваться университетскими кафедрами. Славянофилы вынуждены были, как и западники, искать возможности арендовать журнал или купить его. Представители западничества с этой задачей успешно справлялись. Так, главный орган западников до 1847 года журнал «Отечественные записки» долгое время арендовался Андреем Краевским у издателя Свирина, пока после смерти последнего не перешел в собственность знаменитого редактора. Краевский платил Свирину серьезные по тем временам деньги (5000 рублей). Славянофилы же имели возможность не тратить свои средства, пользуясь журналом Погодина. Минусом было то, что знаменитый историк хотел продолжать участвовать в редакторской и издательской деятельности, из-за чего у него действительно случались конфликтные ситуации с Киреевским. Однако несправедливо было бы утверждать, что Погодин был помехой, без которой журнал славянофилов был бы лучше. Можно даже утверждать, что без старой редакции «Москвитянина» журнала Киреевского вообще бы не было. Такой вывод мы делаем на основании анализа первых трех номеров «Москвитянина» за 1845 год. Если посмотреть на состав статей «Москвитянина» в период его редакторства, то окажется, что члены славянофильского кружка, практически не предоставляли Киреевскому материалов для печатания. Большинство славянофильских работ «Москвитянина» в это время были написаны самим Киреевским или членами

его семьи. В первом номере было опубликовано девять статей авторов-славянофилов. Семь из них – И.В. Киреевского. Одна – перевод «Жизни Стефенса», выполненный матерью Киреевского А.П. Елагиной, с его же, Ивана Васильевича, введением. И только одна принадлежала А.Н. Попову. И то это была, строго говоря, не статья, специально написанная для «Москвитянина», а отрывок из путевых заметок. Также было стихотворение И.С. Аксакова «Стансы». Во втором номере это соотношение было другим. Четыре статьи от Киреевских и пять публикаций других славянофилов. Два стихотворения от братьев Аксаковых, две статьи Хомякова и одна Попова. В третьем номере три статьи от Киреевских и две от других славянофилов (Хомяков, Попов). Таким образом, если бы не было статей от Погодина и его старых сотрудников, то журнал просто нечем было бы заполнить.

Итак, в 1845 году славянофилы, наконец, получили возможность обзавестись собственным журналом. Хотя это был журнал М.П. Погодина, и он время от времени мог вмешиваться в издательскую политику, но «Москвитянин» был органом, при помощи которого славянофилы могли на равных тягаться с западниками и доносить свои идеи до широкой публики. «Москвичи» не встретили слишком строгого противодействия цензуры, практически ничего не сковывало их действий.

В 1845 году, на момент окончательного размежевания славянофильства и западничества, оба крыла отечественной общественной мысли находились в равных условиях. И у тех, и у других не было возможности организовывать новые литературные журналы, существовало постоянное, хотя сделавшееся уже привычным, цензурное давление, появились возможности обходить строгие запреты и ограничения, наложенные николаевским правительством на печать. Самый простой и действенный из этих обходных маневров – аренда или покупка журнала. Западники этими возможностями успешно воспользовались, арендовав, а потом и забрав в собственность «Отечественные записки», а впоследствии и «Современник». Славянофилы находились в условиях возможно даже более выигрышных. Они могли печататься и даже возглавить

«Москвитянин» бесплатно. Журнал принадлежал М.П. Погодину, что отчасти вызывало сложности, но давало еще и много преимуществ. Погодин сохранял за собой право публиковать свои статьи и вмешиваться в редакторскую политику журнала. Но, во-первых, как выяснилось, без этих статей «Москвитянин» было бы просто нечем наполнить; во-вторых, имя Погодина, его социальный статус, связь с С.С. Уваровым могли защищать славянофилов от перегибов цензурных ведомств (хотя, как уже было показано, не давали полного освобождения от вмешательства цензурных органов). Как было показано, на поле цензурной игры действовало еще несколько агентов, зачастую враждебных Уварову, но опытный чиновник всякий раз находил возможность противодействовать своим оппонентам, и сумел сохранить журнал своего протеже. Стратегия цензурной игры предполагала использование таких лиц как М.П. Погодин для защиты от нападок идеологически ангажированных цензоров и чиновников. Так поступали западники во время издания «Современника». Первый год его редактором числился профессор А.В. Никитенко. Известный своей умеренностью и лояльностью петербургский профессор, сам служивший цензором, был отличным «прикрытием» для Некрасова и Панаева – реальных хозяев журнала. Но славянофилы, имея не худшие, чем западники, условия для форсирования «умственных плотин», возведенных цензурными органами, не воспользовались ими.

ГЛАВА 4. «МОСКВИТИЯНИН», СЛАВЯНОФИЛЫ И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА 1840-Х ГГ.

4.1. Использование журнала М.П. Погодина для полемики с западниками и изложения славянофильского учения

Вопрос о генезисе славянофильства и времени окончательного его появления является неоднозначным и дискуссионным. Определенно можно сказать, что это 1830 – нач. 1840-х гг. Однако более точно можно определиться со временем начала журнальной полемики «славян» против западной партии и начала печатной популяризации своих идей. В 1842 году произошло публицистическое столкновение В.Г. Белинского и К.С. Аксакова, которое И.А. Виноградов называет «первым публичным актом размежевания двух лагерей»³⁷⁴.

В 1842 году увидели свет «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Событие это было знаковым. Поэму Гоголя обсуждала вся читающая публика. Она в буквальном смысле расколола общественность на тех, кто считал автора живым классиком, и тех, кто видел в его творении хулу на Россию и все русское. Единомыслия не было даже в среде поклонников поэмы. Так, по поводу оценки новой книги Гоголя возникла одна из самых ранних полемик между славянофилами и западниками. Конкретно между К.С. Аксаковым и его вчерашним приятелем, а впоследствии одним из лидеров западничества В.Г. Белинским. «Литературный спор между Москвою и Петербургом... зародился именно 1842 году... Белинский и Константин Аксаков первыми стали по разные стороны барьера»³⁷⁵.

Первый большой и подробный отзыв на «Мертвые души» был напечатан в том же 1842 году К.С. Аксаковым. Его статья предназначалась для «Москвитянина», однако после долгих проволочек М.П. Погодин и С.П.

³⁷⁴ Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2. С. 189-224. С. 191.

³⁷⁵ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб., 2019. С.172.

Шевырев (окончательное решение в данном случае было принято именно им) решили не публиковать работу Аксакова. Это было вызвано характером статьи молодого славянофила. Константин Сергеевич, подобно другим представителям кружка, воспевал Гоголя и видел в его творчестве важнейший момент в отечественной литературе – момент рождения национальной русской прозы, свободной от влияния европейских литературных паттернов. При этом Аксаков сравнивал Гоголя с Гомером. Естественно, не по форме повествования, а по эпическому масштабу описываемых событий и по подходу к изложению. Как Гомер в «Илиаде» не просто рассказывает о штурме Трои, но дает масштабное полотно греческой жизни, так и Гоголь пытается нарисовать картину российской действительности, и в данном случае важен не сам сюжет поэмы, а тот эпический размах, который руководит замыслом художника.

Редакторы «Москвитянина» решили не публиковать статью, исполненную столь смелых сравнений, и оказались правы. К.С. Аксаков вынужден был выпустить свою работу брошюрой³⁷⁶, и сразу после появления она вызвала шквал критики³⁷⁷. Аксакова поддержали только члены славянофильского кружка, семья и немногие знакомые. Даже Гоголь, в целом одобрявший взгляды Константина Сергеевича на свое творчество, попенял ему на преждевременную публикацию этого отзыва. По словам автора «Мертвых душ», высказывать такие смелые и неожиданные мысли можно было только тогда, когда полемика вокруг его новой книги поутихнет, появятся первые рецензии, поэму начнут воспринимать на холодную голову³⁷⁸. Вот как вспоминает об этом С.Т. Аксаков: «Как только она (брошюра К. Аксакова. – прим. И. Л.) вышла из печати, все журналисты, все неприятели и даже почти все приятели Гоголя, говоря буквально, взбесились. Град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений посыпался печатно и письменно на

³⁷⁶ Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. 19 с.

³⁷⁷ Виноградов И.А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // Два века. 2020. № 1. С. 80.

³⁷⁸ Аксаков С.Т. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. М., 1986. С. 81.

Константина»³⁷⁹. Самым ярым критиком своего бывшего друга оказался В.Г. Белинский.

Отзыв В.Г. Белинского о брошюре Аксакова³⁸⁰ был очень едким. Критик «Отечественных записок» со свойственной ему страстью обыгрывал ключевой для работы своего вчерашнего соратника тезис об эпическом мировоззрении Гоголя и параллелях между «Мертвыми душами» и поэмами Гомера. В начале своей статьи Белинский пишет, что совсем не хотел рассматривать «этую странную брошюру», но его сподвигли к рецензии на труд Аксакова нападки последнего на петербургскую журналистику³⁸¹. Далее Белинский обвиняет автора рецензии на «Мертвые души» в слишком умозрительном взгляде на поэму³⁸². А дальше высказывает мысль, которая служит четким водоразделом между эстетическими воззрениями западников и славянофилов. Если Аксаков, а вслед за ним и другие славянофилы и близкие к их кружку люди видели в «Мертвых душах» нечто необыкновенное, самобытное, являющееся проявлением чисто народного духа, то, по мнению «неистового Виссариона», знаменитая поэма Гоголя – продукт эволюции западноевропейского романа. Без Вальтера Скотта не было бы Гоголя, считает критик «Отечественных записок»³⁸³. Кроме того, сравнение творчества русского писателя с Гомером некорректно, поскольку «Илиада» выразила собою содержание... всемирно-историческое..., вечное и неумирающее; «Мертвые души», равно как и всякая другая русская поэма, пока еще не могут выразить этого содержания»³⁸⁴. Гоголь, как и любой другой русский автор, могут создать великое произведение искусства, но великим оно будет только для России; наша литература и история не вышла еще на всемирно-историческую арену, не наполнилась общечеловеческого содержания³⁸⁵.

³⁷⁹ Там же. С. 80.

³⁸⁰ Отечественные записки. 1842. Т. XXIII. № 8. Отд. VI. С. 46-51.

³⁸¹ Там же. С. 46.

³⁸² Там же. С. 47.

³⁸³ Там же. С. 47.

³⁸⁴ Там же. С. 48.

³⁸⁵ Там же. С. 51.

На его отзыв Аксаков ответил статьей «Объяснение»³⁸⁶, которую на этот раз в «Москвитянине» приняли. С самого начала «Объяснения» Константин Сергеевич обвиняет «Отечественные записки» в том, что они исказили содержание его брошюры, вырывая слова и предложения из контекста и давая им свое истолкование³⁸⁷. Далее Аксаков обстоятельно и ясно показывает те места, в которых рецензент исказил его мысли. Примечательно, что в конце статьи мы встречаем пассаж, направленный против петербургской журналистики в целом³⁸⁸. Интересно, что начиная с 1841 года такая же критика столичных изданий публиковалась в «Москвитянине» и исходила от самой редакции журнала. Здесь мы видим, что неприятие «петербургской» (= западнической) журналистики было общим местом в трудах славянофилов и редакторской команды Погодина.

Белинский снова отвечал. Однако на новый выпад «неистового Виссариона» Аксаков решил не возражать. Не из-за того, что согласился с доводами одного из главных идеологов западничества, а в силу своего характера и убеждений, относящихся к сфере газетных дискуссий. Как известно, К.С. Аксаков считал журнальную полемику «легковесной», заигрывания с периодическими изданиями низкими, а когда у славянофилов вставал вопрос о необходимости обзавестись собственным печатным органом, выступал за то, чтобы издавать вместо журналов сборники, как более подходящих для серьезных мыслителей³⁸⁹.

Стоит отметить, что изложение славянофильской доктрины на страницах «Москвитянина» и А.С. Хомяков тоже начал с 1842 года – того времени, к которому И.А. Виноградов относит размежевание позиций славянофилов и западников. Хотя годом ранее лидер славянофилов печатался в журнале

³⁸⁶ Москвитянин. 1842. Ч. V. № 9. Отд. Критика. С. 220-229.

³⁸⁷ Там же. С. 220.

³⁸⁸ Там же. С. 229.

³⁸⁹ Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика: 1840-1850 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10. М., 2000. С. 52-53.

Погодина намного чаще, его произведения носили патриотический, консервативный, но не специфически славянофильский характер.

В 1842 году Хомяков опубликовал в «Москвитянине» статью «О сельских условиях». Ее содержание, полемику вокруг этой статьи и ее цензурную историю мы рассматривали выше. Здесь только отметим, что в данной работе Хомяков выступает уже со специфическими для славянофильства идеями. В частности, он развивает в ней идею о крестьянской общине.

В 1843 году Хомяков публикует «Письмо в Петербург о выставке»³⁹⁰. Статья эта представляет несомненный интерес. «Письмо...» разделяется на две равные части. В первой автор бегло описывает свои впечатления от посещения выставки российских мануфактурных изделий, проходившей в 1843 году в Москве. Хомяков иронично описывает плоды отечественного промышленного производства. Он явно недоволен развитием и характером отечественной промышленности.

Недоволен Хомяков залами, в которых представлены ткани, критикует отечественное шелководство. Перебравшись в зал, где представлены продукты металлообработки он несколько оживляется. Однако, хваля развитие металлургии в России, Хомяков совсем как лесковский Левша пеняет на отсталость русского оружия. «Жаль только, что совсем нет огнестрельного хорошего оружия собственно Русской работы»³⁹¹.

Говоря про «вещи столярные», Хомяков отмечает бевкусность и дороговизну. «Но говорят, – досадует автор, – таков вкус современный – так делать нечего!»³⁹² Те же чувства вызывают у него изделия из бронзы и других металлов³⁹³.

Описывая увиденные товары, Хомяков попутно излагает славянофильские идеи. «Вообще я не большой охотник до фабричной промышленности; но меня радует промышленность старая, которой начало

³⁹⁰ Москвитянин. 1843. Ч. IV. № 7. Отд. Московская летопись. С. 211-222.

³⁹¹ Там же. С. 213.

³⁹² Там же. С. 214.

³⁹³ Там же. С. 214-215.

теряется в веках, которая основана на истинной потребности и улучшена давнею привычкою. Еще больше радует та промышленность, которая не вводит фабричного быта, а мирится со Святынею семейного быта и с стройной тишиною быта общинного в его органической простоте: ибо тут, и только тут сила и корень силы»³⁹⁴.

Вторая часть статьи чисто славянофильская. Отправной точкой рассуждений Хомякова становится увиденная на выставке статуя амазонки. Автор размышляет о характере искусства, и его мысли приходят к важному для славянофилов вопросу о характере национального искусства. Хомяков отмечает, что статуя амазонки выполнена в греческом стиле, хотя скульптор – немец. Хомяков критикует подражательность, отмечая, что только древний грек мог создавать подобные статуи. Немец делает все по науке, все так, как должно быть у эллина, и форма статуи получается правильной, но это только форма, лишь тело, в котором отсутствует дух. А одухотворить эти формы было по плечу только тем, в чьей среде эти формы зародились. То есть жителям Древней Эллады. «Искусство истинное есть живой плод жизни»³⁹⁵, – пишет Хомяков. Эта любовь к копированию чужих образцов свойственна не только немцам. «И мы готовы подражать заграничному»³⁹⁶. По мнению Хомякова, любая нация должна стремиться не к подражанию, а к выработке собственных форм в искусстве, форм, которые будут отражением духа жизни, присущей этому этносу. «Всякая эпоха, всякий народ содержит в себе возможность своего художества»³⁹⁷.

Отдельного внимания заслуживает предпоследний абзац статьи. Завершает свои рассуждения о национальном характере истинного искусства Хомяков следующим пассажем. «В наш век явился художник гениальный, который и чувства, и мысли, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творенье все дышит, все говорит, все

³⁹⁴ Там же. С. 213.

³⁹⁵ Там же. С. 220.

³⁹⁶ Там же. С. 217.

³⁹⁷ Там же. С. 221.

движется так живо, так самобытно как в самой природе. Поймут ли его другие художники слова?»³⁹⁸ Для всякого, кто знаком с контекстом литературных споров 1842-1843 гг. очевидно, что «самобытный художник слова», о котором говорит в своей статье Хомяков, это Н.В. Гоголь. В своей оценке Гоголя и всемирно-исторического значения его творчества Хомяков сходится с К.С. Аксаковым. А возможно даже следует за Константином Сергеевичем, который развивал эту мысль в 1842 году сразу после появления «Мертвых душ».

Еще одним моментом, который стоило бы отметить – журналистские качества А.С. Хомякова. Часто утверждают, что «Хомяков совершенно нежурнальный человек»³⁹⁹. Отчасти это верно. Лидер славянофилов не обладал способностью к постоянному литературному труду, без чего немыслима журналистская деятельность. Однако в своих немногочисленных публикациях на страницах «Москвитянина» он показывает хорошую «журналистскую хватку». Во-первых, он первым отзыается на злободневные события, благодаря чему его произведения привлекают внимание. Так было со стихами о Наполеоне и статьей «О сельских условиях» в 1841 и 1842 гг. соответственно. В напечатанной в 1843 году статье «Письмо в Петербург о выставке» он тоже пишет о последних событиях, используя их в качестве информационного повода для изложения своих взглядов. Очень профессиональная работа с журналистской точки зрения.

В 1844 году Хомяков продолжает развивать учение славянофилов на страницах «Москвитянина». Он публикует статью «Опера Глинки «Жизнь за Царя»⁴⁰⁰. Работа лидера славянофильского направления имеет значение для спора с западниками, поскольку в ней выражены характерные для «московской партии» взгляды на историю и общественный быт народа, а также содержится критика Запада.

³⁹⁸ Там же. С. 222.

³⁹⁹ Колюпанов Н. Биография Александра Ивановича Кошелева: Т. 1-2. М., 1889-1892. Т. II. С. 248.

⁴⁰⁰ Москвитянин. 1844. Ч. III. № 5. Отд. Критика. С. 98-103.

В начале статьи Хомяков пишет о том, что эта опера еще не была по достоинству оценена. Оценивали только либретто, музыку, внешние формы произведения, но взятое в целом, во всей своей цельности, творение великого русского композитора никто еще не рассматривал⁴⁰¹.

Хомяков описывает действие, разворачивающееся в опере Глинки. Нашествие поляков, разброд, отсутствие государства как такового. Но в этот сложный исторический момент, когда «государства нет», «семья и община... спасли Россию»⁴⁰². В утверждении общины уже слышны славянофильские установки автора. Далее славянофильские пассажи будут время от времени перемежаться с описанием событий оперы. Так, после слов о значении семьи и общины в деле спасения страны, Хомяков пишет: «Прошли века..., но новое нашествие с запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но ученья и мысли»⁴⁰³. Это нашествие идей направлено на разрушение как раз общины и семьи. И как в свое время эти два столпа русской жизни спасли государство, теперь государство должно защитить их⁴⁰⁴.

Далее Хомяков многократно подчеркивает значение общины. Изображение польского войска у Глинки – это описание людей, «оторвавшихся от общинного братства»⁴⁰⁵. А Сусанин – не герой, а «простой крестьянин, глава семьи, член братской общины»⁴⁰⁶.

Противопоставление семейного, светлого, общинного гнилому, индивидуалистическому, западному; воссоздание русской жизни и духа – вот, по Хомякову, главная заслуга Глинки. «Жизнь за Царя» преисполнена лидера славянофилов надежды на то, что в будущем появится настоящее русское искусство. Не подражание западным образцам, а творчество, черпающее вдохновение из глубин народной жизни. «Словесность и музыка дали уже великий пример в Гоголе и Глинке», – отмечает Хомяков.

⁴⁰¹ Там же. С. 98.

⁴⁰² Там же. С. 99.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же. С. 100.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же. С. 102.

Мы не можем опять этого не отметить, что по своему эмоциональному окрасу и эстетическим выводам статья Хомякова похожа на рецензию К.С. Аксакова на «Мертвые души».

Как уже отмечалось, во время редакторства Киреевского славянофилы не смогли отметить яркими программными статьями, излагающими их воззрения. Уже после того, как Киреевский покинул «Москвитянина», на его страницах появилась еще одна работа Хомякова. Это «Мнение иностранцев о России»⁴⁰⁷, которая должна была выйти в третьем номере (т.е. при Киреевском), но задержалась и была опубликована, когда «Москвитянин» уже вернулся к прежней редакторской команде. Хотя эта работа, конечно, должна была быть опубликована в первом номере за 1845 год и стать одной из программных статей обновленного журнала.

Статья Хомякова отмечена прекрасным чувством юмора, свойственным лидеру «славян». Вначале ее А.С. пишет: «В Европе стали много говорить и писать о России. Оно и неудивительно: у нас так много говорят и пишут о Европе, что Европейцам хоть из вежливости следовало заняться Россией»⁴⁰⁸. Но пишут европейцы только дурное. Отчего Запад так относится к России? Хомяков выделяет две причины: 1) осознание инаковости России, чужеродности Западу всех ее духовных и социальных оснований; 2) от «досады» на эту самостоятельную силу, которая встала в один ряд с ведущими европейскими государствами⁴⁰⁹.

Хомяков выделяет два источника европейских стереотипов о России. Книги иностранцев, поживших в России (как правило, совсем недолго и в одном месте). Они в большинстве своем не знают русского языка и врачаются в кругу своих земляков. Оттого их мнение о России, которое они транслируют, вернувшись на родину, вряд ли заслуживает доверия. Второй источник – русские путешественники, которые едут на Запад с благоговением паломника, и

⁴⁰⁷ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 4. Отд. Изящная словесность. С. 21-48.

⁴⁰⁸ Там же. С. 22.

⁴⁰⁹ Там же. С. 22-23.

впечатления хорошего о себе среди европейцев часто не оставляют⁴¹⁰. В связи с этим можно заключить, что Запад Россию не знает. Не знает он ее потому, что в целом тяжело познать, до конца понять культуру другого народа, тем более – такого далеко и «чужого» как народ русский.

После выяснения источников ложного мнения о России Хомяков переходит к другой теме. Он рассуждает о влиянии Запада на Россию, ее просвещение. Отмечает, что Россия училась у Европы, во многом перенимая формы ее словесности, но при этом имея и сохраняя самобытный и богатейший язык⁴¹¹. Опять (традиционно как для славянофилов в целом, так и для самого Хомякова) критикуется слепое, некритическое заимствование у Запада научных, философских и художественных идей. Размыщлением на эту тему и посвящена большая часть статьи. Мысли Хомякова о соотношении Западного и народного, о подражательности и сохранении исконных русских начал часто прерываются экскурсами в различные области знания. Мысль Хомякова от идей славянофильства плавно перетекает к экскурсусу в историю права, переходит к различным филологическим штудиям, бытовым зарисовкам и т.д. Все это делает изложение сбивчивым. Из последних десяти-пятнадцати страниц статьи можно сделать следующий краткий вывод: 1) Россия с петровских времен начинает подражать Западу; 2) вместе с тем подражательность эта не касается глубинных основ русской души и низов общества; 3) следствием этого является «раздвоенность» русского человека и общества в целом; 4) автор видит, что раздвоенность эта начинает преодолеваться и надеется на появление национальной русской науки и искусства.

Статьи Хомякова пропагандировали славянофильские идеи и часто привлекали внимание публики, но появлялись в «Москвитянине» редко и нерегулярно, так что не вызывали серьезного противодействия со стороны западников и не привели к журнальным дискуссиям. Совсем другая ситуация

⁴¹⁰ Там же. С. 23-26.

⁴¹¹ Там же. С. 31-32.

сложилось в 1847 году, когда Ю.Ф. Самарин напечатал в журнале М.П. Погодина статью, направленную против обновленного «Современника».

В 1846 году западники, уже имевшие к тому моменту «Отечественные записки», обзавелись еще одним органом: ими был куплен журнал «Современник». И это был еще один удар по консервативной идеологии и еще один вызов славянофилам. Два западнических журнала находились в открытой конфронтации, что отнюдь не мешало распространению и популяризации их идеологии.

В первом номере этого журнала за 1847 год западники опубликовали несколько программных литературных и исторических статей. В некоторых из них они затрагивали и славянофилов.

Не имея своего печатного органа, представители кружка обратились к М.П. Погодину и во втором номере «Москвитянина» за 1847 год появилась большая статья Ю.Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных»⁴¹² (в этом же году она была выпущена брошюрой⁴¹³). В своей статье Самарин выступает против того, что «Современник» приписывает славянофилам те мысли, которых у них нет⁴¹⁴ и обозначает, что выступает против трех основных идеологически ангажированных статей «Современника» – против работ Никитенко, Белинского и Кавелина⁴¹⁵. Эта статья вызвала большой общественный резонанс, на нее последовали ответные статьи западников в «Современнике»⁴¹⁶. Подробнее об этой статье см. в работах Д.А. Кунильского⁴¹⁷ и В.А. Кошелева⁴¹⁸.

⁴¹² Москвитянин. 1847. Ч. II. Отд. Критика. С. 133-222. Статья подписана М...З...К... Так же была подписана и брошюра, вышедшая в том же году.

⁴¹³ Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М., 1847. М., 1847.

⁴¹⁴ Москвитянин. 1847. Ч. II. Отд. Критика. С. 133-134.

⁴¹⁵ Там же. С. 135.

⁴¹⁶ Подробнее об этом см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 9, 1892. С. 28-44.

⁴¹⁷ Кунильский Д.А. «Положительная» журналистика против «Отрицательной» литературы (статья Ю.Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных») // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 72-75.

Но для данного исследования примечательно то, что опровержения на статью Самарина появились не только в западнических журналах, но и в «Москвитянине». Это работа «Несколько слов по поводу статьи: «О мнениях «Современника» исторических и литературных», помещенной в предыдущей книжке «Москвитянина»⁴¹⁹. Такая непоследовательная и нелогичная политика М.П. Погодина, предоставившего страницы своего издания идеологическим противникам, вызвала неодобрение и удивление в консервативном лагере. Ведь известный московский профессор и сам постоянно вступал в полемику с западниками и их журналами. В том числе и с «Современником».

По нашему мнению, Погодин предоставил страницы своего издания противникам славянофилов из-за насущной необходимости хоть чем-то заполнить страницы «Москвитянина». В 1847 году, как уже упоминалось, погодинский журнал практически превратился в альманах. Вместо двенадцати вышло только четыре номера.

Еще один эпизод взаимоотношений славянофилов с «Москвитянином», случившийся в это же время и, возможно, связанный со статьей Самарина – это очередная попытка «москвичей» купить журнал Погодина. Но, как было уже не раз, известный московский профессор от предложения отказался. Он готов был уступить редакторство, готов был сотрудничать и принимать материалы своих соратников по консервативному лагерю, но продавать «Москвитянин», который в условиях запрета на выпуск новых литературных журналов, становился мощнейшим фактором увеличения символического капитала, Погодин не собирался. Хотя в 1847 году «Москвитянин» был едва на плаву, и славянофилы всерьез рассчитывали приобрести его. «Московская партия» была, видимо, уверена в возможности купить «Москвитянин», так что Константин Аксаков даже написал программу журнала на 1848 год. Но Погодин расставаться с «Москвитянином» не спешил. В 1848 году он вновь начал выпускать журнал в

⁴¹⁸ Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения ранних славянофилов. Л., 1984. С. 151-163.

⁴¹⁹ Москвитянин. 1847. Ч. III. Отд. Критика. С. 147-158.

былом, двенадцатитомном формате, а позднее стал выпускать даже по двадцать четыре номера в год, сумев привлечь к редакторской деятельности сначала известного писателя А.Ф. Вельтмана, а затем – группу талантливых молодых литераторов (так называемая «молодая редакция «Москвитянина»).

Возможно, с верой в переход журнала под власть «славян», связано написание статьи К.С. Аксакова «О новом литературном споре». Это статья с интересной, но запутанной цензурной историей. Оригинальный текст статьи, переданный Аксаковым в Московский цензурный комитет, хранится в «Центральном государственном архиве г. Москвы»⁴²⁰. Естественно, спор этот происходил между славянофилами и западниками. Статья является типичным полемическим сочинением Аксакова: ярким, непримиримым, подчас грубым. Статья была направлена против западников. Поступила в цензуру она в конце 1847 года. В январе следующего года, еще до начала «Мрачного семилетия», статья была запрещена. Чем было вызвано это запрещение не совсем понятно. Возможно, ее полемическим тоном. Хотя многочисленные статьи Белинского, выходившие каждый год в «Отечественных записках», а затем в «Современнике», полемическим накалом труду Аксакова не уступали. Но Белинский работал в Петербурге в журнале Краевского, который имел связи в III отделении и налаженные механизмы прохождения цензурных кордонов, а Аксаков отдал свою публикацию в Московский цензурный комитет. В Москве на тот момент был только один литературный журнал, еле-еле сводивший концы с концами. Цензоры московские часто не решались на то, что могла себе позволить пропустить столичная цензура. Так, например, было с «Мертвыми душами» Гоголя, которые не были пропущены к печати в Москве, но беспрепятственно вышли в Петербурге. Не ясно, в какой форме предполагал Аксаков выпустить свою статью. Косвенно можно предположить, что она писалась для «Москвитянина», в случае если он перейдет к славянофилам. Эта работа претендовала в таком случае на статус программной. То, чего как раз не хватало славянофилам в «Москвитянине» периода редакторства Киреевского.

⁴²⁰ ЦГАМ. Ф. 31. Оп.1. Д. 281.

Но это только предположение. Вполне может быть, что Константин Аксаков хотел выпустить ее брошюрой, как это было в 1842 году. Возможно, Аксаковым рассматривалось оба варианта. Тактика издания брошюр, даже при наличии журнала или сборника, славянофилами использовалась.

Небезынтересна история первой публикации рассматриваемой статьи. Она была впервые напечатана в газете младшего брата Константина Сергеевича И.С. Аксакова «Русь» за 1883 год⁴²¹. В предисловии к статье старшего брата И. С. Аксаков описывает цензурную историю этой публикации. Д. Д. Голохвастов нашел статью К.С. Аксакова в бумагах своего отца, который был попечителем Московского учебного округа, а значит и руководителем цензурного ведомства в старой столице. Статья была доставлена в цензурный комитет 12 декабря 1847 года и запрещена к печатанию в январе 1848 года⁴²². Обращение к архивным материалам добавляет интересный нюанс к истории о запрете статьи К.С. Аксакова. В фонде 772 РГИА сохранились материалы, из которых становится очевидно, что Голохвастов-старший пытался получить разрешение на напечатание работы Аксакова⁴²³. Однако, несмотря на его старания, статья Константина Сергеевича так и не была тогда опубликована.

Остается загадкой, почему И.С. Аксаков не знал о такой важной статье своего брата и ее неудачной цензурной истории. Это является странным по двум причинам: во-первых, за успехами и неудачами Константина Аксакова на литературном поприще следила вся его семья; во-вторых, в какой-то момент Иван Сергеевич стал своего рода «литературным поверенным» своего старшего брата. Это особенно хорошо видно на примере архивных материалов. В 1852 году, когда славянофилы после долгого перерыва решились, наконец, на продолжение «Московского сборника», редактором его стал Иван Аксаков. Интересен сам процесс подачи материалов в цензурные органы. Аксаков представлял в Московский цензурный комитет сборник не целиком, а

⁴²¹ Русь. 1883. № 7. С. 20-26.

⁴²² Там же. С. 20.

⁴²³ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1955. Л.1-1об.

отдельными статьями. Этот процесс длился в течение нескольких месяцев (с января по март)⁴²⁴. При этом органы власти с самого начала знали, что предоставляемые Аксаковым материалы выйдут под одной обложкой, поскольку около каждой статьи, предоставляемой Аксаковым, в документах Московского цензурного комитета значилась пометка «В сборник» (при этом оформлялись записи не всегда по одним и тем же лекалам). Интересно отметить тот факт, что последним материалом, который И.С. Аксаков отправил в цензуру, был не текст, а портрет. Редактор «Московского сборника» представил в цензурные органы портрет Гоголя, который намеревался напечатать в своей книге⁴²⁵. Примечательно, что в этот же период помимо материалов для своего сборника И.С. Аксаков представляет в цензуру работы своего отца и брата (С.Т. и К.С. Аксаковых).

Здесь также важно отметить одну деталь, влияющую на взаимоотношения славянофилов и редакции «Москвитянина». Как видно было из второй главы, цензурные нападки на журнал не отпугивали членов кружка от издания М.П. Погодина. Наоборот, цензура в данном случае выполняла консолидирующую функцию, заставляя различные консервативные круги московского общества сплачиваться вокруг «Москвитянина». Не сумев приобрести «Русский вестник» «славяне» в 1847 году публикуются и даже пытаются купить погодинский журнал.

Также в 1854 году в «Москвитянине» начнет печатать свои произведения С.Т. Аксаков. В журнале Погодина Сергеем Тимофеевичем будет опубликовано несколько его очерков. Это воспоминания и очерки о рыбалке и охоте. И в случае Аксакова-старшего обращение к «Москвитянину» окажется вынужденной мерой. Дело в том, что Сергей Тимофеевич после успеха своих книг об охоте и рыбалке решил издавать ежегодный «Охотничий сборник». В марте 1853 года он подал прошение в Московский цензурный комитет. Однако в издании сборника ему было отказано. Цензоры посоветовали ему публиковать

⁴²⁴ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л.1об-44.

⁴²⁵ Там же. Л.43об-44.

свои труды в других журналах⁴²⁶. Аксаков не сдался и уже в апреле обратился с подобным же прошением в столицу. Если московские цензоры ответили литератору в течение четырех дней, то попав в столицу прошение Аксакова вызвало обсуждение и обширную чиновничью переписку. Важную роль в деле запрещения «Охотничьего сборника» сыграл Л.В. Дубельт. Он написал отзыв о деятельности Аксакова как на должности цензора, так и в качестве писателя, в котором перечислил все промахи главы знаменитого литературного семейства. В заключении отзыва Дубельт сомневался в благонамеренности Сергея Тимофеевича и утверждал, что «едва ли можно ему дозволить издание какого бы то ни было журнала»⁴²⁷.

С цензурой будет связана и последняя попытка славянофилов купить издание Погодина в 1855 году. Тогда славянофилы и предприняли последнюю попытку договориться с Погодиным о продаже его журнала⁴²⁸, но она также оказалась безуспешна.

4.2. Полемика славянофилов с редакцией «Москвитянина»: точки соприкосновения и идеологические различия

Как уже было показано выше, участие славянофилов в «Москвитянине» и тесные личные связи его редакторов и членов кружка приводили к смешению этих двух групп мыслителей. Проведение «водораздела» между идеологией славянофилов и М.П. Погодина с формировавшейся вокруг него классической редакцией «Москвитянина» дело отдельного исследования. Мы в данном параграфе попытаемся лишь рассмотреть те идеологические столкновения, которые возникали между представителями этих групп на страницах «Москвитянина» и вокруг него, и попытаемся определить, насколько идейные противоречия влияли на их взаимоотношения. С другой стороны, опять-таки на

⁴²⁶ РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.3059. Л.1-1об.

⁴²⁷ Там же. Л.14.

⁴²⁸ Об этом: Тесля А.А. Последний из отцов. Биография И.С. Аксакова. СПб., 2014. с. 122-128.

примере публикаций на страницах «Москвитянина», мы постараемся определить общие моменты в мировоззрении авторов этих направлений.

В идеологическом отношении самыми важными являются первые номера журнала. Они были программными и наполнены статьями, призванными в полной мере раскрыть перед читающей публикой направление нового журнала. Кроме того, важно отметить тот факт, что первые номера «Москвитянина» готовились Погодиным и Шевыревым в течение долгого времени (разрешение на издание журнала было получено в 1838 году, начал выходить он в 1841), так что московские консерваторы имели достаточно времени, чтобы сделать первые выпуски своего печатного органа не только литературно, но и идеологически выверенными.

Говоря о направлении «Москвитянина», стоит отметить, что сам М.П. Погодин считал его *Православно-Русским*⁴²⁹. Отсюда видно, что в целом идеологическая линия «Москвитянина» была близка славянофильству. На страницах погодинского издания появляются статьи и материалы, которые свидетельствуют о близком родстве взглядов его редакторов и «московского кружка». Некоторые публикации прямо можно было принять за труды славянофилов, если бы они не были подписаны именами Погодина, Шевырева и др. Определим несколько таких идей, которые были общими для членов кружка и погодинской редакции, но вместе с тем выделяли эти группы из числа других консерваторов.

Общим местом в мировоззрении представителей исследуемых групп является подчеркивание роли Москвы в истории страны и значения старой столицы для культуры России. В этом отношении интересна статья М.П. Погодина «Москва», появившаяся в пятом выпуске «Москвитянина» за 1841 год⁴³⁰. «Москва есть такой город, на который можно и должно смотреть с разных сторон. Чем больше знакомитесь вы с нею, чем больше вникаете в ее

⁴²⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 62.

⁴³⁰ Москвитянин. 1841. Ч. III. № 5. Отд. Науки. С. 61-67.

свойства... тем более удостоверяется в ее значении, важности, великой судьбе, прошедшей, настоящей и будущей. История ее не кончилась»⁴³¹. Чудесные обстоятельства, способствовавшие возвышению Москвы, показывают, что превращение маленького захолустья в центр великой державы произошло не случайно, а промыслительно⁴³². Погодин отдает ей первенство перед другими древнерусскими городами, ведь она – семя российского государства, и «ни Новгороду, ни Киеву, ни Владимиру нельзя приписать этой чести», т.к. это «они присоединились к Москве, а не Москва присоединилась к ним»⁴³³. Интересно отметить, что особая роль Москвы подчеркивалась в «Москвитянине» еще до начала его выпуска. В написанной в 1838 году программе «Москвитянина» С.П. Шевырев писал, что «Москва – сердце России»⁴³⁴.

Другим интересным моментом, подчеркивающим «московскость» погодинского издания, стала статья «Весь туалет или пересадка петербургских журналистов», напечатанная в десятом номере «Москвитянина» за 1841 год⁴³⁵. В ней идет высмеивание столичных авторов и изданий, частое перемещение редакторов и критиков из одного журнала в другой. Правда эти выпады направлены не против будущих противников славянофильства; в статье не упоминаются ни Белинский, ни Краевский, ни Некрасов. В «Москвитянине» речь идет об издателях популярных журналов и газет: Н.А. Полевом, Н.И. Грече, Ф.В. Булгарине и О.И. Сенковском. Но интересен уже сам факт того, что уже в 1841 году мы встречаемся с противопоставлением московских и петербургских журналистов и высмеиванием «Москвитянина» последних. Впоследствии это противопоставление «Москва – Петербург» будет встречаться в «Москвитянине» неоднократно. Наличие этой оппозиции характерно и для славянофильского лагеря. Выпады против петербургских

⁴³¹ Там же. С. 61.

⁴³² Там же. С. 61-62.

⁴³³ Там же. С. 62.

⁴³⁴ РГАЛИ. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 125. Л.2.

⁴³⁵ Москвитянин. 1841. Ч. V. № 10. Отд. Смесь. С. 592-595.

журналов в целом встречались и в работах «славян», напечатанных в «Москвитянине» (например, в уже разбирающейся статье К.С. Аксакова о «Мертвых душах»);

Объединял славянофилов и редакцию «Москвитянина» и интерес к славянской культуре и истории. Так, с самого начала его основания в «Москвитянине» регулярно печатались славяноведческие материалы в рубрике «Славянские новости». В том числе славяноведов с мировыми именами, таких как П.Й. Шафарик.

Антизападнические публикации были характерны для «Москвитянина» во все время его существования, что сближало его со славянофилами. В первых выпусках журнала в этом отношении примечательна статья С.П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы»⁴³⁶. В своей большой статье, занимавшей почти восемьдесят страниц, Шевырев развивает идеи, которые без преувеличения можно назвать славянофильскими, а возможно и повлиявшими на некоторые аспекты учения «москвичей». Именно в ней появились знаменитые слова о том, что «Запад гниет», ассоциирующаяся нередко со славянофилами⁴³⁷.

Статью условно можно разделить на три части: небольшая преамбула, в которой дается краткое описание историософских взглядов автора; основная часть, где С.П. Шевырев рассуждает о развитии и современном состоянии религии, нравственности, науки и искусства ведущих европейских государств; панегирическое заключение, восхваляющее Россию, самодержавие и чуть ли не прямым текстом прославляющее Уварова и созданную им триаду.

Вначале Шевырев говорит о том, что в настоящее время на международной арене оказалось два противоборствующих начала. «Запад и Россия, Россия и Запад – вот имена, вытекающие из всего предыдущего. Вот

⁴³⁶ Москвитянин. Ч. I. № 1. С. 219-296. В 2007 г. эта статья была издана В.Г. Беленчуком в Вестнике ПСТГУ (Беленчук Л.Н. Взгляд русского на современное образование Европы. С.П. Шевырев // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. № 6. С. 147-167).

⁴³⁷ Тесля А. Восемь лекций о славянофильстве: интеллектуальная история. М., 2024. С.15.

последнее слово Истории!»⁴³⁸ Одно из них – умирающее, отжившее (Запад), другое – живое и полное сил (Россия). Задача России сохранить свое «я» и, заимствуя от Европы полезное и необходимое для собственного развития, не потерять себя. «Устоим мы в своей самобытности? Образуем мир особый, по началам своим, а не тем же Европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущего развития человечества?»⁴³⁹ Роль России в мировой истории не сводится только к сохранению культурной идентичности. Россия должна пережить Европу, сказать новое слово в развитии человечества, принести в мир что-то свое, доселе еще не слыханное и не знаемое.

Большую часть статьи занимает анализ культуры, искусства и (в меньшей степени) религиозной жизни Европы. Здесь Шевырев показывает (отчасти, диссонируя с основной мыслью своей статьи), большую любовь к западному искусству и осведомленность о его современном состоянии. Несмотря на то, что патриотический настрой московский критик сочетает с почтением к западноевропейскому искусству, его мысль всегда приходит к одному и тому же выводу – Запад загнивает. Европейский мир разлагается, а «мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!»⁴⁴⁰

В заключении Шевырев дает оптимистические прогнозы на будущее и хвалит установившийся в России духовный климат. Российскую империю в отличие от Европы ждет процветание. Залогом этого являются три положения, лежащие в основе русской жизни. Первое – это то, что «мы сохранили наше чувство религиозное»⁴⁴¹. Второе – это внутреннее единство России, которое заключается в том, что у нас «Царь и народ составляют одно неразрывное целое»⁴⁴². И третье – «сознание нашей народности»⁴⁴³. То есть здесь мы видим

⁴³⁸ Москвитянин. Ч. I. № 1. С. 219.

⁴³⁹ Там же. С. 220.

⁴⁴⁰ Там же. С. 247.

⁴⁴¹ Там же. С. 292.

⁴⁴² Там же. С. 293.

прямую отсылку к триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Шевырев заканчивает свою работу намеком на создателя триады. «Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж Царского совета, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их глубоко мыслию, и они положены в основу воспитания народа»⁴⁴⁴.

Статья Шевырева привлекла внимание как общественности, так и правящих кругов. В частности, о ней высоко отзывался Хомяков⁴⁴⁵, и она была одной из тех трех публикаций первого номера «Москвитянина», которые Уваров представил Николаю I⁴⁴⁶. Самое главное, что здесь мы видим славянофильские идеи, выраженные не славянофилами. Загнивающий Запад, Россия, перед которой открывается светлое будущее, особая миссия русского народа, – все это темы, без которых ни ранее славянофильство, ни эпигоны этого течения, ни другие близкие к нему направления русского консерватизма не мыслимы.

Еще одной общей идеологической линией «Москвитянина» и славянофилов было шеллингианство. В связи с вопросом философских влияний и споров, мы считаем необходимым сделать некоторые оговорки. По нашему мнению, славянофилов и западников, а также печатные издания, которые ими выпускались, можно разделить не только по разности позиций относительно русской истории и путей развития страны, но и по философским влияниям, которые испытывали представители кружков.

Традиционно отмечается, что на русскую философию наибольшее влияние оказал Шеллинг. Нам представляется это высказывание не совсем точным. Влияние Шеллинга, конечно, ощутимо, но не меньшее, на наш взгляд, влияние остается за Гегелем. Следует признать, что Шеллинг повлиял на славянофилов. Западники же находились под влиянием Гегеля. По крайней

⁴⁴³ Там же. С. 294.

⁴⁴⁴ Там же. С. 295.

⁴⁴⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6., 1892. С. 59.

⁴⁴⁶ Там же. С. 22.

мере, большая и самая влиятельная часть западников были гегельянцами. Многие входили в знаменитый кружок Станкевича, в котором изучение гегелевской философии было главным занятием. Были близки к Станкевичу, в частности, такие знаковые фигуры западнического движения как А.И. Герцен, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и многие другие. В таком искусственном разделении, как и в любой другой схеме, могут быть исключения. Чаадаев, например, был шеллингианцем, но в главном вопросе своего исследования - в вопросе о философии истории России, был ближе к Гегелю⁴⁴⁷. Также и некоторые из младших славянофилов (Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков) были в молодости гегельянцами. Аксаков даже входил в кружок Станкевича. Но в дальнейшем их отношение к Гегелю изменилось.

Такое положение дел вполне закономерно. Гегель в своей философии истории объявлял Западную Европу вершиной мирового развития. Это вполне согласовалось с взглядами западников. Шеллинг со своей религиозностью и интересом к культурологическим исследованиям импонировал славянофилам.

Это мнение является доминирующим, но не единственным. Например, не так давно в журнале «Историческая экспертиза» была опубликована статья А.А. Кочековского «Диалектика немоты: историзм И. Киреевского между социальной и трансцендентальной философией»⁴⁴⁸. В ней автор настаивает на том, что на мысль и язык И.В. Киреевского, главной философской силы славянофилов, огромное влияние оказало творчество Гегеля. Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку, на наш взгляд, оно основано на двух сомнительных основаниях. Первым из них является выбор анализируемого

⁴⁴⁷ Вопрос о влиянии философско-исторических взглядов Гегеля и Гердера на концепцию Чаадаева был рассмотрен нами в статье «Влияние немецкой философии XIX в. на историософскую концепцию П.Я. Чаадаева» (Лебедянцев И.М. Влияние немецкой философии XIX в. на историософскую концепцию П.Я. Чаадаева // Наука молодых: сборник научных статей участников XIII Всероссийской научно-практической конференции (26–27 ноября 2020 г.). Арзамас, 2020. С. 395–397.

⁴⁴⁸ Кочековский А.А. «Диалектика немоты: историзм И. Киреевского между социальной и трансцендентальной философией» // Историческая экспертиза. 2022 // URL: <https://www.istorex.org/post/а-а-кочековский-диалектика-немоты-историзм-и-киреевского-между-социальной-и-трансцендентальной> [дата обращения 21.04.2024]

материала. Исследователь говорит о славянофильских взглядах Киреевского, но в качестве одной из двух анализируемых в статье работ прославленного славянофила берется «Девятнадцатый век». Эта публикация и вправду является одним из самых известных трудов представителя «московской партии», однако она была создана в дославянофильский период творчества Киреевского. Ее с некоторыми оговорками можно было бы даже назвать «западнической». Яркий пассаж характеризует исторические взгляды Киреевского той поры. «Жизнь европейского просвещения девятнадцатого века не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы. Изменения и развитие сей жизни отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали. Какая-то китайская стена стоит между Россиею и Европою и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает»⁴⁴⁹. Поэтому, анализируя «Девятнадцатый век», говорить о «противоречиях славянофильства», по крайней мере странно. Эта статья не имеет к славянофильству никакого отношения. Второе основание – априорное принятие положения о том, что диалектика единства, множества (или раздвоенности) и тождества является непременным атрибутом гегелевской философии. Тогда как наличие этих элементов является необходимой чертой философии Шеллинга (особенно в ранний период). Киреевский сам отмечает единство направления Гегеля и Шеллинга в своей статье⁴⁵⁰. А потом излагает последние воззрения Шеллинга и продолжает развивать свои взгляды согласно новейшим изысканиям немецкого мыслителя⁴⁵¹. Поэтому мы считаем, что представленное

⁴⁴⁹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 89.

⁴⁵⁰ Там же. С. 86.

⁴⁵¹ Там же. С. 86-87.

в статье А.А. Кочековского мнимое гегельянство Киреевского, является на самом деле шеллингианством.

Таким образом, мы можем говорить про разделение журналов в 1840-е гг. не только на славянофильские и западнические, либеральные и консервативные, но и на шеллингианские и гегельянские. Или на импонирующие этим философским течениям.

Журнал Погодина, безусловно, был шеллингианским. В первую очередь, за счет трудов С.П. Шевырева, который был горячим поклонником философии Шеллинга. И в номерах 1841 года, и позднее Шевырев восхвалял своего интеллектуального кумира в противовес вошедшему в моду Гегелю. На охлаждение между издателями «Москвитянина» и младшими славянофилами из-за гегелевской философии указывает запись в дневнике Погодина после посещения Аксаковых. «Больно. Гегелева философия, ха, ха, ха, разлучает меня с добрыми людьми»⁴⁵². Вместе с тем, это шеллингианство не занимало в «Москвитянине» большого места, и поскольку редактором «Москвитянина» был Погодин, журнал больше был ориентирован на изучение вопросов отечественной истории, а не на штудии немецкой классической философии. Кроме того, в «Москвитянине» в 1841 году печатался П.Г. Редкин, гегельянец и западник. Он напечатал в восьмом номере журнала статью под названием «Обозрение Гегелевской логики»⁴⁵³.

Также общими между славянофилами и «москвитянами» являются и некоторые другие характерные для консервативной печати конца XVIII – первой половины XIX вв. темы, возникавшие в полемике со сторонниками западного пути развития. Впервые такая полемика развернулась на страницах журнала «Зритель» в 1792 г. Подробный обзор взглядов редакции «Зрителя» и их сравнение с идеями славянофилов осуществлены нами в отдельной

⁴⁵²Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб., 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6, 1892. С. 54.

⁴⁵³Москвитянин. 1841. Ч. IV. № 8. Отд. Науки. С. 410-446.

работе⁴⁵⁴. Здесь же, говоря о связи консерваторов XVIII в. с идеями славянофилов стоит отметить интересную биографическую особенность. В свое время большое влияние на С.Т. Аксакова, отца славянофилов К.С. и И.С. Аксаковых и видного представителя кружка, на его увлечение театральным искусством оказал главный идеолог «Зрителя» П.А. Плавильщиков⁴⁵⁵.

Итак, по ряду моментов повестка «Москвитянина» может быть названа славянофильской. Это, как уже было сказано, отношение к Москве, критика петербургской журналистики, антizападная тема, общие для консервативных групп ценности, шеллингианство и интерес к истории славянских народов. Однако, несмотря на уже упоминавшиеся заявление Венгерова, относящего «Москвитянина» к «правоверному славянофильству», погодинский журнал включал в себя, говоря современным языком, контент, не слишком подходящий для печатного органа «славян». А иногда между редакцией «Москвитянина» и славянофилами возникали публицистические полемики по некоторым идеяным вопросам.

Одной из главных, можно сказать, передовых статей, дебютного номера «Москвитянина» была работа М.П. Погодина «Петр Великий»⁴⁵⁶. Хотя обычно номера журнала открывались рубрикой «Изыщная словесность», в которой печатались стихи, первый выпуск «Москвитянина» начинался со статьи, посвященной Петру I. В ней Погодин восхваляет царя-преобразователя, пишет, что своим видом и всеми формами бытия современная Россия обязана именно ему и т.д. Помимо общего панегирического восхваления первого российского императора статья содержит полемику с его критиками. «Говорят: Петр Великий, введя Европейскую цивилизацию, поразил Русскую национальность»⁴⁵⁷. Погодин отрицает это обвинение. Вполне возможно, что в данном случае он критикует идеи славянофилов. По мысли Погодина, влияния

⁴⁵⁴ Лебедянцев И.М. «Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель» // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1. С. 37-44.

⁴⁵⁵ Манин Ю.В. Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016. С.227-229.

⁴⁵⁶ Москвитянин. 1841. Ч. I. № 1. С. 3-29.

⁴⁵⁷ Там же. С. 11.

Европы, вхождения в орбиту ее культуры и образованности все равно нельзя было избежать. Запад был более технически и культурно развит. К тому же Россия – часть Европы, поэтому осуществленное Петром движение в сторону западных ценностей – шаг необходимый и единственно верный. Если европейские ценности и являются злом, то это «зло необходимое, неизбежное»⁴⁵⁸.

Славянофилы никак не отвечали на статью Погодина и на выпад против них. Но этого в тот период сделать было невозможно. Образ Петра был в тот момент очень важен для идеологии николаевского царствования. Личность Николая I часто сравнивалась с фигурой великого преобразователя и, как отмечает Ц. Виттакер, это «стало в ту пору чуть ли не навязчивой идеей»⁴⁵⁹. Критика петровских преобразований легко могла вызвать цензурные сложности, как и в целом критика любого из русских монархов. С подобными сложностями сталкивались как славянофилы, так и сам М.П. Погодин. Например, К.С. Аксаков во время печатания своей диссертации столкнулся с противодействием попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова, который усмотрел крамолу в резких отзывах диссертанта о личности Петра Великого. В итоге работа Аксакова все же была допущена к защите, но это стоило молодому славянофилу и его окружению многих сил и нервов⁴⁶⁰.

В плане сравнения исторических воззрений М.П. Погодина и славянофилов обращают на себя внимание две публицистические полемики, имевшие место на страницах «Москвитянина» в 1842 и 1845 гг.

В 1842 году мы встречаемся с полемикой между М.П. Погодиным и А.Н. Поповым. Редактор «Москвитянина» написал отзыв на диспут молодого славянофила⁴⁶¹. Работа Попова была посвящена Русской правде. Попов не

⁴⁵⁸ Там же. С. 12.

⁴⁵⁹ Виттакер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С.114-115.

⁴⁶⁰ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб., 2019. С.244-245.

⁴⁶¹ Русская правда, в отношении к уголовному праву. Рассуждение на степень магистра, Кандидата Московского Университета, А. Попова, 1841, Москва // Москвитянин.

остался в долгу и уже в следующем номере «Москвитянина» появился его ответ на критику заслуженного ученого и журналиста⁴⁶². Статья Попова была выдержана в резком и полемичном стиле. Сам издатель «Москвитянина» на «Антикритику» молодого ученого уже не отвечал. Но в шестом номере появились «Замечания на Антикритику г. Попова»⁴⁶³, написанную кем-то из редакции журнала. Здесь опровергались возражения Попова Погодину и показывалась правота известного профессора. Главным моментом работы Попова, на который нападает Погодин, было утверждение о том, что «Русская правда» «выросла на нашей славянской почве». В противоположность этому редактор «Москвитянина» утверждал, что этот древнерусский сборник законов является типичной варварской правдой.

Нужно отметить, что причиной такого полемического накала между М.П. Погодиным и А.Н. Поповым были еще и личные сложности. Судя по всему, во время защиты своего диссертационного исследования, на которой присутствовал и Погодин, Попов грубо и резко отвечал на замечания известного московского профессора.

Своеобразным продолжением этой «норманнской» полемики среди московских консерваторов является спор М.П. Погодина и П.В. Киреевского. Подробности этой дискуссии, тезисы, выдвигаемые Погодиным и Киреевским, описаны в статье С.В. Удалова⁴⁶⁴.

В 1845 году Петр Васильевич напечатал в «Москвитянине» большую работу «О древней русской истории (письмо к М.П. Погодину)»⁴⁶⁵. Она была ответом на статью М.П. Погодина, появившуюся в «Москвитянина» в том же

1842. Ч. II. № 4. Отд. Критика. С. 507-513. В оглавлении журнала она названа просто «Диспут Кандидата Попова».

⁴⁶² Замечания на критику Г. Погодина Русской Правды, в отношении к уголовному праву // Москвитянин. 1842. Ч. III. № 5. Отд. Критика. С. 176-182.

⁴⁶³ Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. Отд. Критика. С. 374-379.

⁴⁶⁴ Удалов С.В. М.П. Погодин и П.В. Киреевский в 1845 г.: от научной дискуссии к идеологическому противостоянию// Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ. Саратов, 2010. Ч. 1. 600 с. С. 177-185.

⁴⁶⁵ Москвитянин. 1845. Кн. II. № 3. Отд. Отд. Науки. С. 11-46.

году, «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала»⁴⁶⁶. С точки зрения Погодина, русское государство отличается от западноевропейских своим началом. А начало, принципы, заложенные в основание государственности, становятся его фундаментом, определяющим дальнейшее развитие. Русь образовалась путем добровольного принятия правителя (имеется ввиду Призвание варяг 862 г.), тогда как в Европе имело место завоевание. Итак, в основе русского мировосприятия лежит добровольное подчинение властям, а западные государства, образовавшиеся в результате войн и нестроений, стали обществом, в котором мы видим войну всех против всех. При этом важным моментом в статье Погодина была его идея о пассивности славянского начала. Восточнославянские племена предстают в его изложении бесформенной материей, которая оживает и принимает разумные формы только после того, как ее коснется животворная идея норманизма. Именно эта мысль Погодина и стала причиной для дальнейшей полемики.

Киреевский, естественно, не соглашается с Погодиным. Он считает, что причиной пренебрежительного взгляда на древнерусскую историю, который он видит в статье Погодина, являются Шлётцер и другие немецкие историки. Они «вообразили себе Россию прежде варягов каким-то хаосом»⁴⁶⁷. Киреевский приводит много аргументов против взглядов Погодина, доказывая, что славяне сами создали свои общественные институты, а варяги стали только внешней силой, способствовавшей объединению восточнославянских земель в одно целое. В своих исторических разысканиях П.В. Киреевский не ограничивается рассмотрением одних только восточнославянских племен, обращаясь также к истории южных и западных славян, демонстрируя глубокое знание источников и современной ему научной литературы.

⁴⁶⁶ Москвитянин. 1845. Кн. I. № 1. Отд. Отд. Науки. С. 1-18.

⁴⁶⁷ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Отд. Науки. С. 15.

В том же номере «Москвитянина» была напечатана и антикритика М.П. Погодина⁴⁶⁸. В своей статье «Ответ П. В. Киреевскому», Погодин опровергал аргументы славянофила. Не обошелся хозяин «Москвитянина» и без личных выпадов в адрес своего оппонента. Так, в начале статьи он пишет: «Очень рад, что мое рассуждение возбудило вас к литературной деятельности, которая давно обещает вам столько чести»⁴⁶⁹. Те, кто знал П.В. Киреевского и обстоятельства его жизни и творческого пути, не могли не понять, на что в этом пассаже указывает своему антагонисту Погодин. Петр Васильевич долгое время занимался собиранием русских песен, готовя их к изданию. Об этом его увлечении знал свет, многие литераторы и ученые отправляли ему найденные ими песни; можно даже сказать, что в литературных кругах Киреевский-младший был уже известен как собиратель русского фольклора. Но за много лет своей собирательской и «издательской» деятельности Киреевский так практически ничего и не издал. Фраза «литературная деятельность, которая давно обещает вам столько чести» относится именно к этому аспекту деятельности славянофильского автора.

Таким образом, в этих двух дискуссиях М.П. Погодина со славянофилами, касающихся граней норманнского вопроса, мы можем выявить одно из идеологических отличий между двумя исследуемыми группами мыслителей. М.П. Погодин был крайним норманистом, и когда дело касалось первых веков русской истории, основу государственных и культурных начал он усматривал в норманнском влиянии. Для славянофилов, естественно, такой подход был неприемлем. Они, не опровергая идеи «призыва, а не завоевания», проводимой Погодиным, видели в пришедших на Русь варягах, скорее, внешний фактор, способствующий консолидации и объединению разрозненных восточнославянских племен, которые еще до прихода викингов выработали формы общественной организации. Несмотря на то, что славянофилы дискутировали с Погодиным, высказанные им мысли повлияли на

⁴⁶⁸ Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. Отд. Науки. С. 47-58.

⁴⁶⁹ Там же. С. 47.

формирование славянофильской доктрины. По крайней мере, на учение о «негосударственном» характере русского народа, разработанном К.С. Аксаковым. Это учение нашло отражение в ряде его работ и наиболее ярко было высказано в «Записке о внутреннем состоянии России»⁴⁷⁰ и дополнениях к ней⁴⁷¹. Аксаков также особо отмечает факт добровольного призыва варяг, а не внешнего завоевания и выводит из этого характеристику русского народа, как неполитического, заинтересованного не в юридических формах волеизъявления, а в поисках внутренней свободы. Схожесть между взглядами К.С. Аксакова и М.П. Погодина по данному вопросу отмечал и один из крупнейших исследователей славянофильской идеологии А. Валицкий⁴⁷².

Еще одним моментом, который показывает разность мнений по некоторым идеологическим вопросам редакции «Москвитянина» и славянофильского кружка, была небольшая «английская» дискуссия 1848 года. В этом году А.С. Хомяков напечатал в погодинском журнале статью «Письмо об Англии»⁴⁷³. Эта работа лидера славянофильства была типичной для Хомякова статьей, полной юмора, охватывающей многие темы и как всегда острой и отчасти, насколько это было возможно в период «Мрачного семилетия», провокационной. Начиналась она с утверждения, что англичане произошли от славян. Видимо, этой исходной установкой и стоит объяснять дальнейшее содержание публикации. На следующих почти сорока страницах журнального текста Хомяков утверждает, что англичане – лучшая из западноевропейских наций, а все стереотипы об английском народе (чопорность, неприветливость и проч.) – не более чем мифы. «Нигде не встречал я большего радушия»⁴⁷⁴, – отмечает отечественный философ. Кроме того, англичане очень схожи с русскими, а в Лондоне есть что-то такое, что

⁴⁷⁰ Русь. 1881. № 26. Политическое обозрение. С. 11-15.

⁴⁷¹ Аксаков Константин. Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым // Русь. М. 1881. № 28. Политическое обозрение. С. 12—14.

⁴⁷² Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 292.

⁴⁷³ Москвитянин. 1848. Ч. IV. № 7. Отд. Изящная словесность. С. 1-38.

⁴⁷⁴ Там же. С. 8.

напоминает знаменитому философиу Москву. «Кто видел Лондон, – пишет Хомяков, – тому в Европе из живых городов...остается только видеть Москву»⁴⁷⁵. Отмечается в статье и схожесть русских и английских народных песен⁴⁷⁶. Англия представляется Хомякову самой интересной европейской страной. Эта земля отличается от Франции или Германии, в ней нет того, что отталкивает славянофилов от Европы. Туманный Альбион находится на окраине Старого Света, он удален от континента и не до конца понятен его обитателям. «Я убежден, что за исключением России нет в Европе такой земли, которая была бы так мало известна как Англия»⁴⁷⁷.

Интересно, что, рассуждая о Британии, Хомяков как бы между делом упоминает пьесу Аксакова «Освобождение Москвы» и дает ей лестную характеристику⁴⁷⁸. Эту драму молодого члена славянофильского кружка подверг уничижительной критике М.П. Погодин в предыдущем томе «Москвитянина». Все это можно было бы считать совпадением, если бы автором «Письма об Англии» не был Хомяков. Известно, что Алексей Степанович славился своим чувством юмора и умением высмеять своих оппонентов, а подчас и друзей. Более чем вероятно, что это упоминание «Освобождения Москвы» было выпадом против М.П. Погодина, раскритиковавшего драму Аксакова. Естественно, редактор «Москвитянина» не мог не ответить лидеру славянофилов.

Статья «Несколько слов по поводу письма г. Хомякова об Англии» М.П. Погодина появилась в одиннадцатом номере журнала за 1848 год⁴⁷⁹. Оно написано в добром и миролюбивом духе. Погодин хвалит Хомякова за красочное, «объемное» изображение Англии⁴⁸⁰. Но вместе с тем находит автора «Письма» несколько односторонним. В частности, Погодин пишет, что сущность Англии, ее духа – это эгоизм, который Хомяков в своем обзоре

⁴⁷⁵ Там же. С. 5.

⁴⁷⁶ Там же. С. 19.

⁴⁷⁷ Там же. С. 7.

⁴⁷⁸ Там же. С. 30.

⁴⁷⁹ Москвитянин. 1848. Ч. II. № 11. Отд. Науки. С. 1-10.

⁴⁸⁰ Там же. С. 2.

просмотрел⁴⁸¹. Другим пороком англичан, по Погодину, является корыстолюбие⁴⁸². А также англичанам свойственна непомерная гордость⁴⁸³.

Стоит подчеркнуть, что Погодин нападает на общую характеристику английского народа, оставляя в стороне то, на что, казалось бы, должен был ответить в первую очередь. А именно, осталось без ответа упоминание в хомяковской статье раскритикованной Погодиным драмы. Также знаменитый московский профессор оставил без комментариев вступление «Письма об Англии», в котором лидер славянофилов излагал более чем спорную гипотезу о происхождении англичан от славян. Однако тут нужно отметить, что и когда Хомяков говорит, и когда пишет, не всегда понятно, делает он это серьезно или в очередной раз шутит. Возможно, изложенная Хомяковым история происхождения английской нации была расценена знаменитым профессором как очередная шутка его давнего товарища.

Но одной статьей ответ Погодина Хомякову не ограничился. В следующем, двенадцатом номере «Москвитянина» была опубликована работа Шатобриана «Англия и англичане»⁴⁸⁴. В ней, естественно, Шатобриан не входил в конфронтацию со славянофилами (статья была написана в 1801 году), однако публикация ее вслед за «Ответом» Погодина заставляет задуматься о том, что появилась она на страницах «Москвитянина» не случайно. В ней из уст известного французского писателя звучат мысли об Англии, созвучные мнению Погодина. Например, как и московский профессор, Шатобриан пишет, что главный порок англичан – гордость⁴⁸⁵. Таким образом, как Хомяков в рассказе об Англии между строк упоминал драму Аксакова, тем самым выступая против Погодина, так и редактор «Москвитянина» отвечал лидеру славянофилов не только своей статьей, но и словами известного французского писателя.

⁴⁸¹ Там же. С. 3.

⁴⁸² Там же. С. 7.

⁴⁸³ Там же. С. 8.

⁴⁸⁴ Москвитянин. 1848. Ч. II. № 12. Отд. Иностранная словесность. С. 73-83.

⁴⁸⁵ Там же. С. 74.

Появление «английской темы» на страницах «Москвитянина» не случайно. Это является выражением «цензурных тенденций» «Мрачного семилетия». Возможность печатать статьи в поддержку Англии и произведения английских писателей были отличительной чертой этого периода. Франция воспринималась как рассадник революционных идей, а романы и повести французских писателей априори признавались неблагонадежными. Немецкие писатели тоже вызывали недоверие. «Весна народов» в 1848-49 гг. захватила не только Францию, но и прокатилась по немецким землям. Это не значит, что произведения французских и немецких авторов не печатались в этот период совсем, но отношение к ним было настороженное, и пройти цензуру им было в разы сложнее. Поэтому Англия была единственной из европейских держав, на которую могли ориентироваться российские издатели и публицисты. Этим объясняется засилье переводной английской литературы в отечественных изданиях в означеный период. Как отмечает С.М. Волошина, «просмотр оглавления основных толстых журналов за «мрачное семилетие» приводит к неизбежному выводу: абсолютное большинство иностранной прозы принадлежит английским (и англоязычным) авторам»⁴⁸⁶. При этом неправильно было бы думать, что статья Хомякова была написана под влиянием политической конъюнктуры. Нет, интерес к Англии у Алексея Степановича возник задолго до «мрачного семилетия». Можно вспомнить хотя бы его статью, затрагивающую вопросы английской жизни и быта, «Спорт (охота)», помещенную на страницах «Москвитянина» в 1845 году⁴⁸⁷.

В дальнейшем «английская тема» продолжала не раз появляться на страницах «Москвитянина». Показательной в этом отношении является статья «Англия и Россия», появившаяся в журнале Погодина в следующем, 1849 году⁴⁸⁸. Эта публикация ярко иллюстрирует политические тенденции, царившие в русской публицистике конца 1840-х гг. «В наше время, – пишет

⁴⁸⁶ Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022. С. 511.

⁴⁸⁷ Москвитянин. 1845. Ч. I. № 2. Отд. Смесь. С. 24-33.

⁴⁸⁸ Москвитянин. 1849. Ч. I. № 4. Отд. Московская летопись. С. 95-113.

«Москвитянин» в образованной Европе, есть два великие государства, которые могут понимать друг друга в своей непоколебимой и самостоятельной народности... Оба равно огромны, и как будто разделили между собою планету на сушу и на воды: одно царица твердой земли, другое царица моря. Эти государства Россия и Англия»⁴⁸⁹. Из данного пассажа видно, что к 1849 году редакция «Москвитянина» уже изменила свое мнение об Англии. Видимо, в 1848 году, в начале «мрачного семилетия» новые идеологические и внешнеполитические тенденции были еще не совсем понятны, поэтому редактор «Москвитянина» и выступил с критикой идей Хомякова. К 1849 году политическая конъюнктура стала уже ясна, поэтому Англии на страницах отечественной периодики становится все больше.

Англомания славянофилов была чужда М.П. Погодину. Однако стоит отметить, что расхождение это не имело большого значения для обеих сторон. Вопрос об Англии не находился в центре внимания ни славянофилов, ни «Москвитянина»: и тех, и других интересовала история России. Поэтому дальнейшего развития небольшая публицистическая перепалка Хомякова с Погодиным не получила. То, что для московского профессора «английская тема» не была так уж важна и принципиальна, видно и из того, что начиная с 1849 года, в «Москвитянине», как и во всех ведущих журналах страны в тот период, начинают активно печататься английские переводные романы и статьи, посвященные «Туманному Альбиону». Общая тенденция «Мрачного семилетия» затронула и погодинский журнал. Зная характер М.П. Погодина, можно с уверенностью сказать, что если бы нелюбовь к англомании была бы для него принципиальным вопросом, он никогда не позволил бы «Москвитянину» следовать этой моде.

Итак, подводя итог рассмотрению взглядов славянофилов и редакции Погодина, нашедших отражение на страницах «Москвитянина», мы можем сделать вывод о том, что идеологические расхождения между славянофилами и погодинской редакцией, безусловно, существовали. Иногда они перерастали в

⁴⁸⁹ Там же. С. 96.

публицистические полемики, однако эти идейные столкновения не играли значительной роли в отношениях славянофилов и редакции «Москвитянина». Все сложности, которые возникают между членами кружка и М.П. Погодиным связаны с личными неурядицами. Намного больше было идеологических моментов, которые объединяли авторов «Москвитянина» и членов славянофильского кружка. Наоборот, повестка погодинского журнала оказалась очень близка к славянофильству по ряду пунктов. На наш взгляд, было бы правильнее сказать, что у славянофилов есть несколько идей, которые не находят (или находят, но частичный) отклика у издателей «Москвитянина». Это, в первую очередь, взгляд на место Петра I в русской истории, повышенный интерес к крестьянской общине, идея соборности и некоторые другие. Тогда как по ряду главных, ключевых для спора западников и славянофилов, вопросов мнения «москвичей» и журналистов «Москвитянина» сходятся, а в некоторых моментах, кажется, что Шевырев или Погодин высказывают славянофильские идеи «с опережением», до того, как эти мысли были высказаны представителями самого кружка (по крайней мере, в печати).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения между славянофилами и классической редакцией «Москвитянина» (в первую очередь – с М.П. Погодиным) были непростыми. С одной стороны, погодинское издание было единственным литературным журналом, который готов был всегда (или практически всегда) предоставить свои страницы членам славянофильского кружка, с другой – славянофилы в основном относились негативно к журналистской деятельности Погодина и зачастую отказывались давать ему для публикации свои материалы. Исследовав номера «Москвитянина» за 1841-1856 гг., архивные материалы и эгоисточники, мы пришли к выводу, что на взаимоотношения редакции издания и членов славянофильского кружка, и, как следствие, на публицистику славянофилов в «Москвитянине», воздействовало несколько факторов. А именно: личные отношения, цензура, публицистическая активность западников и идеологическая составляющая. Именно эти четыре фактора и определяли, с одной стороны, характер публицистической активности славянофилов в журнале М.П. Погодина, с другой – особенности взаимоотношений между редакцией «Москвитянина» и членами славянофильского кружка.

Сложные личные взаимоотношения, на наш взгляд, являются главной причиной недопониманий, возникавших между славянофилами и редакцией «Москвитянина». Эти сложности были обусловлены несколькими причинами. Первая – характер отношений внутри этих двух групп. Славянофилы были группой неформальной, не имеющей одного ярко выраженного лидера. Лидеров было несколько. Среди них были лидеры «литературные», т.е. те авторы, произведения которых вызывали наибольший интерес у читающей публики. Здесь стоит выделить в первую очередь А.С. Хомякова и С.Т. Аксакова. Были лидеры «философские», определявшие идеологическую повестку славянофильского кружка. Таким человеком был, например, И.В. Киреевский. Были лидеры «социальные», которые выступали организаторами

издательской деятельности (Д.А. Валуев, И.С. Аксаков) или популяризовали славянофильство в салонных спорах (А.С. Хомяков). Редакция «Москвитянина» являлась, в свою очередь, формальной группой, имевшей руководителя. Славянофилы, провозглашая идеал общинности, тяготели к коллегиальности. М.П. Погодин, занимавший руководящие должности в Московском университете и являвшийся хозяином журнала, привык быть единоличным лидером. Помимо него такими же «властными» полномочиями в редакции журнала обладал разве что С.П. Шевырев. Кроме того, отличительной характеристикой славянофильского кружка, как отмечают многие исследователи, была его «семейственность»⁴⁹⁰. Члены кружка происходили из одной среды и чаще всего находились друг с другом в родственных отношениях. В этом правиле тоже бывали исключения (например, Ф.В. Чижов), но они были очень редки.

Вторая причина – поколенческий конфликт. М.П. Погодин не ладил с младшим поколением славянофилов. В первую очередь, с К.С. Аксаковым. Сложности между ними возникали порою и из-за «Москвитянина». В частности, в самом начале существования журнала, С.П. Шевырев и М.П. Погодин отказались печатать статью Аксакова о «Мертвых душах» Гоголя, что было редчайшим, из ряда вон выходящим случаем, в истории взаимоотношений славянофилов и «москвитян». Позднее Погодин позволял себе в резкой форме критиковать писательские таланты Константина Сергеевича. В результате, все семейство Аксаковых и младшее поколение славянофилов, лидером которых был Константин Сергеевич, отвернулись от погодинского журнала. В связи с этим в «Москвитянине» печатались в основном представители старшего поколения кружка. Т.е. А.С. Хомяков, семейство Киреевских-Елагиных, С.Т. Аксаков. Тогда как младшие члены славянофильского сообщества крайне редко предоставляли свои материалы М.П. Погодину. Такие яркие представители

⁴⁹⁰ Флоренский П.А. Около Хомякова. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1916. С. 42; Тесля А. Славянофилы: home // <https://yandex.ru/video/preview/14649166581920579109> [дата обращения 23.02.2024] минута 19 и далее.

младшего поколения «славян» как Ю.Ф. Самарин и И.С. Аксаков напечатали на страницах «Москвитянина» только по одной-две публикации. Причем, если Самарин отметился огромной и важной для истории общественной мысли статьей, то Иван Сергеевич поместил в журнале Погодина два небольших стихотворения. В Приложении № 2 нами указано, кто из славянофилов сколько материалов опубликовал в погодинском издании. Из этого списка видно, что старшее поколение «москвичей» печаталось в «Москвитянине» в два раза чаще, чем К.С. Аксаков и его сверстники.

Другим фактором, разделявшим славянофилов и Погодина, являются идеологические различия между редакцией «Москвитянина» и членами кружка. Таких различий, иногда перераставших в небольшие публицистические полемики, было несколько. Этими «разделяющими» моментами было отношение к личности Петра I, отношение к Англии, трактовка норманнского вопроса и некоторые другие. Однако, судя по источникам, эти идеологические разногласия не становились причинами серьезных конфликтов между представителями рассматриваемых групп. Намного больше было того, что объединяло членов кружка с М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и их сотрудниками. Таких общих моментов и идей было много. Во-первых, «общеконсервативная» повестка. Т.е. поддержка монархии, положительное отношение к Православию, критический настрой по отношению к Западу и проч. Причем некоторые идеи, которые традиционно приписываются славянофилам, высказываются авторами «Москвитянина» «с опережением» (например, знаменитые слова «Запад гниет», принадлежат не «славянам», а С.П. Шевыреву). Во-вторых, это ряд идей, мыслей, терминов, которые были выработаны в среде «московских консерваторов» или являлись частью общественной антizападнической полемики уже с конца XVIII века.

Личный конфликт Погодина с младшим поколением славянофилов и некоторые идеологические расхождения были факторами, разделявшими членов кружка и редакцию «Москвитянина». Однако были и факторы, которые способствовали их сближению. Одним из них была цензура.

Как ни странно, это негативное общественное явление иногда давало положительные результаты, консолидируя силы московских консерваторов вокруг единственного доступного им печатного органа. Неудачные попытки славянофилов обзавестись собственным журналом, помехой чему служило цензурное законодательство, привело к нескольким попыткам купить журнал или взять его в аренду. В итоге, в 1845 году редактором «Москвитянина» (правда, на очень короткое время) становится И.В. Киреевский. Кроме того, хотя славянофилы часто «порывали» с «Москвитянином», но иногда были вынуждены печатать свои статьи в журнале Погодина за неимением собственного органа. Притом нужно отметить, что цензурные сложности, которые возникали у «Москвитянина» и, соответственно, у его передовых авторов (а среди них поначалу был и А.С. Хомяков) не отпугивали славянофилов, как это было показано на примере цензурных перипетий 1841-1842 гг.

Другим консолидирующим фактором была деятельность западников. Мы можем отметить следующую закономерность: активность или столкновения с западниками вызывают рост числа публикаций славянофилов на страницах «Москвитянина». Можно выделить несколько таких моментов активности. 1842 год – время, когда происходит размежевание позиций «славян» и западной партии⁴⁹¹; в этот же год происходит столкновение К.С. Аксакова и В.Г. Белинского по поводу «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. 1844-1845 гг. – время окончательного разрыва (часто даже личного) представителей двух интеллектуальных лагерей. Именно в это время славянофилы обращаются к изданию сборников и берутся за редакторскую деятельность в «Москвитянине». 1847 год – западники обзаводятся новым журналом (покупают «Современник») и публикуют в первом его номере свои программные статьи.

⁴⁹¹ Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2. С. 191.

Стоит отметить и влияние отношений между М.П. Погодиным и славянофилами на характер «Великого спора» 1840-х гг. «Москвитянин» был единственным литературным изданием, который члены славянофильского кружка могли на постоянной основе использовать в полемике с западниками. То, что они не смогли наладить отношения с М.П. Погодиным было причиной того, что, как отмечал А. Валицкий, журнальных полемик между западниками и славянофилами в этот период было очень мало⁴⁹².

⁴⁹² Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 512.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

I. Источники

1.1. Архивные материалы

1.1.1. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф.31. (Московский цензурный комитет при Московском университете):

1. Оп. 1. Д. 16. Книга для записей рукописей и книг.
2. Оп. 1. Д. 17. Книга для записей рукописей и книг.
3. Оп. 1. Д. 18. Книга для записей рукописей, книг, нот и картин.
4. Оп. 1. Д. 19. Книга для записей рукописей, книг, нот и картин.
5. Оп. 1. Д. 56. Журналы входящих бумаг. 2 января 1853 г. – 30 декабря 1853 г.)
6. Оп. 1 Д. 67. Журнал исходящих бумаг. 2 января 1852 г. – 4 декабря 1852 г.
7. Оп. 1. Д. 111. Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 14 января 1844 г. – 10 ноября 1844 г.
8. Оп. 1. Д. 112. Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 3 мая 1846 г.
9. Оп. 1. Д. 131. Объяснения цензоров к запрещенным изданиям.
10. Оп. 1. Д. 281. Рукопись К. Аксакова «О современном литературном споре», «О славянском направлении».
11. Оп. 4. Д. 401. А. Григорьев. «Знайте наших, та-неглазуйте». – Малороссийские стихотворения.
12. Оп. 4. Д. 402. А. Григорьев. «Неправдою не наживешь или, как что нажито, так все прожито» - комедия-водевиль.
13. Оп. 4. Д. 426. И. Аксаков, И. Киреевский и др. «Московский сборник». Т.II.

1.1.2. Российский государственный архив литературы и искусства

14. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Ед. хр. 7. Письмо А. Х. Бенкендорфа С. Т. Аксакову о запрещении продажи трагедии М. П. Погодина "Марфа, посадница Новгородская".
15. Ф. 10 (Аксаковы). Оп.1. Ед. хр. 26. Письма Аксакова Константина Сергеевича Аксаковым: Сергею Тимофеевичу и Ольге Семеновне.
16. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Ед. хр. 61. Письма Погодина Михаила Петровича Аксакову Сергею Тимофеевичу.
17. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Ед. хр. 108. Письма Погодина Михаила Петровича К. С. Аксакову.
18. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Ед. хр. 116. В. С. Аксакова. Дневник (1861).
19. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 2. Ед. хр. 22. Письмо Попова Александра Николаевича.
20. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 39. Квитанция, выданная С.Т. Аксакову из книжной лавки при конторе журнала "Москвитянин" о приеме книги "Записки ружейного охотника" на комиссию.
21. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 2031. Письма Киреевского Ивана Васильевича Вяземскому Петру Андреевичу. Приложены копии писем от 1832 г., 4 сентября и 11 октября 1833, 5 февраля 1834. Письмо от 6 декабря 1855 опубликовано в журн. "Русская Литература" № 4, 1966, стр. 131-135. На л. 2 наброски стих. П. А. Вяземского.
22. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 2812. Письма Стурдзы Александра Скарлатовича Вяземскому Петру Андреевичу. На русском и французском языках.
23. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 3558. Выписка из всеподданнейшего доклада министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова от 19 мая 1852 о статьях И. В. Киреевского и А. С. Хомякова в 1 и 2 тт. "Московского сборника".
24. Ф. 314 (Максимович Михаил Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 27. Письмо Киреевского Петра Васильевича М. А. Максимовичу.

25. Ф. 373 (Погодин Михаил Петрович). Оп. 3. Ед. хр. 10. Донесение М. П. Погодина министру народного просвещения С. С. Уварову о славянах.
26. Ф. 1205 (Эдельсон Евгений Николаевич). Оп. 1. Ед. хр. 125. С.П. Шевырев. Программа литературного журнала "Москвитянин". Черновик.
27. Ф. 1571 (Коллекция Г.В. Юдина). Оп. 1. Ед. хр. 2757. Письма М.П. Погодина министру просвещения С.С. Уварову и ответы последнего. Л. 7: письмо Грота Якова Карловича Погодину М.П. 3/ Письма к Погодину М.П.

**1.1.3. Российский государственный исторический архив. Ф.772
(Главное управление цензурой министерства народного просвещения):**

28. Оп.1. Д.1017. Дело о разрешении профессорам М. П. Погодину и С. П. Шевыреву издания журнала "Москвитянин" и о замечании издателю и цензору за помещенные в №3 этого журнала за 1841 год, анекдоты с насмешками над чиновниками.
29. Оп. 1 Д. 1540. Дело о запрещении для журнала "Библиотека для чтения" трагедии И. И. Лажечникова "Опричник" за изображение насилий и жестокости Ивана Грозного.
30. Оп. 1 Д. 1550. Дело об указании попечителю Московского учебного округа на обязанность цензуры охранять интересы и престиж дружественных с Россией государств (Австрии и Турции) при пропуске статей, изображающих угнетение ими славянских народов.
31. Оп. 1 Д. 1551. Дело о предписании цензурным комитетам представлять на предварительное рассмотрение Главным управлением цензуры статьи, касающиеся заключения условий между крестьянами и помещиками по указу 2 апреля 1842 года, в связи со статьей А. С. Хомякова "О сельских условиях", в журнале "Москвитянин", № 6, вызвавшей возражения А. Х. Бенкендорфа.

32. Оп. 1 Д. 1577. Дело о сообщении Петербургскому и Московскому цензурным комитетам отрицательного отзыва А. Х. Бенкендорфа о стихотворении М. Ю. Лермонтова "Последнее новоселье" в переводе на французский язык, помещенном в журнале "Отечественные записки", декабрь, и признанном Бенкендорфом оскорбительным для французского правительства.
33. Оп. 1 Д. 1605. Дело о запрещении по распоряжению Николая I для журнала "Москвитянин" отрывка из записок графа Ф. В. Ростопчина "Последний день жизни императрицы Екатерины и первый день царствования императора Павла I".
34. Оп. 1 Д. 1748. Дело о разрешении упоминания в Симбирском сборнике о появлении в Черногории самозванца, выдававшего себя за Петра III.
35. Оп. 1 Д. 1834. Дело об исключении части текста из рукописи для журнала "Москвитянин", "Материалы для истории пугачевского бунта, почерпнутые из бумаг, оставшихся после князя М. Н. Волконского" и корректурного листа "О пугачевском бунте".
36. Оп. 1 Д. 1955. Дело о запрещении статьи К. С. Аксакова "О современном литературном споре", по поводу статьи в журнале "Современник", № IV - за резкость тона при обсуждении особо важных вопросов.
37. Оп. 1 Д. 1960. Дело о разрешении издателю журнала "Москвитянин" М. П. Погодину в 1847 году выпускать журнал в 4-х книгах, вместо 12-и и в 1848 году снова ежемесячно.
38. Оп. 1 Д. 2090. Дело о замечании цензору за пропуск в журнале "Москвитянин", № 4 статьи С. П. Шевырова "Отголоски о новом происхождении имени славян и славянофилов", отосланной на усмотрение министра народного просвещения и им запрещенной.
39. Оп. 1 Д. 2137. Дело об исключении из статьи "Первоначальное состояние государственного хозяйства в Англии", для журнала "Москвитянин", анекдота о Генрихе VIII.

40. Оп. 1 Д. 2142. Дело об одобрении Николаем I статьи А. А. Краевского в журнале "Отечественные записки", № 7 "Россия и Западная Европа в настоящую минуту" и о запрещении статьи "Несколько слов и выписок по поводу статьи "Россия и Западная Европа в настоящую минуту", для журнала "Москвитянин", как содержащей обсуждение статьи Краевского.
41. Оп. 1 Д. 2161. Дело о разрешении для журнала "Москвитянин" стихотворения С. П. Шевырева "30 августа 1848 года".
42. Оп. 1 Д. 2200. Дело о запрещении статьи А. С. Хомякова (без названия) для журнала "Москвитянин" за критическое изображение прошлого и настоящего положения России.
43. Оп. 1 Д. 2242. Дело о запрещении статей, касающихся правительственные учреждений и университетов в частности, в связи с остановившими внимание Комитета 2 апреля 1848 года статьями: "О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании И. И. Давыдова" ("Современник", № III) и "Почетный гость на лекциях университета" ("Москвитянин", № 7).
44. Оп. 1 Д. 2425. Дело о запрещении к печати статьи В. А. Жуковского "Английская и русская политика" (перевод С. П. Шевырева из газеты "Allgemeine Zeitung", - за критику Англии, и статьи генерал-адъютанта С. П. Шипова "О любителях славянства в России" - в связи с политической остротой вопроса.
45. Оп. 1 Д. 2529. Переписка с попечителем Московского учебного округа в драме К. С. Аксакова "Освобождение Москвы в 1612 году" и статье, посвященной ей в газете "Московские ведомости", за № 149, в связи с опасением, что содержание драмы могло возбудить враждебное отношение к высшим сословиям.
46. Оп. 1 Д. 3059. Дело об отказе в разрешении С. Т. Аксакову издания в Москве "Охотничьего сборника", ввиду неблагоприятного отзыва о его служебной и литературной деятельности III отделения.

1.2. Законодательные акты

47. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862.
48. Устав о цензуре: [Утв. 22 апр. 1828 г.: с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. Санкт-Петербург: тип. Деп. нар. прос., 1829. 101 с.
49. Устав о цензуре 1804 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862. С. 81-87.
50. Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862. С. 125-196.

1.3. Периодические издания

51. Денница, альманах на 1830 год. Москва: В Университетской типографии, 1830.
52. Денница, альманах на 1831 год. Москва: В типографии Августа Семена при Императорской Медик. Хирург. Академии, 1831.
53. Денница, альманах на 1834 год. Москва: В Университетской типографии, 1834.
54. Киевлянин, книга первая, на 1840 год. Киев: В Университетской типографии, 1840.
55. Маяк. 1841. № 17.
56. Москвитянин. 1841-1856.
57. Отечественные записки. 1842. Т.ХХIII. № 8.
58. Русь. 1881. № 26.

59. Русь. М. 1881. № 28.
60. Русь. 1883. № 7.
61. Современник. 1847. Т. I.
62. Современник. 1847. Т. VII.
63. Указатель статей и материалов, по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещённых в Москвитянине за 1841—1853 годы / сост. Петр Бартенев. [М.: Б. и., 1855]. IV, 106 с.

1.4. Сочинения западников и славянофилов

64. Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. 19 с.
65. Аксаков Константин. Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым // Русь. М. 1881. № 28. Политическое обозрение. С. 12—14.
66. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков; [Вступит. статья, с. 5-29, comment. А. С. Курилова]. Москва: Современник, 1982. 383 с.
67. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / К. С. Аксаков; [сост., подгот. текста, вступ. ст., с. 7-41, comment. В. А. Кошелева]. - Москва: Искусство, 1995. 525 с.
68. Белинский В.Г. Бедные люди. Роман Федора Достоевского / Современник. 1848. Т. VII. Отд. III "Критика и библиография". С. 43-44.
69. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений [Текст]: [в 13-ти т.] / [ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959. 13 т.
70. Кавелин К.Д. Государство и община / Константин Кавелин; [сост., предисл., comment. В.Б.Трофимова]. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2013. 1288 с.

71. Киреевский И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья, с. 7-39, и примеч. Ю.В. Манна. Москва: Искусство, 1979. 439 с.
72. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М.: Наука, 2014. С. 285–334.
73. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: В 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1. Москва: Путь, 1911.
74. Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. Москва: В типографии А. Семена, 1846. 579 [2] с.
75. Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. - Москва: В типографии А. Семена, 1847. 910 с.
76. Московский сборник: [т. 1, 2] / подгот. В.Н. Греков. - Санкт-Петербург: Наука, 2014. 1307 с.
77. Некрасов Н.А. <На "Москвитянина"> // 'Русская эпиграмма (XVIII-XIX вв)' \\ Предисловие, подготовка текста и примечания Мануйлов В. - Ленинград: 'Советский писатель', 1958 - с.416. // <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st068.shtml> [дата обращения 22.09.2024]
78. Полное собрание сочинений: в 4 т. / И.В. Киреевский, П.В. Киреевский; подгот. А.Ф. Малышевским. Калуга: Гриф, 2006 - (Калуга: Облиздат). 21 см.
79. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 8 т. Москва: Унив. тип., 1886-1906.
80. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. - [2-е изд., доп.]. Москва: Унив. тип., 1889. 23 см.
81. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М.,1847. / М...З...К... [псевд.]. Москва: Унив. тип., 1847. 90 с.
82. Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина. Москва: Д. Самарин, 1877-1911.

83. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных. Москва: Б. и., 1845.
84. Синбирский сборник [Текст]: часть историческая / [предисл. изд.: П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев]. Москва: Тип. А. Семена, 1844.
85. *Тургенев И.С.* Собрание сочинений в 6 т. / [Под общ. ред. М. Еремина]. Москва: Правда, 1968.
86. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1873. [4], II, 514 с.
87. *Хомяков А.С.* Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник / изд. подг. В.Н. Греков. М.: Наука, 2014. С. 285–334.
88. *Хомяков А.С.* О старом и новом // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: 1900. 504 с.
89. *Хомяков А.С.* Сочинения в двух томах. М.: Московский философский фонд Издательство "Медиум", 1994. 591 + 479 с.
90. *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы [Текст] / Вступ. статья, [с. 5-56], подготовка текста и примеч. Б.Ф. Егорова. - Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1969. 595 с.
91. *Чаадаев П.Я.* Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» // Полное собрание сочинений и избранные письма / сост. и comment. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З. А. Каменский. Москва: Наука, 1991. Т. 1. С. 539-545.
92. *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Сочинения / П.Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В.Ю. Проскуриной; Вступ. ст. В.А. Мильчиной, А.Л. Осповата; Журн. "Вопр. философии и др.]. Москва: Правда, 1989. 655 с.

1.5. Мемуары и письма

93. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844-1849 / И.С. Аксаков; изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; [АН СССР]. Москва: Наука, 1988. 704 с.
94. *Аксаков К.С.* Воспоминание студенства 1832-1835 годов // Аксаков К.С. Государство и народ. / Составление и комментарии А. В. Белова, предисловие А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
95. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Воспоминания; Литературные и театральные воспоминания / Коммент. Е.И. Анненковой. М.: Худож. Лит., 1986. 559 с.
96. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. История моего знакомства с Гоголем; Очерки и незавершенные произведения; Статьи; Рецензии; Заметки / Коммент. В.Н. Грекова и А.Г. Кузнецовой. М.: Худож. Лит., 1986. 511 с.
97. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания / П. В. Анненков; [Вступ. ст. В. И. Кулешова, с. 5-22; Коммент. А. М. Долотовой и др.]. Москва: Правда, 1989. 683 с.
98. *Бартенев П.И.* Воспоминания / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А.Д. Зайцева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. С. 47—95.
99. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов / Вступительная статья и примечания С.В. Бахрушина. М.: 1929. XVI, 293 с.
100. *Герцен А.И.* Былое и думы. Собрание сочинений в 30 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
101. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н.Л. Мещеряков; Ред.: В.В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин, Н.Л. Мещеряков, Н.К. Пиксанов, Б.М. Эйхенбаум. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952.

102. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем [Текст]: в 20-ти т. / В.А. Жуковский. - Москва: Языки рус. лит., 1999.
103. Записка, приложенная к письму С.Г. Строганова к А.Х. Бенкендорфу // <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/documents/document-12.htm> [дата обращения 12.09.2024]
104. Панаева А.Я. Воспоминания / А.Я. Панаева (Головачева); [Вступ. ст. К. Чуковского; Примеч. Г.В. Краснова, Н.М. Фортунатова]. М.: Правда, 1986. 508 с.
105. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853-1856. М.: Тип. В.М. Фирш. 1874.
106. Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке современников : антология / Северо-Западное отд-ние Российской акад. образования, Русская христианская гуманитарная акад.; [сост., вступ. ст., comment., bibliogr.: В.А. Фатеев]. - 2-е изд. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 1054 с. // URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/slavyanofilstvo.html> [дата обращения 17.05.2021].
107. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: Т. 8. Москва: Унив. тип., 1900.
108. Чаадаев П.Я. Письмо к Е.А. Свербеевой от 10.07.1842 // Полное собрание сочинений и избранные письма / сост. и comment. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. - Москва: Наука, 1991. Т. 2. С. 149-151.

1.6. Другие источники

109. Заметка об А.С. Хомякове // Русский архив. 1885. № 9. С. 158-160.
110. Записка, приложенная к письму С.Г. Строганова к А.Х. Бенкендорфу // <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/documents/document-12.htm> [дата обращения 12.09.2024]

111. *Погодин М.П.* Польский вопрос: Собр. рассуждений, записок и замечаний. 1831-1867 / [Соч.] М.П. Погодина. Москва: тип. газ. "Русский", 1867. [2], VIII с., 240.
112. Славянское народописание, составленное П.И. Шафариком / Пер. с чеш. [и предисл.] И. Бодянского. Москва: Унив. тип., 1843. 174 с.
113. Указатель Третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. - Москва, [1843]. XXIV, [366], XIV с.
114. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 163-182.
115. *Шевырев С.П.* Избранные труды / Степан Петрович Шевырев ; сост.: А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев ; авт. вступ. ст.: А. А. Ширинянц ; авт. comment.: А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев, М. К. Кирюшина ; Ин-т общественной мысли. - Москва: РОССПЭН, 2010. 678 с.;
116. *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов : в семи томах. Санкт-Петербург: Росток, 2020.

II. Исследования

117. *Амиров В.М., Чудинов А.П.* Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика, 2010. № 2 (32). С. 194-195.
118. *Андреева Г.М.* Социальная психология / Г. М. Андреева. Москва: Изд-во МГУ, 1980. 415 с.
119. *Антонов К.М.* Славянофилы и И.В. Киреевский: Становление исследовательской традиции. Вестник ПСТГУ I: серия Богословие. Философия. 2006. Вып. I: 16. С. 55-92.
120. *Бадалян Д.А.* И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2010.
121. *Бадалян Д.А.* Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и

- история» (2004–2007) / Под. ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой и др. СПб., 2009. С. 190–201.
122. *Бадалян Д.А.* «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 175—192.
123. *Бадалян Д.А.* Н. И. Греч — журналист и издатель в системе патрон-клиентских отношений // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2022. Т. 226: Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «XXII Смирдинские чтения», 21—22 апреля 2022 г., Санкт-Петербург. С. 44—52.
124. *Бадалян Д.А.* «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. – М.: Фонд ИСЭПИ, 2018. №1. С.51-66.
125. *Бадалян Д.А.* С. С. Уваров и журнальная борьба 1830-1840-х гг. // Тетради по консерватизму. 2019 // <https://essaysonconservatism.ru/s-s-uvarov-i-zhurnalnaja-borba-1830-1840-h-godov/> [дата обращения 01.11.2024]
126. *Бадалян Д.А.* Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией». 1840–1870-е годы // Тетради по консерватизму: Альманах. №2. М.: Фонд ИСЭПИ, 2019. С.41-67.
127. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888 - 1910. 22 т. Кн. 6, 1892.
128. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888 - 1910. 22 т. Кн. 7, 1893.
129. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888 - 1910. 22 т. Кн. 8.
130. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888 - 1910. 22 т. Кн. 9, 1892.

131. *Бачинин А.Н.* М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2007. №10 (50). С.28-42.
132. *Беглов А.Л.* В поисках "безгрешных катакомб": церковное подполье в СССР / Алексей Беглов ; Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. - Москва : Издат. Совет Русской Православной Церкви : Арефа, 2008. 349 с.
133. *Беленчук Л.Н.* Взгляд русского на современное просвещение Европы. С.П. Шевырев // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. № 6. С. 147-167.
134. *Березкина С.В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Истор.-филол. отд-ние. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 226—248.
135. *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков / Н.А. Бердяев. Москва: Высшая школа, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 237 с.
136. *Болтунова Е.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 559 с.
137. *Ботова О.О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2003. 30 с.
138. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с. (Серия Historia Rossica).
139. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. – 348 с.
140. *Велижев М.Б.* Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение», 2022. 392 с. (Серия «Интеллектуальная история»).

141. *Венгеров С.* Молодая редакция «Москвитянина». Вестник Европы. 1886. № 2. С. 581-613.
142. *Виноградов И.А.* Гоголь и западное славянофильство: к постановке проблемы // *Studia Litterarum*. 2017. № 4. С. 182-207.
143. *Виноградов И.А.* Славянофильство и западничество в споре о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // *Два века*. 2020. № 1. С. 62-153.
144. *Виноградов И.А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // *Литературный факт*. 2019. № 2 (12). С. 189-224.
145. *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Цинтия Х. Виттекер; [Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой]. СПб.: Акад. проект, 1999. 348 с.
146. *Володина Н.В.* Диалог И.В. Киреевского и А.С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // *Quaestio Rossica*, 2019. № 1. С. 243-254.
147. *Володина Т.А.* Уваровская триада и учебники по русской истории. Вопросы истории. 2004, №2. С.117-128.
148. *Волошина С.М.* Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022. 677 с.
149. *Выскочков Л.М.* До междуцарствия. «Ангел» Александр и Николай Павлович (3 июля 1819 – 1 сентября 1825) // Петербургский исторический журнал, 2019. № 2(22). С. 65-81.
150. *Выскочков Л.М.* Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996-2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. №4. С.79-99.
151. *Гаврюшин Н.К.* Русское богословие. Очерки и портреты. Изд. 2-е. Нижний Новгород. 2011. 670 с.

152. *Градовский А.Д.* Первые славянофилы // Национальный вопрос в истории и литературе. СПб.: 1873. С. 217-309.
153. *Гилльсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.// Пушкин: исследования и материалы/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. Т. 8. С. 195-218.
154. *Гилльсон М.И.* Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114—118.
155. *Горячева Е.М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014. № 3-2. С. 111-119.
156. *Греков В.Н.* Журнал как диалог. («Москвитянин» 1845 г.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №4. С.135-147.
157. *Греков В.Н.* Журнал как диалог. («Москвитянин» 1845 г.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №5. С.87-98.
158. *Демидова М.В.* «Символический капитал» П. Бурдье и «Капитал» К. Маркса // Вестник ВятГУ. 2014. № 11. С. 27-32.
159. *Дементьев А.Г.* Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. / А.Г. Дементьев. Москва; Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы, 1951. 500 с.
160. *Державин Н.С.* Герцен и славянофилы // Историк-марксист. М., 1939. № 1. С. 125-146
161. *Дмитриев С.С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. М., 1941. № 1. С. 85-96.
162. *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянский альманах. 1998. №1997. С.105-119.
163. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская. Москва: Мысль, 1983. - 272 с.

164. Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении: Учеб. пособие по специальности 021400 - Журналистика / Б.И. Есин. М.: Флинта: Наука, 2000. 100 с.
165. Жирков Г. История цензуры в России XIX-XX вв. : Учеб. пособие для студентов вузов / Г.В. Жирков. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
166. Замалеев А.Ф., Криштапович Л.Е., Маслин М.А., Парилов О.В., Пушкин С.Н., Сербиненко В.В., Треушников И.А., Якимец Н.В. Лев Евгеньевич Шапошников в пространстве русской философии // Вестник Мининского университета. 2019. № 2 (27). С. 13.
167. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков // <http://radischev.lit-info.ru/radischev/kritika/zapadov-istoriya-zhurnalistiki/slavyanofilskie-izdaniya.htm> [дата обращения: 12.08.2024]
168. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: лит. и гос. идеология в России в послед. трети XVIII - первой трети XIX в. / Андрей Зорин. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 414 [1] с.: ил.; 22 см. (Historia Rossica).
169. Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства XIX века. 1 лекция // <https://yandex.ru/video/preview/237079753054124491> минута 9 и далее. [дата обращения 10.03.2024]
170. Институты литературы в Российской империи: составители и ответственные редакторы А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. Москва: Высшая школа экономики, 2023. – 494 с.
171. Ионаитис О.Б. Журнал «Европеец» И.В. Киреевского и его цензурная судьба / О.Б. Ионаитис // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 119-134.
172. История русской журналистики XVIII–XIX веков. Учебник / Под ред. Л. П. Громовой. СПб. Издательство СПбГУ, 2003. С. 321–331; (2-е изд.) СПб., 2005.
173. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб.: 1909. 626 с.

174. *Карни Г.* Были ли славянофилы либералами? // Неприкосновенный запас. 2002. №3 // <https://magazines.gorky.media/nz/2002/3/byli-li-slavyanofily-liberalami.html> [дата обращения 12.08.2024]
175. *Китаев В.А.* Общественная мысль и историческая наука в России XVIII-XX вв.: проблемы историографии / В. А. Китаев; М-во образования и науки Российской Федерации, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Нац. исследовательский ун-т. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2016. 270 с.
176. *Китаев В.А.* XIX век: пути русской мысли: Научные труды. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета. 2008. 355 с.
177. *Китаев В.А.* Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. №1.
178. *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 т. Москва: Госполитиздат, 1956-1959.
179. *Колюпанов Н.* Биография Александра Ивановича Кошелева: Т. 1-2. Москва: О. Ф. Кошелевой, 1889-1892.
180. *Котельников В.А.* М.П. Погодин и славянофилы // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2(5). С. 43-57.
181. *Кочековский А.А.* «Диалектика немоты: историзм И. Киреевского между социальной и трансцендентальной философией» // Историческая экспертиза. 2022. URL: <https://www.istorex.org/post/a-a-kochekovskiy-dialektika-nemoty-istorizm-i-kireevskogo-mezhdu-sozialnoy-i-transcendentalnoy> [дата обращения 21.04.2024]
182. *Кошелев В.А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях / Вячеслав Кошелев. Москва: Новое лит. обозрение, 2000. - 504 с.
183. *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: ООО «Полиграф» 2019. 512 с.
184. *Кошелев В.А.* Эстетические и литературные воззрения ранних славянофилов. Л., 1984.

185. *Кулешов В.И.* Славянофилы и русская литература. Москва: Худож. лит., 1976. 286 с.
186. *Кулешов В.И.* Славянофильство как оно есть // Вопросы литературы. 1969. № 10. С. 131-144.
187. *Кунильский Д.А.* «Положительная» журналистика против «Отрицательной» литературы (статья Б.Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных») // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 72-75.
188. *Лебедев Е.Н.* Славянофилы: консерваторы или либералы? (к истории изучения) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». №2 / 2011. С.17-21.
189. *Лебедева М.С.* Особенности культурологического подхода к исследованию междисциплинарных проблем в социально-гуманитарном знании // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 61-73.
190. *Маймин Е.* Нужны конкретные исследования. Вопросы литературы. М., 1969. № 10. С. 103-112.
191. *Манн Ю.В.* Гнезда русской культуры: кружок и семья / Юрий Манн. - Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 598 с.
192. *Махова К.А.* К истории журналов для детей: «Библиотека для воспитания» и «Новая библиотека для воспитания» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 37-47.
193. *Машинский С.* Славянофильство и его толкователи (некоторые итоги дискуссий) // Вопросы литературы. М., 1969. № 12. С. 103-140.
194. *Мещеряков Н.М.* Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Сб. IV. М., 1939.
195. *Миллионщикова Т.М.* Английская и американская славистика о славянофильстве // Литературоведческий журнал. 2022. № 55. С. 78-97.

196. *Митрошенков А.О.* Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. - Москва, 2003.
197. *Митрошенков А.О., Митрошенков О.А.* Философия славянофилов в современной Российской историографии / А. О. Митрошенков, О. А. Митрошенков. Москва: Изд-во Весь Мир, 2005. 166 с.
198. *Митрошенков А.О., Митрошенков О.А.* Философия славянофилов в современной Российской историографии / А. О. Митрошенков, О. А. Митрошенков. Москва: URSS, 2022. 180 с.
199. *Немцев И.А.* Славянофильство в истории Российского консерватизма XVIII - начала XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Пермский гос. ун-т. Пермь, 1998. 24 с.
200. *Немцев И.А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII - начала XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Пермь, 1998. 230 с.
201. *Нурев Р.М.* Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д: Изд-во "Содействие - XXI век"; Гуманитарные перспективы, 2010. 415 с.
202. Очерки по истории русской журналистики и критики / [редкол.: проф. В.Е. Евгеньев-Максимов и др.]; Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, Филологический ин-т. - Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1950-1965. 2 т. Т.1. С. 437-552.
203. *Павленко Н.И.* Михаил Погодин / Н.И. Павленко. - Москва : Памятники ист. мысли, 2003 (ППП Тип. Наука). 359 с.
204. *Пайпс, Р.* Сергей Семенович Уваров: жизнеописание / Ричард Пайпс. Москва: Посев, 2013. 80 с.
205. Периодические издания славянофилов //
https://expositions.nlr.ru/ex_rare/slavophils/45_52/ [дата обращения: 12.08.2024]
206. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 735 с.

207. *Пилицов И.Н.* Образ Николая I в романе А. И. Герцена «Былое и думы» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 3. С. 98-99.
208. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофилы и славянофильская журналистика: 1840-1850 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2000. 83 с.
209. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика / Т.Ф. Пирожкова. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 218 с.
210. *Пирожкова Т.Ф.* «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130-150.
211. *Плеханов В.Г.* Очерки по истории русской общественной мысли XIX века / Г.В. Плеханов. Петроград: Рабочее кооперативное издательство "Прибой", 1923. 311 с.
212. *Прохоров И.Е.* В.Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 68-83.
213. *Поташев А.Ф.* Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 56-65.
214. *Пушкин С.Н.* Историософия русского консерватизма XIX века / С. Н. Пушкин ; Волго-Вятская акад. гос. службы. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. службы, 1998. 251 с. С
215. *Рамазанова Г.Г.* Журнал «Московский наблюдатель» в оценках отечественного литературоведения // Вестник ВятГУ. 2012. № 2. С. 78-81.
216. *Рахматуллин М.А.* Император Николай I глазами современников // Отечественная история, 2004, № 6. С. 74-98.

217. *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы: [18+] / А. И. Рейтблат. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 630 с.
218. *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : в 2 т. / П. С. Рейфман. Москва: Пробел-2000, 2015.
219. *Рубинштейн Н.М.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классовом освещении. Т.1. М., 1939.
220. *Рублева Л.И.* История отечественной журналистики XVIII–XIX веков: учебное пособие / Л.И. Рублева. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012. – 328 с.
221. «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Под редакцией Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. Издательство «Пушкинский дом». Спб, 2011. 567 стр.
222. Русско-Византийский вестник. 2021. №2(5).
223. *Рясенцев К.В., Ширинянц А.А. М.П.* Погодин и поиски русской национальной идеи. 1830-1840-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. №1. С.18-31.
224. *Сербиненко В.В.* История русской философии IX-XIX вв. М.: 1996. 144 с.
225. *Телегина С.М. М.Ю.* Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-Византийский вестник. 2021. №2(5). С.130-165.
226. *Терещенко Я.В.* Цензура и журналистика в период правления Николая I // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология, 2008. № 11. С. 80-86.
227. *Симонова И.А.* К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и кирилло-мифодиевцы // Советское славяноведение. 1988. N 1. С. 42-54.

228. Симонова И.А. Федор Чижов / Инна Симонова. - Москва: Молодая гвардия, 2002. 335 с.
229. Синดюков Н. Гнусные петербуржцы и расколотые патриоты // «СТОЛ» - христианское общественно-публицистическое издание. URL: <https://s-t-o-1.com/material/27858-gnusnye-peterburzhtsy-i-raskolotye-patrioty/> [Дата обращения: 31.12.2022]
230. Слуцкая Е.А., Махрова Э.В. «Купеческий театр» в русской культуре XVIII – начала XX веков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 3 (28). С. 188–192.
231. Стайцов Р.Е. Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №6. С.222-228.
232. Сухов А.Д. Славянофильство // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёpin, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. // https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ebf4fc8db_a436e128fb7 [дата обращения 03.01.2024]
233. Сытина Ю.Н. Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 172-184.
234. Тесля А. Восемь лекций о славянофильстве: интеллектуальная история. Москва: Свято-Филаретовский институт, 2024. 212 с.
235. Тесля А. Многоликое «славянофильство»: история понятия // <https://yandex.ru/video/preview/12835106664819036929> [дата обращения 07.04.2024]
236. Тесля А.А. Последний из отцов. Биография И.С. Аксакова. Санкт-Петербург: Русская мысль, 2014. 405 с.
237. Тесля А.А. Предыстория издания журнала «Русская беседа» // URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/tes_beseda.php [дата обращения 01.02.2024]

<https://yandex.ru/video/preview/14649166581920579109> [дата обращения 23.02.2024]

http://www.hrono.ru/statii/2010/tesla_mossbor.php [дата обращения 01.02.2024]

240. Удалов С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века / С. В. Удалов; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 253 с.

241. Удалов С. В. Петр I и русские консерваторы первой половины XIX в. // Русско-Византийский вестник. 2022 № 3 (10). С. 170–183.

242. Удалов С.В. М.П. Погодин и П.В. Киреевский в 1845 г.: от научной дискуссии к идеологическому противостоянию// Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ. Саратов: Наука, 2010. Ч. 1. 600 с. С. 177-185.

243. Умбращко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист / К. Б. Умбращко; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. Москва, 1999. 292 с.

244. Усманский A.H. Плавильщиков (Петр Алексеевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: в 86 т. Т. 46. СПб.: 1898. 513 с. С. 789.

245. Флоренский П.А. Около Хомякова: (Критич. заметки): [С табл. родств. связей ран. славянофилов, сост. О.К. Андреевым] / Свящ. Павел Флоренский. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1916. 78 с.

246. Фролов Э.Д. У истоков русского неоклассицизма: А.Н. Оленин и С.С. Уваров // URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol034.htm> [дата обращения 22.09.2021]

247. Фризман Л.Г. За научную объективность // Вопросы литературы. М., 1969. № 7. С. 138-152.

248. *Фудель С.И.* Собрание сочинений : В 3 т. / С.И. Фудель; [Сост., подгот. текста и comment. Н.В. Балашова, Л.И. Саракиной]. Москва: Рус. путь, 2001-2005.
249. *Хоружий С.С.* Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви // Богословские труды. М., 2002. № 37. С. 153—179.
250. *Хоружий С.С.* Опыты из русской духовной традиции. - М., 2005. 445 с.
251. *Цветкова Н.В.* Дневник С.П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835-1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 75-84.
252. *Цимбаев Н.И.* Московские споры либерального времени. - Русское общество 40 - 50-х годов XIX в. Часть 1. Записки А. И. Кошелева. М. 1991. С.5-43.
253. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). М.: изд-во Моск. ун-та, 1986. 274 с.
254. *Цыганков Д.А., Андреев А.Ю., Наумов П.Ю.* Крыловская история: формирование этики профессорского служения // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2020. №94. С.112-130.
255. *Чернов А.В., Блохин В.В.* Периодизация правления Александра I в советской историографии //Научный диалог. 2020. № 12. С. 378-393.
256. *Черномырдин М.В.* Славянофилы в «Воспоминаниях» П.И. Бартенева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 147-154.
257. *Чиркова И.М.* «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры, 2015. № 2(19). С. 47-57.
258. *Чуркина И.В.* К вопросу об отечественной историографии славянофильства // Славяне и Россия. 2015. № 1. С. 75-102.
259. *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ / М. М. Шевченко. Москва: Три квадрата, 2003. 268 с.

260. *Ширинаң A.A.* Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина / А. А. Ширинаң. Москва: Русский Миръ, 2008. 412 с.
261. *Шичалин Ю.А.* История античного платонизма в институциональном аспекте / Ю. А. Шичалин; Ин-т философии Рос. акад. наук. Москва: Греко-лат. каб., 2000. 439 с.
262. *Шпагин С.А.* Славянофилы и «Москвитянина» // История, экономика, культура, общественная мысль России: Сборник статей аспирантов-историков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. С.87-104.
263. *Янковский Ю.З.* Патриархально-дворянская утопия: страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х годов. Москва: Художественная литература, 1981. 373 с.
264. *North, Douglass C.* Institutions. // Journal of Economic Perspectives – Volume 5, Number 1 Winter, 1991.
265. Pyotr Yakovlevich Chaadayev//Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadayev> [дата обращения: 29.09.2020].
266. *Riazanovsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825 – 1855. Berkeley, University of California Press, 1959.
267. *Riasanovsky N.* Russia and the West in the teaching of the Slavophiles: a study of romantic ideology. Gloucester, Mass., P. Smith. 1965.

**Публикации славянофилов и работы важные для истории
славянофильства в журнале «Москвитянин» за 1841-1856 гг.**

Год	Часть	Номер	Произведения славянофилов	Примечания
1841	I	1	М.П. Погодин. Петр Великий. С. 3-29.	Одна из публикаций «Москвитянина», представленных С.С. Уваровым Николаю I. В ней Погодин восхваляет Петра I и делает выпады против его современных критиков. Возможно, это выпад против славянофилов.
			А.С. Хомяков. Видение. Отд. Стихотворения. С. 51-53.	
			К.С. Аксаков. Из Фауста. Отд. Стихотворения. С. 61-62.	Краткий перевод из «Фауста» Гете.
			А.С. Хомяков. На перенесение Наполеонова праха. С. 341-343.	Одна из публикаций «Москвитянина», представленных С.С. Уваровым Николаю I. Была посвящена перенесению останков Наполеона

				Бонапарта с о. Святой Еленой во Францию.
			С.П. Шевырев. Взгляд русского на современное образование Европы. С. 219-296.	Одна из публикаций «Москвитянина», представленных С.С. Уваровым Николаю I. В этой статье находятся идеи,озвучные славянофилам. Возможно, оказала влияние на появившуюся в 1845 г. на страницах «Москвитянина» статью И.В. Киреевского «О современном состоянии словесности».
		2	А.С. Хомяков. Суeta сует (стихотворение). Отд. Изящная словесность. С. 347-348.	В данном стихотворении А.С. Хомяков продолжает тему, поднятую в стихотворении «На перенесение Наполеонова праха».
	II	3	А.С. Хомяков. Еще об нем. Отд. Изящная словесность. С. 6.	Третье стихотворение, посвященное перенесению останков Наполеона во Францию.
		4	А.С. Хомяков. Ritterspruch – Richterspruch (стихотворение). Отд.	Стихотворение, посвященное подавлению польского восстания. Осталось не замечено

			Изыщная словесность. С. 321-322.	цензурою.
	III	5	А.С. Хомяков. Киев. Отд. Изыщная словесность. С. 34-36.	Стихотворение Хомякова с громкой и интересной цензурной историей. «Киев» побывал в трех цензурных комитетах (в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге), дважды с сокращениями был напечатан в отечественных журналах, и, в конце концов, оказался представлен императору С.С. Уваровым.
V	10		А.С. Хомяков. Вчерашиняя ночь. Отд. Изыщная словесность. С. 329-330.	Возможно, представляет собой единое стихотворное произведение со следующим за ним «Сумраком вечерним», разделенное с ним редакцией «Москвитянина».
			А.С. Хомяков. Сумрак вечерний. Отд. Изыщная словесность. С. 331.	

Год	Часть	Номер	Произведения славянофилов	Примечание
1842	II	4	М.П. Погодин. Русская правда, в отношении к уголовному праву. Рассуждение на степень магистра, Кандидата Московского Университета А. Попова, 1841, Москва, 8-ку, 121 с. Отд. Критика. С. 507-513.	Критический отзыв на магистерскую диссертации молодого славянофила А.Н. Попова.
	III	5	А.Н. Попов. Замечания на критику г. Погодина Русской Правды, в отношении к уголовному праву. Отд. Критика. С. 176-182.	Ответ А.Н. Попова на критику М.П. Погодина.
		6	А.С. Хомяков. О сельских условиях. Отд. Науки. С. 253-266.	Первая, появившаяся в российской печати, статья, посвященная «Указу об обязанных крестьянах». Вызвала критику А.Х. Бенкендорфа.
			Замечания на антикритику г. Попова. Отд. Критика. С. 374-379.	Критический отзыв редакции «Москвитянина» на ответ А.Н. Попова на статью М.П. Погодина.
	IV	8	Замечания на статью г. Хомякова: о сельских	Критика на статью А.С. Хомякова «О сельских

			условиях. Отд. Критика. С. 376-382.	условиях».
	V	9	К.С. Аксаков. Объяснение... Отд. Критика. С. 220-229.	Ответ на статью В.Г. Белинского.
		10	А.С. Хомяков. Еще о сельских условиях. Отд. Критика. С. 512-522.	Ответ А.С. Хомякова на критику «Москвитянина».

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1843	IV	7	А.С. Хомяков. Письмо в Петербург о выставке. Хомяков. Отд. Московская летопись. С. 211-222.	

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1844		2	Ф.В. Чижов. Из Рима (о трудах гг. Серебр. и Иван.). Отд. Разные известия. С. 625-628.	Название «Из Рима» дано в содержании «Москвитянина». В соответствующем номере статья озаглавлена «Отрывок из письма Ф.В. Чижова из Рима к Н.В. Голубкову (содержит рассказ о художнике

				Серебрякове и впечатления о путешествии по Далмации)»
	II	3	М.П. Погодин. Диспут г. Кавелина. Отд. Московская летопись. С. 229-235.	Содержит выпад Погодина против А.Н. Попова.
	III	5	Хомяков. Давид. Отд. Изящная словесность. С. 1.	
			Хомяков. Опера Глинки «Жизнь за Царя». Отд. Критика. С. 98-103.	
		6	Диспут г. Самарина. Отд. Московская летопись. С. 394-396.	Отзыв М.П. Погодина о магистерском диспуте Ю.Ф. Самарина.
	IV	7	24 стихотворения Хомякова. Отд. Библиография. С. 1-11.	Рецензия на вышедшую брошюру «24 стихотворения А.С. Хомякова». «Москвитянин» не ограничился рецензией, но вслед за ней перепечатал все двадцать четыре стихотворения.

		<p>Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники.</p> <p>Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидатом Московского Университета Юрием Самарином. Москва, in 8-ю 230 стр. Отд.</p> <p>Библиография. С. 11-15.</p>	<p>Отзыв о диссертации Ю.Ф. Самарина.</p>
	8	<p>Чижов. А.П. В. Голубкову о Далматских церк. С.248.</p>	<p>В содержании указано, что данная статья опубликована в Ч.VI «Москвитянина» за 1844 г.</p> <p>На самом деле в «Москвитянине» ее нет.</p> <p>Видимо, это письмо было опубликовано во втором номере «Москвитянина» вместе с письмом Чижова о русских художниках, однако в содержании вследствие опечатки оказалось вынесенным в другой том в качестве отдельной публикации.</p>

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1845	I	1	К.С. Аксаков. Стансы. Отд. Изящная словесность. С. 36.	
			Жизнь Стефенса. Отд. Иностранный словесность. С. 1-52.	Перевод биографии философа Стефенса, осуществленный материю братьев Киреевских Авдотьев Елагиной. Имя переводчика в публикации не указано.
			И.В. Киреевский. О современном состоянии словесности. Отд. Критика. С. 1-28.	
			М.П. Погодин. Паралль русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала. Отд. Отд. Науки. С. 1-18.	С этой работой дискутирует П.В. Киреевский в третьем номере журнала.
			Киреевский И.В. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Отд. Московская	Статья имеет два подзаголовка: подзаголовок 1: письмо в Б.; подзаголовок 2: к А.П. Зонтаг. Подписано К.

		летопись. С. 1-6.	
		А. Попов. Отрывок из путевых заметок о Черногории. Отд. Славянские известия. С. 1-16.	
		И.В. Киреевский. Вступительная статья к разделу Библиография. Отд. Библиография. С. 1-5.	Подписано К.
		И.В. Киреевский. Рецензия на книги преосв. Иннокентия (Борисова) «Молитва Св. Ефрема Сирина, Беседы на Св. Четыредесятницу» и «О грехе и его последствиях, беседа на Св. Четыредесятницу». Отд. Библиография. С. 6-10.	Подписано К.
		И.В. Киреевский. Рецензия на «О воспитании детей в духе Христианского благочестия».	Подписано К.

			Библиография. С. 6	
			И.В. Киреевский. Рецензия на «Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко». Библиография. С. 6-14.	Подписано К.
			И.В. Киреевский Рецензия на «На сон грядущий, отрывки из вседневной жизни. Сочинение Графа В.А. Соллогуба». Библиография. С. 22-23.	Подписано К.
			И.В. Киреевский. От редакции. Отд. Сельское хозяйство. С.1-4.	Вступительная статья к новой рубрике «Москвитянина» «Сельское хозяйство»
	2		И.С. Аксаков. Христофор Колумб с друзьями. Отд. Изящная словесность. С. 64-66.	
			Жизнь Стефенса. Отд. Иностранный словесность. С. 53-68.	Продолжение публикации, начатой в первом номере.

		<p>И.В. Киреевский. О современном состоянии словесности. Отд. Критика. С. 56-78.</p>	Продолжение публикации, начатой в первом номере.
		<p>К.С. Аксаков. Москве. Отд. Изящная словесность. С. 108.</p>	
		<p>А.Н. Попов. Отрывок из путевых заметок о Черногории. Отд. «Словенские известия» С. 17-30.</p>	
		<p>И.В. Киреевский. «Опыт науки философии» Сочин. Ф. Надеждина. Отд. Библиография. С. 33-36.</p>	Подписано К.
		<p>И.В. Киреевский. «Лука да Марья, народная повесть, соч. Ф. Глинки». Отд. Библиография. С. 36-43.</p>	Подписано К.
		<p>Аксаков К.С. «Разговор» Ив. Тургенева». Отд. Библиография. С.49-53.</p>	Статья не подписана. Приписывается К.С. Аксакову на основании отзыва на Белинского.
		<p>А.С. Хомяков. Письмо в С.-Петербург. Отд. Изящная словесность. С.</p>	

			71-86.	
			А.С. Хомяков. Спорт (охота). Отд. Смесь. С. 24-33.	
II	3	Жизнь Стефенса (продолжение). Отд. Иностранный словесность. С. 1-46.	Продолжение публикации, из первого и второго номеров.	
		И.В. Киреевский. О современном состоянии словесности. С. 18-30.	Продолжение публикации, из первого и второго номеров.	
		Хомяков. Мнение иностранцев о России. II, С. 21.		
		П.В. Киреевский. О древней русской истории (письмо к М.П. Погодину). Отд. Науки. С. 11-46.		
		М.П. Погодин. Параллель русской истории с историей западных европейских государств,		

			относительно начала (Ответ П.В. Киреевскому на его статью о древней (опечатка из содержания) русс. истории)	
			Попов. О философских началах государственного права. Отд. Науки. С. 59- 73.	
		4	А С. Хомяков. «Мнение иностранцев о России». Отд. Изящная словесность. С. 21-48.	
	III	5-6	К.С. Аксаков. «Физиология Петербург» . Отд. Второе. С.91-96.	Статья подписана «...Ъ». Приписывается К.С. Аксакову на основании отзыва на Белинского.
	IV	7-8	Ф. Чижов. Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году. (без указания стр.)	

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1847	II		Ю.Ф. Самарин. О мнениях «Современника» исторических и	Опубликована под псевдонимом М...З...К... В «Москвитянине» в 1847

		<p>литературных. Отд. Критика. С. 133-222.</p>	<p>вышло только четыре номера. Они были обозначены как «части». Поэтому второй выпуск журнала не имеет номера, а подписан просто «Часть II». Одно из важнейших полемических произведений славянофилов времени «Великого спора», направленных против западников. Вызвало широкий общественный резонанс. В том же году выпущено брошюрай (<i>Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М., 1847. / М...З...К... [псевд.]. - Москва: Унив. тип., 1847. 90 с.</i>).</p>
	III	<p>Несколько слов по поводу статьи: «О мнениях «Современника» исторических и литературных. Отд. Критика. С. 147-158.</p>	<p>Критический отзыв на статью Ю.Ф. Самарина, помещенную в предыдущем номере журнала.</p>

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1848	II	4	С.П. Шевырев. «О новом происхождении имени Славян и Славянофилов». С. 29-32.	Первое печатное микроисследование о начале Великого спора сороковых годов и появление термина «славянофилы». В своей работе Шевырев упоминает, что это слово появляется в 1844-45 гг. в петербургских журналах для обозначения консервативно настроенных московских литераторов и ученых. Впервые термин появился в «Библиотеке для чтения», а затем – в «Отечественных записках». По мнению Шевырева, слово «славянофилы» был придуман западниками вместо слова «Русские».
	III	5	М.П. Погодин. Рец. На «Освобождение Москвы» К.С. Аксакова. Отд. Критика. С. 27-29.	Критический выпад против К.С. Аксакова. В своей статье М.П. Погодин критикует философа-славянофила за отсутствие

				драматического таланта, утверждая, что его пьеса – лишь набор исторических зарисовок, лишенных цельности и сюжетного единства.
	IV	7	А.С. Хомяков. Письмо об Англии. Отд. Изящная словесность. С. 1-38.	Содержит скрытый выпад против критического отзыва М.П. Погодина на пьесу «Освобождение Москвы» К.С. Аксакова.
	VI	11	М.П. Погодин несколько слов по поводу письма г. Хомякова об Англии. Отд. Науки. С. 1-10.	Ответ М.П. Погодин на статью А.С. Хомякова.

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1850	III	9	А.С. Хомяков. Кремлевская заутреня на Пасху. Отд. Изящная словесность. С. 1.	

		<p>А.Н. Попов. Душеприказчики Донского (письмо А.Н. Попова к М.П. Погодину). Отд. Науки и художества. С. 1-4.</p>	<p>В своем письме А.Н. Попов комплиментарно отзывается о деятельности Погодина и снабжает его небольшой выпиской из разрядной книги времен Дмитрия Донского. Погодин снабдил публикацию письма ссылкой, в которой писал: «Найти такое подтверждение своим выводам, ничто не может быть приятнее для исследователя; благодарим усердно почтенного ученого, отыскавшего историческое свидетельство столь любопытное». С. 4.</p>
--	--	---	---

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1853	I	1	С.Т. Аксаков. Биография М.Н. Загоскина. С. 17-72.	
		2	Г. Шеппинг. Ответ г. Аксакову. Смесь. С. 51- 54.	
	III	10	А.Н. Попов. Отрывок из	

			сочинения: Россия в отношении к державам европейским при кончине царя Алексея Михайловича. Отд. Науки. С. 47-64.	
--	--	--	---	--

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1854	I	1	С.Т. Аксаков. Охота с ястребом за перепелами. Отд. Смесь. С. 10-30.	
	II	5	С.Т. Аксаков. Отрывок из семейной хроники. Отд. Русская словесность. С. 17-48.	
	II	7	Записки об ужении рыбы <i>С. Аксакова</i> . Отд. Критика и Библиография. С. 129-131.	Положительная рецензия на книгу С.Т. Аксакова.
	III	11	С.Т. Аксаков. Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости. Отд. Русская словесность. С. 119-152.	
	V	20	С.Т. Аксаков. Отрывки из рассказов и	

			<p>воспоминаний охотника (I. Охота с отрогою. II. Ловля шатром тетеревов). Отд. Смесь. С. 159-176.</p> <p>С.Т. Аксаков. Несколько слов о статье «Воспоминания старого театрала». Отд. Смесь. С. 201-202.</p>	
	VI	11	<p>Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом; соч. <i>А. Попова</i>. Отд. Критика и библиография. С. 99-107</p>	Хвалебная рецензия на книгу А.Н. Попова.

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1855	V	9	<p>Рассказы и воспоминания охотника С. Аксакова. Отд. Критика и библиография. С. 125</p>	

Год	Часть	Номер	Произведение славянофилов	Примечание
1856	III	5	<p>А.С. Хомяков. Мечтание. Отд.</p>	

			<p>Изыщная словесность. С. 92.</p> <p>А.С. Хомяков. Пророк. Отд. Изыщная словесность. С. 93.</p> <p>А.С. Хомяков. К братьям. (стихотворения) Отд. Изыщная словесность. С. 94.</p>	
--	--	--	---	--

Приложение 2

**Количество публикаций славянофилов в журнале «Москвитяин» по
фамилиям авторов**

1. Аксаков И.С. – 2
2. Аксаков К.С. – 6
3. Аксаков С.Т. – 6
4. Елагина А.П. – 3
5. Киреевский И.В. – 12
6. Киреевский П.В. – 1
7. Попов А.Н. – 6
8. Самарин Ю.Ф. – 1
9. Хомяков А.С. – 21
10. Чижов Ф.В. – 3